

206.749

Ж-1632

до

№ 50

1915

РУССКІЙ БИБЛЮФИЛЬ

LE BIBLIOPHILE RUSSE

I

ПЕТРОГРАДЪ.

dessiné par Tshobolsky

gravé par Schoenberg

IV

~~205743~~ my

201632

Львівська Бібліотека
А. Н. УССР

206.749

до М

50-

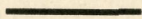
№ 1. Январь 1915 г.

РУССКІЙ БИБЛЮФИЛЪ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИКО - ЛИТЕРАТУРНЫЙ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ.

ВЫХОДИТЪ 8 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

LE BIBLIOPHILE RUSSE

REVUE ILLUSTRÉE

DES AMATEURS DE LIVRES ET DE GRAVURES.

PARAIT 8 FOIS PAR AN.

Pétrograd.

Петроградъ. Рыночная, 10.

149
10681

Львівська Бібліотека
А. Н. УССР

АНБ ім. В. Старицького
АН УРСР

А. А. Воейкова портретъ работы художника Олешкевича (1821 г.).
Собств. гр. Н. А. Бревернъ-де-ла-Гарди.

Львівська Бібліотека
А. Н. УССР

БУМАГИ А. А. ВОЕЙКОВОЙ.

(СВѢТЛАНЫ).

Предлагаемая ниже работа составлена на основаніи бумагъ архива А. А. Воейковой, находящихся въ настоящее время въ распоряженіи редакціи „Русскаго Библіофила“. Архивъ этотъ принадлежалъ до сего времени внуку Свѣтланы, графу Н. А. Бревернъ-де-ла-Гарди, которымъ и былъ тщательно разобранъ, приведенъ въ порядокъ и снабженъ нѣкоторыми примѣчаніями.

Въ 1-ой части настоящаго труда мы постараемся обрисовать, на основаніи новыхъ документовъ, свѣтлый обликъ А. А. Воейковой, сыгравшей столь видную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія начала XIX столѣтія.

Во 2-ой части будутъ опубликованы оставшіяся послѣ нея бумаги, ввидѣ альбомовъ, отдѣльныхъ стихотвореній, писемъ и т. д. ¹⁾.

Между стихотвореніями находится много неизданныхъ произведеній Жуковскаго, Языкова, Козлова и др.; между письмами — крайне любопытны письма самой Свѣтланы, письма Жуковскаго, до сихъ поръ не бывшія въ печати и т. д.

Богатый иллюстраціонный матеріалъ, находящійся въ альбомахъ будетъ также, по возможности, полно использованъ.

Въ заключеніе необходимо добавить, что для характеристики А. А. Воейковой, крайне важными явились письма о ней А. И. Тургенева и В. А. Жуковскаго, нигдѣ еще не напечатанныя, и любезно предоставленныя въ наше распоряженіе А. А. Оминымъ.

Считаемъ своимъ долгомъ выразить искреннюю благодарность проф. И. А. Шляпкину за его цѣнныя указанія и любезное содѣйствіе въ нашемъ трудѣ.

Н. С.

¹⁾ Выдержки изъ альбомовъ А. А. Воейковой помѣщены въ „Русской старинѣ“ 1902 г. IV и въ „Русскомъ Архивѣ“ 1912 г. Кромѣ того ея альбомы имѣются у гр. М. А. Бревернъ-де-ла-Гарди и у А. О. Онѣгина въ Парижѣ.

Гр. Кармолицъ.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.

(А. А. Воейкова-Свѣтлана).

Глава I.

Дѣтство Саши Воейковой.—Жуковский Воспитатель.—Юность.—Характеристика Саши по ея альбомамъ.—Взгляды на жизнь.—Характеристика ея словами Жуковского.

Поэтическій образъ младшей племянницы Жуковскаго, Александры Андреевны Протасовой-Воейковой, музы и вдохновительницы многихъ нашихъ поэтовъ первой половины XIX-го столѣтія, до сихъ поръ былъ недостаточно выясненъ въ нашей литературѣ, а между тѣмъ, въ ряду выдающихся русскихъ женщинъ, прекрасной Свѣтланѣ, какъ называлъ ее Жуковский, принадлежитъ весьма замѣтное мѣсто.

Любовь Жуковскаго къ ея старшей сестрѣ Машѣ, вмѣстѣ съ развивавшейся на этой почвѣ сердечной драмой, какъ то заслонила отъ глазъ потомства трогательную судьбу Александры Андреевны, хотя, быть можетъ, вліяніе ея на поэзію Жуков-

скаго было не менѣе значительнымъ, чѣмъ вліяніе Маріи Андреевны Мойеръ.

И, несомнѣнно, между двумя женщинами, сыгравшими такую видную роль въ жизни поэта, между первой юной страстью, Машей и послѣднею любовью закатныхъ дней, молодою женою, образъ третьей, дорогой ему женщины, чувства къ которой у него носили всегда чисто братскій характеръ, является наиболѣе близкимъ и родственнымъ ему по духу.

Воспринимая Сашу отъ купели, Жуковскій какъ бы пріобшилъ ее своему поэтическому генію, какъ бы вложилъ въ нее свой талантъ, свое стремленіе къ изяществу и красотѣ, передалъ ей всю ту ясность и свѣтоточивость души, все то личное обаяніе, которымъ отличался всегда онъ самъ.

Въ своемъ прекрасномъ трудѣ, посвященномъ Маріи Андреевнѣ Протасовой-Мойеръ, П. Н. Сакулинъ ¹⁾ живо рисуетъ намъ симпатичный образъ „земного ангела“, сумѣвшаго внушить къ себѣ такую трогательную любовь и привязанность идеалиста-поэта. Шагъ за шагомъ разбираетъ онъ постепенное развитіе ума Маріи Андреевны, начиная съ ея ранняго дѣтства, начиная съ первыхъ уроковъ Жуковского, какъ извѣстно, занявшагося воспитаніемъ своихъ племянницъ въ 1805 году ²⁾.

Міровоззрѣніе самого родоначальника русскаго литературнаго романтизма, естественно, не могло не наложить своей печати на умственное развитіе его ученицъ, не совсѣмъ, однако, одинаково воспринявшихъ его ученіе.

Старшая Протасова является представительницей сентиментально романтическаго типа барышни начала XIX вѣка, воспитанной на романахъ Жанлисъ, заливающейся слезами надъ чтеніемъ Вертера и черпающей свое религіозное настроеніе въ проповѣдяхъ Массильйона.

Эта типичная Пушкинская Татьяна, можетъ быть болѣе глубокая и мыслящая, болѣе основательно образованная. Философская сторона міросозерцанія Жуковского особенно сильно заинтересовала Машу, и направленіе ея ума приняло какой то мистически-религіозный характеръ. Вопросы чистой литературы, близкіе нашему поэту, занимали ее гораздо меньше, чѣмъ разсужденія о загробной жизни, о безсмертіи души, грустныя мечты о какомъ-то неземномъ, нездѣшнемъ царствѣ.

И вотъ бокъ о бокъ съ этой вдумчивой и серьезной дѣ-

¹⁾ Изв. II Отд. Имп. Ак. Наукъ, XII. 1.

²⁾ Программа его преподаванія приведена въ книгѣ Зейдлица: Жизнь и поэзія Жуковского, стр. 30. Тутъ и словесность, и философія, и теологія и эстетика.

вушкой росло существо совершенно другого склада. Легкая, воздушная, какъ сама мечта, полная неистощимаго запаса здороваго смѣха, рѣзвилась и щебетала ея младшая сестра Саша ¹⁾, наполняя весь домъ жизнью и весельемъ. Мать, сестра, подруги и всѣ окружающіе обожали красавицу „Сандрокъ“, это „милое творенье“, съ ея весело смѣющимся личикомъ, обрамленнымъ русыми кудряшками, кружащуюся „какъ сверчокъ“, „по стульямъ и окошкамъ“, забавляющую всѣхъ своими милыми шалостями.

„Ты милое творенье,
Ты взглядомъ обратишь
И горе въ восхищенье.
Съ тобой явилась въ свѣтъ.
Веселость, богъ крылатый,
Она твой провожатый,
При ней несчастья нѣтъ“ ²⁾.

Такъ кончаетъ Жуковскій свое шуточное стихотвореніе, перечисляющее различныя проказы милой „Сандрокъ“, которая обожала своего крестнаго, и не называла его иначе какъ „папкой“ ³⁾.

Рѣзвый и шаловливый ребенокъ скоро превратился въ умную, красивую, жизнерадостную дѣвушку, обладавшую удивительною способностью своимъ обаяніемъ привлекать къ себѣ сердца окружающихъ, „плѣнять все, что ей не встрѣтится“, по выраженію Жуковского. Она была въ это время, по его же словамъ, „точно воздушный геній“; всегда веселая, живая, беззаботная, она умѣла заражать всѣхъ своимъ искреннимъ смѣхомъ. О внѣшности „Свѣтланы“ мы можемъ судить по оставшимся ея портретамъ, и нельзя не согласиться съ современниками, называвшими ее красавицей, самой Граціей, Венерой и Сильфидой. О красотѣ ея упоминаетъ постоянно и Жуковскій и въ стихотвореніяхъ, ей посвященныхъ, и въ перепискѣ со своими друзьями.

Удивительная грація, какая то неземная легкость и поэтичность всей ея фигуры, напоминавшей воздушную Сильфиду, очаровывали всѣхъ ее знавшихъ, и, по словамъ современниковъ, нужно было только разъ увидѣть ее, чтобы не забыть никогда.

Мы не много имѣемъ свѣдѣній о ранней молодости сестеръ Протасовыхъ, и въ частности Александры Андреевны; лишь

¹⁾ Род. 20 августа 1795 г.

²⁾ См. соч. Жуковского, изд. подъ ред. А. Архангельскаго II. 84.

³⁾ См. въ приложеніи: „Бумаги А. А. Воейковой“, письмо ея изъ-за границы Жуковскому 1826 г.

теперь публикуемые альбомы послѣдней даютъ намъ нѣкоторый матеріалъ для характеристики ея въ раннюю эпоху ея жизни.

Широкое распространѣніе дружескихъ альбомовъ, столь характерное для начала XIX столѣтія, явилось результатомъ того культа сентиментальной дружбы, который царилъ въ русскомъ обществѣ александровской эпохи. Эти маленькія, изящно-переплетенныя книжки хранили на своихъ листочкахъ интимныя изліянія молодыхъ сердецъ и, вмѣстѣ съ засушенными цвѣтами, сохраняли неувядаемыми тѣ пылкія мечты и надежды, которыми жили ихъ владѣльцы въ дни далекой юности.

Увядало съ годами сердце, притуплялись чувства, тускнѣли закопченныя дымомъ жизни тѣ розовыя стекла, черезъ которыя взирала юность на невѣдомый ей еще міръ, но въ этихъ альбомахъ, какъ живыя, сохранялись воспоминанія былыхъ иллюзій и при чтеніи ихъ, хотя на минуту, воскресало далекое, безоблачное, молодое счастье...

Среди трафаретныхъ и банальныхъ увѣреній въ дружбѣ, среди пошленькихъ стиховъ и тенденціозныхъ нравоученій и выписокъ изъ сентиментальныхъ романовъ, увлекавшихъ всю молодежь той эпохи, можно нерѣдко, между строкъ, прочесть душу владѣльцы альбома, заносившей на его страницы все, что болѣло у нея на юномъ сердцѣ, отмѣчавшей изъ читаннаго все то, что отвѣчало ея мыслямъ, что трогало и волновало ея душу. Не мало цѣнныхъ произведеній нашихъ лучшихъ поэтовъ сохранили такіе альбомы, и въ этомъ глубокое значеніе немного наивныхъ на современный взглядъ, но всегда искреннихъ и непосредственныхъ маленькихъ тетрадокъ.

Въ бумагахъ „Свѣтланы“ мы нашли черновое неотдѣланное стихотвореніе Жуковского, написанное его рукою, дающее любопытную характеристику модныхъ тогда, дружескихъ альбомовъ.

Альбомъ.

Тотъ истинный мудрецъ, кто выдумалъ альбомъ!

Въ нашъ вѣкъ чувствительный, когда друзей содомъ,

Признаться очень можно

Невиннымъ образомъ иного позабыть!

Чтожъ дѣлать! — Дружество прямое осторожно!

Въ альбомъ друзей! въ альбомъ! — Вписалъ! тутъ имъ и быть!

Намъ скажутъ: въ старину альбомовъ не знавали,

Но средство сохранить и дружбу и друзей

Надежнѣйшее знали —

Ихъ въ сердцѣ берегли! — Нашъ вѣкъ еще хитрѣй!

Намъ опытъ доказалъ что въ сердцѣ дружбѣ тѣсно! —
 Чтожъ? — (Изобрѣтеніе) чувствительныхъ чудесно!
 Теперь намъ каждый шагъ о дружбѣ говоритъ,
 Тотъ въ бюстѣ гипсовомъ за печкой пріютился,
 Тотъ въ шифрѣ оживленъ, въ снурочкѣ, на экранѣ, —
 Но всѣхъ чудеснѣе магическій альбомъ!
 Здѣсь дружба вѣрная скрѣпляется перомъ!
 Какъ можно тѣхъ забыть, кто въ сердцѣ и карманѣ!

Изъ девяти находящихся въ нашемъ распоряженіи альбомовъ, принадлежавшихъ Александрѣ Андреевнѣ, два относятся къ годамъ ея юности, приблизительно 1809 — 1814 годамъ. Первый помѣченъ 20 августа 1809 года и представляетъ собою небольшую книжку въ шестнадцатую долю листа, переплетенную въ красный сафьянъ. Повидимому Саша рѣдко разставалась съ нимъ и замѣтки въ немъ сдѣланы и въ Муратовѣ, и въ Москвѣ, и въ Бѣлевѣ, и въ Дмитровскомъ, словомъ — вездѣ, куда только попадало семейство Протасовыхъ.

Обычныя альбомныя записи подругъ и кузинъ Кирѣевской, Юшковой, Офросимовой, Свѣчиной и другихъ, преимущественно на французскомъ языкѣ, несмотря на банальность своего содержанія, отличаются большой искренностью по отношенію къ Сашѣ и рисуютъ намъ веселый, нѣжный и привязчивый характеръ молодой дѣвушки, горячо любимой своими подругами. Она и сама, какъ и вся молодежь ея времени, поклонялась культу дружества, отдавая дружбѣ, по обычаю, предпочтеніе передъ любовью.

„Любовь — это утренняя тѣнь, записываетъ она изрѣченіе нѣмецкаго писателя, съ каждымъ моментомъ она уменьшается. Дружба — тѣнь вечерняя, которая растетъ, пока не померкнетъ солнце жизни“ ¹⁾).

Веселость своего характера, о которой всегда упоминають ея современники и которую не разъ отмѣчаетъ въ своихъ стихахъ Жуковскій, Александра Андреевна сохранила во всю свою жизнь, несмотря ни на какія печальныя обстоятельства и семейныя неудачи. Въ самыя тяжелыя минуты своей жизни она умѣла находить утѣшеніе для другихъ, и своимъ яснымъ, свѣтлымъ и радостнымъ видомъ, казалось, брала всегда верхъ надъ всякимъ земнымъ зломъ. Уже на страницахъ своего перваго, дѣтскаго альбома она старается объяснить эту черту своего характера; примѣняя къ себѣ извѣстный стихъ Жуковского „Моя жалоба“:

¹⁾ Liebe ist der Schatten am Morgen, mit jedem Augenblick wird er kleiner. Freundschaft aber der Schatten am Abend: er wächst bis die Sonne des Lebens sinkt.

„Вамъ странно, отчего во всю я
 Жизнь мою такъ веселъ (а) — вотъ секретъ:
 Вчера дарю забвенью,
 Веселью нынче отдаю,
 А завтра — Провидѣнью.

Стихъ этотъ записала Саша своею рукою, и видимо, передѣлывала слово „веселъ“ на „весела“.

„Il faut rire avant d'être heureux, пишетъ ей Жуковскій, de peur de mourir sans avoir ri“¹⁾.

И Саша, по завѣту друга, какъ бы дѣйствительно торопилась радоваться и наслаждаться жизнью въ ожиданіи того счастья, котораго она такъ и не дождалась никогда...

Одною изъ отличительныхъ чертъ обѣихъ сестеръ Протасовыхъ была ихъ благоговѣйная любовь и уваженіе къ матери, которая въ послѣдствіи явилась главною причиною несчастья ихъ обѣихъ. Въ этихъ трогательныхъ отношеніяхъ можно, быть можетъ, видѣть отчасти и вліяніе Жуковского, который, какъ извѣстно, будучи воспитанъ въ отдаленіи отъ родной матери и лишенный въ дѣтствѣ ея ласкъ, всегда особенно цѣнилъ семейныя связи.

Вотъ что пишетъ Саша своимъ еще дѣтскимъ почеркомъ въ началѣ своего альбома:

„Уваженіе къ себѣ моя мать внушила намъ своею прямою, своими добродѣтелями и тѣмъ тономъ благоразумія, котораго она держалась во всемъ своемъ обхожденіи.

Довѣріе къ ней мы черпали въ той увѣренности, которую она сумѣла въ насъ вселить, что она не дѣлала и не желала ничего, что бы не было для насъ полезнымъ“²⁾.

Того слѣпого и безграничнаго довѣрія, которымъ полны искреннія строки, написанныя 15-лѣтнимъ ребенкомъ, и которое наполняло все существо пассивныхъ и безвольныхъ по природѣ сестеръ, Екатерина Афанасьевна, какъ мы увидимъ позднѣе, оправдать не сумѣла, и ложному пониманію своего долга принесла въ жертву своихъ дочерей³⁾.

„Мудрость и доброта моей матери, писала Саша въ другомъ альбомѣ позднѣе, приобрѣли ей вліяніе на мой характеръ,

¹⁾ Надо смѣяться прежде чѣмъ быть счастливымъ, изъ боязни умереть, не имѣвши случая посмѣяться.

²⁾ Le respect pour elle ma mère nous l'avoit inspiré par sa fermeté, ses vertus et le ton de raison qu'elle portoit dans toute sa conduit. La confiance elle nous l'avoit donné par la persuasion ou elle nous mettoit qu'elle ne faisait rien, et n'exigeait rien, de nous, qu'il ne fut pour notre bonheur.

³⁾ Въ дневникѣ Жуковского, стр. 21, отмѣчено суровое обращеніе Е. А. съ дочерьми, за что онъ ее осуждалъ.

Е. А. Протасова. Рисунокъ карандашемъ.
Собств. гр. Н. А. Бревернъ-де-ла-Гарди.

которое она употребляла только для моего блага. Для того чтобы меня наказать, ей было достаточно назвать меня холодно *Mademoiselle* и посмотрѣть на меня строгимъ взглядомъ! Я чувствую еще впечатлѣніе, которое производилъ на меня этотъ взглядъ, такой ласковый обыкновенно. И когда ея трогательный голосъ проникалъ въ мое сердце, не учила ли она меня подражать себѣ?“ ¹⁾ Жуковский приписалъ при этомъ: „Гласъ матери всегда и краснорѣчивъ и силенъ“.

Во всякомъ случаѣ, съ дѣтьми Екатерина Афанасьевна была очень близка, и отношенія ея къ нимъ отличались большою нѣжностью. Недостаточно образованная съ дѣтства, она сумѣла, присутствуя на урокахъ Жуковского, пополнить свое образованіе и охотно занималась съ дочерьми чтеніемъ книгъ и разборомъ прочитаннаго. На страницахъ альбома Саши, мы не разъ встрѣчаемъ записи ея при различныхъ выпискахъ изъ французскихъ авторовъ: „dicté par maman“, а 1-го мая 1810 года Екатерина Афанасьевна сама записала въ Сашинъ альбомъ слѣдующія слова:

„Очень меня утѣшило мой милой другъ Сашинька, что ты чувствуешь истину словъ, которыя мы вчера съ тобой прочли, дай Господи, чтобъ и никогда твое мнѣніе въ семъ случаѣ не перемѣнилось. Вписываю въ твою книжку точно для того чтобъ она тебѣ напоминала весь нашъ разговоръ и спокойно счастливое время нами проведенное, за которое, такъ какъ и за васъ вседневно благодарю Бога“. Затѣмъ на 8-ми страницахъ слѣдуетъ выписка изъ сочиненія французскаго автора, въ которомъ проповѣдуется близость человѣка къ природѣ, въ которой авторъ видитъ „прообразъ рая“, а на лонѣ ея истинное счастье, безъ осадка горечи и недовольства, которыя всегда остаются отъ радостей и удовольствій душнаго и дымнаго города. Модныя тогда идеи Руссо не могли не увлекать муратовскую молодежь, а Екатерина Афанасьевна мечтала, очевидно, объ устройствѣ подрастающихъ дочерей вблизи себя, въ замужествѣ за ближайшими помѣщиками, не желая плѣнять ихъ прелестями столичной жизни.

Вообще, нельзя сказать, чтобы посреди веселыхъ забавъ и рѣзвыхъ шалостей умственное развитіе Саши шло позади развитія ея сестры. Учились и читали онѣ вмѣстѣ подъ руко-

¹⁾ La sagesse et la bonté de ma Mère lui acquirent un ascendant sur mon caractère dont elle n'usa jamais que pour mon bien. Elle n'a jamais eu besoin pour me punir, que de m'appeler froidement *Mademoiselle*, et de me regarder d'un oeil sévère: Je sens encore l'impression que me faisait ce regard, si caressant pour l'ordinaire. Et lorsque se voix touchante venait pénétrer mon coeur, ne m'apprenait elle pas à lui ressembler!

водствомъ Жуковскаго и послѣдній всегда оставался довольнымъ способностями и прилежаніемъ своей крестницы. Не могла, конечно не отдать дани своему вѣку и веселая Свѣтлана, увлеченіе романтизмомъ которой оставило замѣтные слѣды на страницахъ ея альбома. Намъ кажутся немного странными инныя выписки и замѣтки, такъ мало соотвѣтствующія жизнерадостному характеру молодой дѣвушки. Разсужденія о кратковременности земной жизни, о лучшей жизни за гробомъ, о тщетѣ и суетѣ всѣхъ земныхъ радостей и удовольствій, наполняютъ маленькія странички въ видѣ выписокъ изъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ авторовъ, и въ видѣ оригинальныхъ сентенцій Жуковскаго и самой Свѣтланы.

„Умереть это единственная надежда, которая остается несчастному человѣчеству“ — записываетъ Саша ¹⁾.

„Все говоритъ намъ, что мы только путники на землѣ“ ²⁾. „Увы, такова жизнь, она полна короткихъ радостей, и долгихъ печалей, полна начатыхъ и разрушенныхъ связей“, пишетъ она въ другомъ мѣстѣ, вѣроятно по поводу ранней смерти ея подружки и кузины М. Офросимовой ³⁾.

„Тысячи случайностей разлучаютъ людей любящихъ другъ друга въ этой жизни; затѣмъ наступаетъ разлука смерти, разрушающая всѣ наши планы“... ⁴⁾. „Est que la mort est une séparation?“ (Развѣ смерть разлука?) приписываетъ къ этому Жуковский и заканчиваетъ словами Шиллера:

„Schwester! über im Sternfeld, muss
ein guter Vater wohnen“ ⁵⁾.

А вотъ два стихотворенія на ту же тему:

„Жизнь, ты море и волненье,
„Смерть, ты пристань и покой,
„Будетъ тамъ соединенье
„Разлученныхъ здѣсь волной“.

„Подъ гибельной сатурновой косою
„Возможно ли нетлѣннаго искать.
„Оно насъ ждетъ за гробовой доскою
„А на землѣ удѣлъ всего вернѣй мечтать“.

¹⁾ Sterben ist die einzige Hoffnung die uns armen Menschen bleibt.

²⁾ Tous nous annonce, que nous ne sommes que de voyageurs ici bas.

³⁾ Марія Офросимова, дочь сестры Екатерины Афанасьевны — Варвары. † 1809 г.

⁴⁾ Hélas! telle est la vie, elle est pleine de courtes joies et de longues douleurs, de liaisons commencées et rompues... Mille accidents séparent les hommes qui s'aiment pendant la vie; puis vient cette séparation de la mort, qui renverse tous nos projets...

⁵⁾ Сестра, тамъ наверху въ звѣздномъ небѣ, долженъ жить добрый отецъ.

Послѣдніе стихи, записанные здѣсь рукою Саши, написаны самимъ Жуковскимъ около того же времени и въ альбомѣ Маріи Андреевны. Надъ ними, также рукою Свѣтланы, слова: „Tout finit par ci-git“.

И вотъ изъ этого глубокаго убѣжденія въ тщетѣ и суетѣ всего земного, вытекаетъ понятіе о нравственномъ идеалѣ чело-вѣка по рецепту романтиковъ и Жуковскаго. Этотъ идеалъ выраженъ въ первой строфѣ стариннаго французскаго стихотво-ренія, записаннаго Сашею въ началѣ своего альбома ¹⁾:

„Ecoutez gente Damoiselle
 „Ecoutez aussi Damoiseau
 „Vaut mieux etre bonne que belle
 „Vaut mieux etre loyal que beau.
 „Beauté passe, passe jeunesse
 „Bonté reste est gagne les coeurs
 „Avec douceur est gentillesse
 „Epines d'amour sont des fleurs“ ²⁾.

Это преимущество красоты духовной передъ красотою тѣлесной становится какимъ-то девизомъ Саши, записывающей чье то-сравненіе послѣдней съ путникомъ, скоро удаляющимся, первой же—съ другомъ, остающимся навсегда ³⁾.

Вотъ нравственный идеалъ 15-лѣтней красавицы, которая свое личное счастье видитъ въ томъ, чтобы чувствовать себя полезной и нужной для другихъ ⁴⁾.

Ея душа ищетъ прочной привязанности, безсознательно уже чувствуетъ потребность любви, все еще смѣшивая ее съ друж-бою.

„Я люблю однообразіе въ жизненныхъ чувствахъ, пишетъ она по французски, и буду искать счастья только въ привычкѣ“. Ея другъ и учитель пишетъ подъ этими строками: „это потому что у васъ любящее сердце. Для того, кто умѣетъ любить, что можетъ быть дороже привычки“ ⁵⁾.

Чрезвычайно характернымъ въ связи со всѣмъ этимъ является взглядъ молодой дѣвушки на назначеніе женщины,

¹⁾ Histoire de Sire Gauthier Souverain du Comté de Saluces et de la belle Griseldis.

²⁾ Лучше быть доброй, чѣмъ прекрасной, лучше быть преданной (вѣрной), чѣмъ красивой. Красота и молодость проходятъ, добродѣтель остается и привле-каетъ сердца...

³⁾ La beauté du corps est un voyageur qui passe, celle de l'âme — un ami, qui reste.

⁴⁾ Pour être heureux il faut se croire nécessaire au bonheur de ce qu'on aime, c'est la première et la plus douce des illusions.

⁵⁾ J'aime la monotonie dans les sentiments de la vie et je ne chercherai le bonheur que dans l'habitude.—C'est que vous avez coeur aimant. Pour qui sait aimer qu'est ce qui peut être plus cher que l'habitude.

счастье которой, по ея мнѣнію, неразрывно связано съ долгомъ ¹⁾. Подчиненіе послѣднему является у нея не принужденнымъ, а добровольнымъ, совершенно сознательнымъ, исполненнымъ какой-то свѣтлой радости. Доля каждой женщины терпѣть и работать, терпѣть съ радостью, молитвой и улыбкой на устахъ, ожидая себѣ награды лишь въ будущей жизни ²⁾.

Gehorsam ist des Weibes Pflicht auf Erden
Das zarte Dulden ist Ihr schweres Loos
Durch strengen Dienst muss sie gelästert werden
Die hier gedienet, wird da oben gross ³⁾.

Женщина въ ея глазахъ должна быть синонимомъ благочестія, добродѣтели ⁴⁾ и только въ соединеніи этихъ качествъ съ разумомъ достигается ея истинная красота. Она осуждаетъ тщеславное увлеченіе своею внѣшностью, видя въ этомъ величайшій порокъ женщины и порицаетъ чрезмѣрную экзальтированность и чувствительность женскаго воспитанія.

„Не желай страстно“, писала Саша въ альбомъ Жуковскому, то есть предоставь все справедливой судьбѣ, волѣ благого Провидѣнія, пекущагося о человѣкѣ въ его краткой земной жизни.

Въ отвѣтъ на эту записку, которая не сохранилась для насъ въ полномъ видѣ, Жуковскій написалъ 30 апрѣля 1810 года въ нашъ альбомъ свое извѣстное разсужденіе о счастьѣ и надеждѣ ⁵⁾.

Въ началѣ его онъ развиваетъ свою извѣстную и высказанную не разъ мысль о счастьѣ и о „фонаряхъ“, какъ его символахъ. Онъ отрицаетъ въ жизни человѣка значеніе „надежды“, заставляющей людей ради будущаго пренебрегать настоящими минутами счастья. „Рваться въ будущее вслѣдъ за надеждой“, значитъ, по его мнѣнію, мѣшаться въ дѣло Провидѣнія. Надо жить для настоящей минуты, и въ каждую изъ нихъ быть достойнымъ его благодати.

Онъ заканчиваетъ свое разсужденіе, написанное по русски, слѣдующими французскими фразами:

¹⁾ Le bonheur est pour les femmes inséparable du devoir.

²⁾ Bete und arbeite! Schweige und dulde! Lächle und stirb! (Молись и работай! Молчи и терпи! Улыбайся и умирай)!

³⁾ Покорность — долгъ женщины на землѣ.
Кроткое терпѣніе — ея тяжелый удѣлъ.
Обремененная тяжкимъ служеніемъ,
Униженная здѣсь, она будетъ возвышена тамъ.

⁴⁾ Une femme de pudeur est une grace, qui passe toute grace.

⁵⁾ См. „Русск. Старина“, 1902. IV.

«Mettons à la place de l'Esperance trompeuse, la Providence qui ne trompe pas, alors tous devient conséquent dans la vie! On sait d'avance le mot de l'énigme! Ce mot n'est autre chose que: mériter»¹⁾).

Онъ же написалъ далѣе:

„Eintachheit und Wahrheit! Ewige Unzertrennliche Freundschaft“²⁾.

Въ другомъ мѣстѣ онъ написалъ: „Надежда на небѣ, призракъ ея на землѣ“.

„Боятся призраковъ: отчего же не боятся призрака надежды? Онъ наиболѣе опасенъ, такъ какъ наиболѣе обманчивъ“³⁾.

Впрочемъ отъ Надежды — фантазіи Жуковскій отличалъ другую Надежду, чисто христіанскую, соединенную съ вѣрою и любовью, о которой онъ писалъ Сашѣ въ 1817 г. въ Кіевѣ⁴⁾.

„Пускай же сидитъ подлѣ тебя надежда, не надежда — фантазія; но сестра смиренная, тихая, источникъ великаго, причина вѣры и добродѣтели, намъ бодрость и мужество и силу дающая. Она не говоритъ, чего и когда ждать тебѣ, но будетъ твердить, что вѣрно желанное будетъ и что доброе никогда погибнуть не можетъ и что все въ жизни къ прекрасному средство“.

И надежда такого рода была вѣрною спутницею Свѣтланы, животворящимъ источникомъ, дававшимъ силу и бодрость ея существуванію.

Въ этой христіанской надеждѣ, въ этой глубокой вѣрѣ въ Провидѣніе, которую воспитывалъ и поддерживалъ въ своей ученицѣ Жуковскій, въ ея міровоззрѣніи и представленіи идеала женщины и человѣка, лежитъ разгадка того удивительнаго смиренія и терпѣнія, съ которыми, какъ мы скоро увидимъ, она сумѣетъ перенести всѣ невзгоды своей неудачно сложившейся жизни.

Но, отдавая дань своему вѣку и удѣляя мѣсто религіозно-мистическимъ мечтаніямъ, кудрявая головка Свѣтланы не слишкомъ долго останавливалась на этихъ глубокихъ вопросахъ, которые такъ сильно интересовали ея старшую сестру.

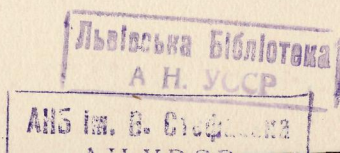
Она предпочитала поэтическія занятія съ крестнымъ, переписывала его стихи и служила музой вдохновительницей молодого поэта. Съ нимъ же она занималась и рисованіемъ, къ

¹⁾ Поставимъ на мѣсто обманчивой надежды — Провидѣніе которое не обманываетъ и тогда въ жизни все будетъ послѣдовательно! Мы знаемъ напередъ слова Загадки! Это слово не что иное какъ: быть достойнымъ.

²⁾ Простота и истина, вѣчная неразрывная дружба.

³⁾ Переводъ съ французскаго.

⁴⁾ См. ниже.

чему имѣла большія способности и усердно, „до боли въ груди“ рисовала подѣ руководствомъ Жуковскаго.

Въ письмахъ къ А. И. Тургеневу Жуковскій съ большою нѣжностью отзывается о своей „милый переписчицѣ“, говоря что стихи его „переписываетъ прелестнѣйшая рука, рука милой Граціи, въ самомъ дѣлѣ Граціи“¹⁾. Гораздо позднѣе (16 марта 1829 года), онъ пишетъ ему же, вспоминая далекіе муратовскіе дни: „Съ 15 лѣтъ она (Свѣтлана), во всемъ была моимъ прелестнымъ товарищемъ. Сперва какъ милый цвѣтушій младенецъ, которымъ душа любовалась въ то время, когда душа расцвѣтала; потомъ какъ веселая, живая, беззаботная, какъ будто обреченная для лучшаго земного счастья, какъ сама ясная надежда. Какъ была она мила въ своей первой молодости! Точно воздушный геній, съ которымъ такъ было весело мнѣ въ моемъ деревенскомъ поэтическомъ уединеніи“.

Цѣлый рядъ посвященныхъ Сашѣ стихотвореній указываетъ намъ на то значеніе, которое имѣла она въ это время для поэзіи Жуковскаго. Кромѣ большого числа шуточныхъ стиховъ и посланій, частью впервые теперь появляющихся въ печати и приводимыхъ нами въ слѣдующей главѣ, къ числу ихъ относятся такія извѣстныя вещи, какъ „Свѣтлана“, въ послѣднихъ строкахъ которой поэтъ впервые называетъ своимъ собственнымъ арзамасскимъ прозвищемъ свою крестницу, и которая написана была въ 1811 г.; предисловіе къ „Громобою“, написанное еще раньше, въ 1810 г.²⁾; стихотвореніе „Свѣтланѣ“, относящееся къ 1812 году и многія другія³⁾.

¹⁾ 12 сент. 1810 г. См. письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу стр. 62.

²⁾ Моихъ стиховъ желала ты,
Желанье исполняю
Тебѣ досугъ мой и мечты
И лиру посвящаю.
Вотъ повѣсть прадѣдовскихъ лѣтъ
Еще жъ одно желанье:
Цвѣти мой несравненный цвѣтъ,
Сердецъ очарованье.
Печаль по слуху только знай
Будь радостію свѣта
Моихъ стиховъ хоть не читай,
Но другомъ будь поэта.

³⁾ Напр. стихотвореніе 1808 г. „при посылѣ альбома“:
Невинность мирная, краса души твоей,
Подъ сѣнью матери съ тобой да сохранится!
О, небо, пусть идетъ веселія стезей!
Да скорбью никогда сей взоръ не помрачится!
Собой счастливить всѣхъ — прелестный жребій твой!
Счастливыхъ близъ тебя внимай благословенью!
Невинный, милый другъ, храни души покой
Да сохранить тебя святое Провидѣнье.

Впрочемъ, это же стихотвореніе записано и въ альбомѣ Маши въ 1807 году.

Въ послѣднемъ стихотвореніи поэтъ даетъ намъ характеристику своей крестницы и мы считаемъ не лишнимъ привести его здѣсь цѣликомъ:

Хочешь видѣть жребій свой
Въ зеркалѣ, Свѣтлана?
Ты спросись съ своей душой
Скажетъ безъ обмана,
Что тебѣ здѣсь суждено,
Намъ душа зеркало!
Все въ ней все заключено,
Что намъ обѣщало
Провидѣнье въ жизни сей!
Милый другъ, въ душѣ твоей
Непорочной, ясной,
Съ восхищеньемъ вижу я,
Что сходна судьба твоя
Съ сей душой прекрасной.
Непорочность спутникъ твой
И веселость, гений!
Всюду будутъ предъ тобой
Съ чашей наслажденій.
Лишь тому, въ комъ чувства нѣтъ,
Путь земной ужасенъ:
Счастье въ насъ и Божій свѣтъ
Нами лишь прекрасенъ.
Милый другъ, спокойна будь!
Безопасенъ твой здѣсь путь
Сердце твой хранитель
Все судьбою въ немъ дано
Будетъ здѣсь тебѣ оно
Къ счастью предводитель!

Предсказателемъ, впрочемъ, поэтъ оказался плохимъ, и нарисованной имъ картины счастья не выпало на долю бѣдной Свѣтланы.

Для характеристики Свѣтланы въ эту эпоху представляютъ интересъ два стихотворенія, французское и нѣмецкое, записанныя въ альбомъ Маріи Андреевны и относящіяся къ 1813 году.

I.

Pour Alexandrine.

Vivacité séduisante déesse
Doux enjouement, compagnon du plaisir
D'Alexandrine amusez la jeunesse
Conduisez la gaiement à l'avenir

Pour lui formez un cortège adorable
 Entourez la de talens enchanteurs.
 Quand on est belle et qu'on daigne etre aimable
 A double titre on soumet tous les coeurs.
 Dés son enfance on vous vit sur ses traces
 Donnant du lustre à ses jeunes appas,
 Vous la suivez dans la saison des graces
 Plus tard aussi ne l'abandonnez pas.
 Et si jamais le plus léger nuage
 Couvre ses traits d'une voile nébuleux,
 Ah! rendez leur tout l'eclat du bel age,
 En dissipant ce prestige facheux.
 On est touché de son humeur naïve
 On applaudit à son esprit malin,
 Qui peut la voir et si bonne et si vive
 Sans demander son bonheur au destin?
 Fleur de beauté décore son visage
 Fuit dans ses yeux, anime son sourit!
 Telle et moins belle au fond d'une vert bocage
 Brille la rose au divin coloris.
 Oui, mais la rose, ornement de la terre
 Ne nous séduit qu'au milieux des beaux jours
 Alexandrine a bien mieux l'art de plaire
 Alexandrine attache pour toujours.

1813, le 22 mars ¹⁾.

II.

Cäcilia von Scholz

Рукой Жуковского приписано «Pour la même».

Sie war so freundlich stets an heitrer Seelenstille
 An frohem Sinn, an Zartgefühl so reich,
 So kindlich ihr Gemüht und doch so fezt ihr Wille
 Ihr Geist so klar, und doch ihr Herz so reich
 Oft sah ich Lust bei ihr und Schmerzen
 Wie Duft und Thau in einem — vereinet
 Und mutig konnte sie wenn sie sich ausgeweit
 Zu andern Trost mit Ihrem Kummer scherzen.

Все это написано рукою Маріи Андреевны и внизу прибавлено: «Ecrit d'éprès nature, et lû et copié le 20 d'aout, après une promenade fait avec les enfans sur le pierre».

¹⁾ Возможно, что авторомъ стиховъ является французъ Бонами, жившій у Плещеева, или самъ А. А. Плещеевъ. См. ниже.

Глава II.

Жизнь въ Муратовѣ. — „Колонія Веселья“. — Шуточные стихи Жуковского. — Появление А. О. Воейкова.

Весело текла жизнь обитателей Муратова, куда съ 1810 г. переѣхала изъ Бѣлева Екатерина Афанасьевна Протасова съ дочерьми, и гдѣ, по словамъ Жуковского, поселившагося по близкому сосѣдству съ ними, „счастье завело колонію веселья“.

Вотъ что онъ писалъ изъ своей деревни къ семейству Протасовыхъ, вѣроятно, весною 1811 года, въ Орелъ, гдѣ они находились временно, и собирались на лѣто въ Муратово.

Друзья! пройдетъ два дни —
Я снова буду съ вами!
Явлюсь — но не съ стихами!
(Не пишутся они).
Пока парламентаря
Мы шлемъ къ вамъ, для примѣра,
Узнать хорошъ ли путь!
Боюсь утонуть;
Вѣдь вамъ же будетъ горе,
Теперь и лужа море.
А молвить въ добрый часъ,
Безъ всякой лести, въ лужѣ
Сидѣть гораздо хуже,
Чѣмъ, милыя, у васъ!
Дай Богъ чтобъ я здоровыхъ
Друзей моихъ нашелъ
И въ путь совсѣмъ готовыхъ!
Оставьте свой Орелъ
Печальную берлогу!
Скорѣй, скорѣй въ дорогу,
Въ Муратово село.
Тамъ счастье завело
Колонію веселья;
Тамъ дни быстрѣй бѣгутъ
Межъ дѣла и бездѣлья!
Тамъ насъ смиренно ждуть:
Единственный Григорій,
Цвѣтникъ, валетъ, цикорій
Гора, винтовка, прудъ,

И столь увѣ грибовный
Съ Матреною Петровной!
Тамъ право лучший свѣтъ!
Тамъ счастливый счастливѣй
Тамъ Вендрихъ ¹⁾ говорливый;
А Вицмана тамъ нѣтъ. —
Авдотья! Вы Діана!
Камкинъ ²⁾ — Эндиміонъ!
Онъ просить не дурмана —
Собаки просить онъ!
Въ Бѣлевѣ онъ почтмейстеръ!
Намедни онъ ко мнѣ
Писалъ, что вашъ форрейтеръ
Любезенъ сатанѣ
И псицей обладаетъ
Достоиную боговъ!
А такъ какъ обожаетъ
Почтмейстеръ нашъ скотовъ
Изъ песіева рода,
То псицу у урода
Желаешь онъ купить!
Нельзяль благоволить
Въ Бѣлевскую контору
Урода для разбору
Сей тяжбы отпустить?
Все это не стихами
Въ письмѣ изложено,
Которое ужъ Вами
Давно получено.

¹⁾ Оедоръ Григорьевичъ, сосѣдъ по имѣнію.

²⁾ См. Письма къ Тургеневу стр. 152-я, Оедоръ Александровичъ Камкинъ, Бѣлевскій почтмейстеръ († 1815 г.).

Душою всего этого веселья былъ самъ Жуковскій, вмѣстѣ со своей красавицей-крестницей, о которой Воейковъ писалъ:

Одинъ любезный мнѣ поэтъ
Сказавъ въ одномъ стихотвореньи,
„Что ты прелестное творенье
И что веселость спутникъ твой“
Мое предупредилъ лишь мнѣнъ
Такой правдивою хвалою.
Прекрасная дарами сердца,
Невинной рѣзвостью младенца,
Замысловатой простотой,
Степеннымъ разума сужденъемъ
И вкуса вѣрности живой ¹⁾.

Постоянными гостями Муратова и участниками всѣхъ развлеченій были Авдотья Петровна, и Анна Петровна Юшковы ²⁾, Марія Николаевна Свѣчина ³⁾, извѣстный затѣйникъ и меценатъ, родственникъ Карамзина — Плещеевъ ⁴⁾, со своей красавицей женою Ниной (Анна Ивановна, урожденная гр. Чернышева), и цѣлымъ роемъ постоянно жившихъ въ его имѣннiи Чернь, гостей. Сношенія между Чернью и Муратовымъ, находившимися другъ отъ друга на разстоянii 40 верстъ, были самыя оживленныя, и обитатели ихъ находились въ постоянномъ общенii. Пикники и поѣздки верхомъ, въ которыхъ особенно отличалась лихая наѣздница Саша, праздники и иллюминаціи составляли лѣтнiя развлеченія всего общества. Зимой на смѣну имъ являлись домашнiя забавы ввидѣ шахматъ и шашекъ, въ которыхъ опять-таки отличалась непобѣдимая Свѣтлана, игры въ секретари ⁵⁾, или знаменитыхъ плещеевскихъ спектаклей, для которыхъ пьесы писались самимъ Жуковскимъ, и въ которыхъ принимали участіе всѣ обитатели Муратова и Черни. Плещеевъ отличался на нихъ главнымъ образомъ самъ, обладая талантомъ импровизатора, чтеца, имитатора, музыканта, композитора и драматическаго актера. Курьезная программа одного изъ домашнихъ спектаклей, составленная и написанная Жуковскимъ, воспроизводится въ приложенiи.

Цѣлый день раздавался въ домѣ звонкій голосокъ милой Свѣтланы, и заразительный хохотъ самого Жуковскаго,

¹⁾ Славянинъ 1827 г., IV, 432.

²⁾ 1-я вышла замужъ въ 1805 г. за Кирѣевского, а въ 1817 за Елагина, 2-я была замужемъ за Зонтагъ. Дочери сестры Екатерины Афанасьевны — Варвары.

³⁾ Марія Ник. урожд. Вельяминова, дочь старш. сестры Е. А. — Нат. Афан. (род. 1785 г.).

⁴⁾ Александръ Алексѣевичъ, 1775 — 1827. См. о немъ: Зейдлицъ, стр. 44.

⁵⁾ См. въ приложенiи „Бумаги А. А. Воейковой“.

неистошимаго на различныя выдумки и проказы. Вотъ какъ описываетъ онъ въ шуточной формѣ одинъ изъ муратовскихъ праздниковъ, 20 августа 1810 года, происходившій по случаю дня рожденія „самой принцессы Александрины“, т. е. Александры Андреевны. Описание это хранится въ архивѣ А. А. Воейковой и представляетъ собою выпускъ шуточного „періодическаго изданія“, подъ названіемъ „Муратовская вошь“, составленнаго и собственноручно переписаннаго Жуковскимъ. Приводимъ отрывокъ изъ него, касающійся упомянутаго праздника ¹⁾).

20-е Августа.

„Высокоотрожественный день рожденія цесаревны Александрины. Этотъ день, въ который за 15 лѣтъ передъ симъ природа украсилась однимъ изъ прелестнѣйшихъ произведеній, которое надлежитъ описать съ величайшею подробностью, и мы какъ историки, желающіе жить въ потомствѣ, непошадимъ своей силы. И такъ начнемъ благословясь во имя трехъ Грацій, прелестной Гебы, веселой Флоры, смѣховъ, игръ и царицы прелестей Венеры Анадіомены.

Утро было пасмурное; облака обѣщали дождь и не обманули ибо шелъ дождь — но шелъ онъ не долго, а чтобы только доказать смертнымъ, что небо желая сойти на землю для того чтобы видѣть на ней своими глазами твореніе его достойное, разсудило обратиться въ дождь и вымочить всю Муратовскую имперію.

Муратовская комета ходила на прудъ ловить рыбу и ничего не поймала, отчего и произошли на ней нѣкоторыя темныя пятна, замѣченныя въ телескопъ Муратовскими астрономами.

Въ вечеру сего дня, т. е. въ 20-е число Августа была иллюминація; комета прохаживалась по залѣ и по хорамъ и свѣтила безденежно; денежныя свѣчки сіяли какъ рублевыя; огненныя фонтаны собирались бить высоко да раздумали; ракеты ползли окарячь; а учредитель фейерверка плюнулъ да прочь пошелъ.

На слѣдующій день былъ данъ, въ императорскомъ дворцѣ, для всѣхъ чиновъ Муратовскихъ балъ.

На цвѣтушемъ лугу, при вѣяніи Зефира нѣсколько уже устарѣвшаго, — въ виду колоссальныхъ качель, и миніатурной

¹⁾ Въ архивѣ имѣется еще любопытный рукописный сатирическій журналъ, написанный рукою Жуковскаго подъ названіемъ „Муратовскій сверчокъ“. Онъ воспроизводится въ приложеніи.

кухни, поставлены были столы — одинъ столъ для кавалеровъ, другой для дамъ — сѣхались гости и сѣли за столы дубовые; замѣтнейшій между ими былъ широкій Медовые уста; кузнецъ носъ серпомъ, утиные глаза; и заслуженная статсъ-дама Антипьевна. Надобно замѣтить, что передъ обѣдомъ императрица допустила всѣхъ къ ручкѣ, и принимала обычныя дани цыплятами, пирогами, поросятами, гусями и индѣйками.

Угощалъ посѣтителей Григорій Деменьтьевичъ въ синемъ сертукѣ съ большими пуговицами, которыя сіяли на немъ какъ звѣзды на сапфирѣ небесномъ.

Послѣ обѣда было представленіе разныхъ квилибрическихъ равновѣсныхъ квилибрій; между тѣмъ прочимъ одинъ безымянный посѣтитель представлялъ паденіе Фаэтона а на порогѣ глиняную кошку, которая киваетъ головою. За симъ слѣдовалъ великолѣпный балетъ, сраженіе Гораціевъ и Кураціевъ: Главными дѣйствующими лицами были Рязанецъ и Муратовскій староста. Первый представлялъ Горація, послѣдній Куріяція: Антиповна была Камилла; Деменьтьевичъ дирижировалъ оркестромъ.

Потомъ всѣ посѣтители пошли къ императорскимъ качелямъ, качались, болтали, прыгали и пѣли слѣдующую похвальную пѣснь императрицѣ и ея придворному штату:

Слава Матушкѣ Аѳанасьевнѣ, слава вѣчная пирогамъ ея!
Слава Марѣ Андреевнѣ въ фартукѣ слава!
Слава Александрѣ Андреевнѣ и съ кудряшками слава! и пр“.

По тому же поводу, въ другой разъ Жуковскій написалъ слѣдующіе стихи:

Честные Господа,
За что на насъ гоненье?
Вѣдь радость не бѣда
Она намъ извиненье!
День первый Сентября
Сталь Августа двадцатый!
Такое чудо зря,
Сержанты и солдаты
Смягчите строгій взглядъ!
Будь каждый съ нами радъ!
Кометы появленье
И милыя рожденья
Мы празднуемъ въ сей часъ!
Но всякъ скажи изъ насъ:
Комета, Богъ съ тобою!
Иди своимъ путемъ!
Будь славною звѣздою,

Да насъ не тронь хвостомъ!
А ты Александрина,
Нашъ міръ не покидай!
Будь счастья въ немъ причина!
Собою всѣхъ плѣняй
И жизнью веселися,
Невинная душой!
Но только не сердися
Что Августъ ясный твой,
По щучьему велѣнію,
По нашему прошенію,
Сталь мрачнымъ Сентябремъ!
Какая нужда въ томъ:
Все будешь прелесть свѣта!
А тѣмъ, кому судьбой
Дано въ немъ быть съ тобой
И осень лучше лѣта.

Жуковскій очень часто и одинъ посѣщалъ своего близкаго друга Плещеева, и живалъ у него по нѣскольку недѣль. Оттуда онъ нерѣдко переписывался со своими муратовскими пріятельницами и его шутивыя письма, всегда въ стихотворной формѣ сохранились въ бумагахъ Свѣтланы. Посланія эти представляютъ собою очень большой интересъ какъ по своему содержанию, такъ и по формѣ. Здѣсь мы публикуемъ впервые цѣлый рядъ такихъ произведеній, писанныхъ ко всѣмъ членамъ семейства Протасовыхъ.

Александрѣ Андреевнѣ Протасовой, описаніе поѣздки Жуковского къ своему другу А. А. Плещееву.

По кочкамъ, камнямъ,
Преслѣдуемъ суровымъ
Морозомъ, съ Дербичовымъ
Я полетѣлъ къ друзьямъ;
Кони меня крылаты
Безвредно донесли;
Встрѣчать меня пришли
Въ передней Плещенаты ¹⁾,
Ихъ мать и Букильонъ ²⁾,
А самъ Плещукъ копченый ³⁾
Бывъ страшно разсерженъ
Моей, друзья, измѣной
Ко мнѣ не выходилъ
И съ докторомъ ⁴⁾ долбилъ
Въ столовой шаромъхомъ ⁵⁾
Шары какъ на убой!
Вы спросите со смѣхомъ.
Какой привлекъ виной
Отъ негра я презрѣнъ?
Причиною тому

Къ обѣду неявленье.
Однако моему
Онъ все былъ радъ пріѣзду!
Пускай не выбѣгалъ
Онъ съ моськами къ подѣзду!
Но вѣрно прошепталъ
Сквозъ зубы разъ десятокъ,
Онъ пѣсно плещенятокъ:
„Тѣмъ лучше! какъ я радъ!...“
Но, что?... зовутъ обѣдать!
Ахъ! гдѣ объ мнѣ. Какъ быть!
Что я во всякій часъ
При васъ моей душою,
И жертвовать собою
И всѣмъ готовъ за васъ!
Сказалъ хоть не прекрасно —
Да коротко и ясно.
(Приписка). А Свѣтлана? Охъ
хороша!

Письмо Жуковского въ стихахъ и прозѣ писанное у Плещеевыхъ къ Протасовымъ.

Я собирался къ вамъ
Летѣть съ моимъ почтеніемъ
И съ нѣжнымъ поздравленіемъ
Но вздумалось судьбамъ

Расчетъ мой переправить
И я друзей поздравить
За очно принуждѣнъ!
Печалень сей законъ!

¹⁾ Управляющему Черни, франц. стихотвореніе Жуковского посвященное ему, частью было извѣстно. Въ архивѣ Воейковой оно находится полностью. См. прилож.

²⁾ Дѣти Плещеева.

³⁾ Плещеевъ имѣлъ смуглый цвѣтъ лица и Жуковскій называлъ его въ письмахъ: „черная рожа“ и „мой негръ“.

⁴⁾ Д-ръ Форъ, французъ, взятый въ плѣнъ подъ Мало-Ярославцемъ.

⁵⁾ Билліардъ.

Но какъ же то случилось,
 Что и во снѣ не снилось!
 Вотъ такъ. Былъ ясный день!
 Прогнавши сонъ и лѣнь,
 По просьбѣ Плещепупа,
 Безъ кенегъ, безъ тулупа,
 Пошелъ я чинно въ садъ!
 Ходили, мы ходили,
 Да ноги замочили!
 Когдажъ пришли назадъ,
 А лихорадка съ нами!
 И ну стучать зубами.
 Желанный Плещепупъ
 Въ набойчатомъ турбанѣ,
 Подъ дюжиною шубъ
 Въ гостинной на диванѣ
 Кобенился, кряхтѣлъ
 И мерзнулъ и потѣлъ;
 А я какъ будто съ бою,
 Съ двурусной шекою
 Съ хандрою въ головѣ
 На штофныхъ креслахъ жался
 И тѣмъ уподоблялся
 Трофимовнѣ совѣ. —
 Товарищъ мой все боленъ!
 А я хоть и уволень
 Отъ шелканья зубовъ
 Но въ лапахъ у Лефорта, ¹⁾
 Не доктора а чорта,
 Сушителя кишкоть,
 Злодѣя поваровъ!
 Когда бъ его послушать,
 То кухню бъ на запоръ!
 Онъ не охотникъ кушать
 И Богъ его запоръ.
 За то ужъ наша Нина!! ²⁾

На голосъ казачка
 Поетъ изъ подтишка
 „О рожѣ! о скотина!
 „Копченый сатана!“
 Не диво! вѣдь она
 Желудку не злодѣйка!
 Въ рукахъ ея индѣйка
 И два-три пирога
 Исчезнуть въ два мига!
 Пріятно ль ей поститься!
 Но я чѣмъ виноватъ!
 И можно ль не взбѣситься?
 Злодѣи говорятъ,
 Что будто очень худо
 Дарить друзей простудой
 (Своей, а не чужой)
 Что будто въ грязь, по стужѣ
 Поѣду я домой;
 Что притаившись въ лужѣ
 Съ бутылкой хины ждетъ
 Меня сестра припадка
 Злодѣйка лихорадка!

* *
 *

О милыя друзья!
 И такъ невольно я
 Сей день для насъ безцѣнный
 Не съ вами проведу.
 Но мыслями найду
 Я къ милымъ путь открытый!
 Для мыслей хины нѣтъ.
 И важный факультетъ
 Съ своей пузырьной свитой
 Не властенъ удержать
 Ихъ быстрое стремленье....

„Но должно кончить прозой... Анна Ивановна, которая изволила насъ съ Букильономъ обмануть жестокимъ образомъ (вѣрно уже она тѣмъ и похвастала въ своемъ письмѣ) кричитъ въ добавокъ въ дверь: печатай письмо.

Будьте здоровы, милые друзья! Дня черезъ три, или четыре я непременно буду у васъ! Напишите куда пріѣзжать въ Муратово или въ Орелъ?

Прошу васъ исполнить слѣдующую мою просьбу. Завтра или послѣ завтра пріѣдетъ мой староста съ рекрутами въ Орелъ

¹⁾ Очевидно, Le Faurt, т. е. д-ръ Форъ.

²⁾ Анна Ивановна, жена Плещеева.

Прикажитъ Васѣ ¹⁾ позаботиться объ поставкѣ. Я велѣлъ прямо къ нему явиться. Второе, — узнайте нѣтъ ли писемъ на мое имя изъ Петербурга. — Наши здѣшніе дѣла слава Богу идутъ хорошо. Лихорадка моего Плещученки обманула насъ для перваго Апрѣля и не пришла; хотя и общала. Цѣлую ваши ручки“.

На томъ же листѣ.

Къ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ Протасовой.

1812 г.

Писано у Плещеевыхъ.

Скажите, Катерина!
Какая бы причина
Что вы въ душѣ моей
Сидите да сидите!
Вѣдь что не говорите
Такого сидня въ ней
Еще и не бывало!
Не много и не мало
А двадцать девять лѣтъ
Какъ мнѣ лишь вами свѣтъ
И веселья и прекрасенъ!
Недугъ сей не опасенъ
За то неизлѣчимъ!
И видно что ужъ съ нимъ
Тащиться до могилы!

Отъ сей болѣзни милой
Я заживо умру
И самъ своей рукой
Съ досады раздеру,
Подписанный судьбою
На жизнь сію билетъ!
Пугать собою свѣтъ
Томиться привидѣньемъ!
Быть скучнымъ мертвецомъ,
И въ свѣтѣ съ отвращеньемъ
Въ занятіи такомъ
Не вижу я отрады!
А жить для васъ готовъ!
А скучныхъ мертвецовъ
Оставимъ для баллады!

Авдотѣ Петровнѣ Кирѣевской впоследствии Елагиной.

Авдотья, напишите
Каковъ вашъ Петруханъ ²⁾
И Маша ³⁾ и Иванъ! ⁴⁾
Люблю ихъ — не взыщите!
Люблю отъ всей души!
Вѣдь право хороши!
Скажу вамъ безъ притворства
Не ради стихотворства,
Вы счастливая мать!

Они жъ, ни дать, ни взять
Какъ милые амуры,
И Ваня бѣлобрысый,
И Петя пѣтушокъ,
И Машинька дружокъ
Смѣющаяся радости!..
Что въ мірѣ лучше ихъ?
Въ кругу дѣтей такихъ —
И жизнь не жизнь, а сладость.

Александрѣ Андреевнѣ Протасовой (Воейковой) ⁵⁾.

Что дѣлаешь Сандрокъ?
Кружишься ль какъ сверчокъ
По стульямъ по окошкамъ!

Стрижешь ли морды кошкамъ!
Рисуешь ли усы
Крючки и колбасы

¹⁾ Вѣроятно, В. А. Азбукину.

²⁾ Петръ Васильевичъ Кирѣевскій, 1808 — 1856.

³⁾ Марія Вас., 1811 — 1859.

⁴⁾ Иванъ Вас., 1806 — 1856. Извѣстный писатель.

⁵⁾ Печатано въ примѣчаніяхъ къ сочиненіямъ В. А. Жуковскаго, 1895 г.

На Вицмановой рожѣ
Иль чертиковъ въ рогожѣ
Сажаешь на носы?
Иль мухъ собираешь въ банки.
Иль лежа на лежанкѣ
Бутылкамъ, сундукамъ,
И салнымъ парикамъ
И рыжимъ женихамъ
Разсказываешь съ жаромъ!
Иль рожами смѣшишь

Иль споришь съ самоваромъ
И чайники казнишь?
Ты милое творенье;
Ты взглядомъ обратишь
И горе въ восхищенье;
Съ тобой явилась въ свѣтъ
Веселость, гость крылатый,
Она твой провожатый,
При ней несчастья нѣтъ. —

Къ Маріѣ Андреевнѣ Протасовой (Мойеръ).

Нѣтъ право мочи нѣтъ
Какой сталъ нынѣ свѣтъ!
Быть свѣтупреставленью,
По щучьему веленью
По моему прошенью!..
Нѣтъ! тѣсно жить въ Черни!
Здѣсь повара одни!
Не думай, другъ мой Маша,
Въ Черни искать друзей
Для пользы знай твоей
И грѣшневая каша
Тебя сто разъ милѣй.
Желаешь ты примѣра!
Спроси у землемѣра
Онъ прямо скажетъ да!
А Ѳеотрасть докажетъ
Что пьяный никогда
Неистины не скажетъ!..
Давно Сократъ сказалъ:
Счастливъ кому послалъ
Создатель въ жизни друга
Подобнаго тебѣ!
Тотъ вѣрно милъ судьбѣ
И радость съ нимъ подруга!

Но Нина ¹⁾ шепчетъ мнѣ:
„Читать довольно скушно!“
И очень равнодушно
У моськи на спинѣ,
Изволить по преданью
Искать проворныхъ блохъ!
Кто не воскликнетъ охъ!
Какъ можно блохисканью
Тебя не предпочесть!
Когда, оставя лесть,
Мой другъ передъ тобою
Покажется блохою
И все что въ мірѣ есть
И мило и прекрасно!
И такъ мой другъ напрасно
Отъ Нины дружбы ждатель!
Будь моськой или макомъ
Или печенымъ ракомъ,
И будетъ обожать...
Но можно ли желать
Такое превращенье!
Прелестнѣйшаго свѣтъ
Лишился бѣ украшенья!
Другой въ немъ Маши нѣтъ!

Вѣроятно, ко времени отъѣзда Жуковского въ Москву относится письмо его къ Машѣ, безъ года и числа ²⁾, въ которомъ приписано слѣдующее обращеніе къ Сашѣ:

А ты, мой несравненный цвѣтъ,
Лѣнивица безцѣнна;
Отецъ твой крестный и поэтъ
Изъ края отдаленна,
Тебѣ желая много лѣтъ
Взываетъ умиленно.

Пиши къ нему, не полѣнись,
Хоть прозой, хоть стихами
И съ нимъ хоть издали дѣлись
И смѣхомъ и слезами
Онъ приметъ къ сердцу все отъ
васъ.

¹⁾ Анна Ивановна Плещеева.

²⁾ См. въ приложеніи „Бумаги А. А. Воейковой“.

Стихотворенія эти даютъ намъ прекрасную картину шутливо веселаго быта обитателей Муратова, и прибавляютъ много цѣнныхъ чертъ къ ихъ характеристикѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они рисуютъ намъ искреннія, дружескія почти до фамиллярности отношенія, существовавшія между Жуковскимъ и Екатериной Афанасьевой, характеръ которой намъ представлялся всегда до сихъ поръ немного сумрачнымъ, суровымъ и непреклоннымъ. Мы видимъ, что и она съ большою искренностью и неподдѣльнымъ чувствомъ принимала участіе въ общемъ весельи и развлеченіяхъ.

Все описанное выше относится ко времени 1810—12 г.г. когда зрѣла любовь поэта къ Машѣ, но когда онъ еще не имѣлъ объясненія съ Екатериной Афанасьевой и не получилъ отказа. Слѣдствіемъ послѣдняго былъ, какъ извѣстно, отъѣздъ его на войну въ концѣ 1812 года, болѣзнь и возвращеніе въ январѣ 1813 года въ Муратово, гдѣ, несмотря на непреклонность Е. А. Протасовой, овладѣвшая Жуковскимъ вновь надежда на успѣхъ, возродила вмѣстѣ съ тѣмъ веселье въ Муратовскихъ владѣніяхъ.

Кромѣ описаннаго выше словами Жуковского праздника въ день рожденія Александры Андреевны, намъ извѣстна еще встрѣча веселаго Новаго года 1814-го, особенно торжественная по случаю возвращенія Жуковского и побѣды русскихъ войскъ. Въ это же время впервые на горизонтѣ мирнаго счастья и безмятежнаго веселья муратовской „общины“ появляется мрачная фигура А. Ф. Воейкова, будущаго мужа Свѣтланы. Вотъ что пишетъ онъ самъ на поляхъ книги „Сочиненія Дмитріева“¹⁾, о своемъ прибытіи въ Муратово, по приглашенію Жуковского:

„18¹/₁₄, Встрѣтилъ Орловской губерніи въ селѣ Муратовѣ очень пріятно въ домѣ Катерины Афанасьевны Протасовой. У нее тогда были Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ съ супругою своею Анной Ивановной, Нина Петровна, Авдотья Петровна, и Катерина Петровна Юшковы. Семейство К. А. Прот. составляютъ, Марія Андреевна, Александра Андреевна и Жуковский. Мнѣ должно было быть очень весело въ семъ раю, обитаемомъ Ангелами, но...

Où peut-on être mieux qu'au sein de sa famille? и я иногда задумывался, даже грустилъ“.

Вотъ какъ рассказываетъ Толычова, со словъ Кирѣевскихъ, объ этомъ праздникѣ²⁾.

¹⁾ Въ собр. гр. Н. А. Бревернъ-де-ла-Гарди.

²⁾ См. „Русскій Архивъ“, 1887 г. II.

„Декабрь приходилъ къ исходу, собирались весело встрѣтить новый годъ. Жуковский приготовилъ стихи. Увеселенія начались съ игръ и жмурокъ. Бѣгая другъ за дружкой молодые люди поглядывали, въ ожиданіи сюрприза, на таинственный занавѣсъ, прикрѣпленный между двухъ колоннъ, поддерживавшихъ переходы верхнихъ этажей черезъ большую высокую залу. Въ данную минуту занавѣсъ поднялся и передъ зрителями явился Янусъ. На его затылкѣ была надѣта маска старика, голову окружала бумага, вырѣзана короной, надъ лбомъ было написано крупными буквами число истекшаго года 1813; надъ молодымъ лицомъ стояла цифра 1814. Обѣ надписи были освѣщены посредствомъ огарка, прикрѣпленнаго къ головѣ Римскаго бога. Его роль исполнялъ одинъ изъ крѣпостныхъ людей, которому приказано было переносить, неморщась, боль отъ растопленнаго воска, если онъ потечетъ на его макушку. Старикъ Янусъ поклонился обществу и промолвилъ:

Друзья я восемьсотъ
Увы! тринадцатый
Весельемъ не богатый
И очень старый годъ.

Потомъ онъ обернулся къ публикѣ молодымъ своимъ лицомъ и продолжалъ:

А братъ, наслѣдникъ мой
Четырнадцатый родомъ
Утѣшить васъ приходомъ
И миръ вамъ дать съ собой.

Въ отвѣтъ на слова Януса прозвучала полночь, выпили шампанское и сѣли за ужинъ“.

Приведенные стихи Жуковского здѣсь сильно сокращены. Мы приводимъ ихъ здѣсь впервые полностью, по оригинальной рукописи самого поэта, находящейся въ архивѣ

Стихи, читанные въ Муратовѣ на новый 1814-й годъ.

1.

Друзья, я восемьсотъ
Увы, тринадцатый
Весельемъ не богатый
И старый очень годъ!
Двѣнадцать бьетъ часовъ,
Отецъ Сатурнъ грозитъ!
Знать надобно проститься
Вамъ мой отчетъ готовъ.

2.

А братъ наслѣдникъ мой
Четырнадцатый родомъ
Утѣшить васъ приходомъ;
Онъ щедрою рукой
Все то вамъ возвратитъ,
Что было взято мной,
Здоровье съ тишиной
И миръ Вамъ подаритъ.

3.

Веселый есть пріютъ
Близъ Болховской дороги,
Тамъ васъ Пенаты боги
Съ дарами счастья ждуть.
Тамъ свѣтлый прудъ и садъ,
Домъ старый съ мезониной,
И негръ Плещеевъ съ Ниной,
И близокъ Болховъ градъ.

4.

Подъ липою весной,
Зимой подлѣ печи,
Вамъ Жучка въ епанчи
Пѣть будетъ вѣкъ живой;
И будетъ Суринамъ ¹⁾
Убѣжище веселья,
Межъ дѣла и бездѣлья
Промчатся годы тамъ.

5.

Лишь въ этотъ Суринамъ
Вы ступите ногою.
Подписанный судьбою,
Контрактъ отдастся вамъ,
„Всегда веселью быть“
„Считать дни за мгновенья“,
„Прошедшія-жъ мученья“
„Навѣки позабыть“.

6.

И вотъ вамъ братецъ мой,
Его вамъ представляю,

Ему вершить ввѣрю
Предказанное мной!
Въ часть добрый милый братъ
Простимся, до свиданья!
Ты съ чашей упованья
Впередъ, а я назадъ.

7.

Друзья, я восемьсотъ
Четырнадцать
Надеждою богатый
И новымъ счастьемъ годъ!
Въ наслѣдство получилъ
Отъ брата завѣщанье,
Онъ ваши мнѣ желанья
Исполнить поручилъ.
Въ знакъ того, что предсказаньемъ
Ложнымъ Вамъ я не польстилъ,
Вашимъ сладкимъ воздаяньемъ
(зачеркнутая строка)

Вдохновенная котлетка
И яичница краса,
И съ начинкою насѣдка,
И маркизша колбаса.
Съ ними баринъ поросенокъ,
Кулебяка, пирожки,
И съ горчицею утенокъ,
И Жуковского стишки,
И Плещеева куплеты,
И Воейкова гудокъ
Проскрипитъ вамъ много лѣта,
Какъ подъ розгою щенокъ ²⁾.

На это же событіе написалъ стихотворный „Тостъ Жуковскому“ и Воейковъ и привѣтствовалъ въ немъ благополучное возвращеніе поэта съ поля военныхъ дѣйствій. Стихи эти дважды записаны въ альбомы Саши. Въ находящемся у насъ ея альбомѣ ихъ переписала Маша, въ альбомѣ принадлежащемъ

¹⁾ Имѣніе Плещеевыхъ называлось Суріянино.

²⁾ На поляхъ рукописи отмѣчены рукой Жуковского инициалы лицъ, очевидно, присутствовавшихъ на праздникѣ „Екат. Афан., Анна Ив. (Плещеева), Анна П. (Юшкова), Ав. П. (Кирѣвская), Ек. П. (Юшкова)“.

„М. Ан. (Маша), Ал. Ан. (Саша), П. Ан. (?), П. Фед. (?), вой. (Воейковъ)“.
Бук. (Букильонъ), Управляющій у Плещеева. Фріюфъ, докторъ, о немъ часто упоминаетъ Жуковский въ перепискѣ съ Тургеневымъ. Докт. Докторъ Форъ, французъ, жилъ въ Черни, и въ Орлѣ, былъ взятъ въ плѣнъ подъ Мал. Ярославцемъ, лечилъ всю семью Протасовыхъ. Налѣво, карандашемъ написано его же рукой названія блюдъ, очевидно, приготовленныхъ для ужина: „поросенокъ, колбаса, сосиски, горчица, икра, яичница“.

А. А. Бревернъ - де-ла-гарди, откуда стихи перепечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1912 года; они написаны самимъ авторомъ.

Кромѣ Воейкова, Муратовское и Черньское общество увеличилось около этого времени еще новыми членами — плѣнными французскими офицерами Бонами и Мену, попеременно жившими у гостепріимныхъ хозяевъ обоихъ имѣній.

Изъ нихъ душою общества былъ Бонами, о которомъ не разъ упоминается въ альбомахъ Саши и въ шутивныхъ стихахъ Жуковского. Онъ и игралъ въ шахматы съ Свѣтланой и декламировалъ французскіе стихи, и наконецъ самъ писалъ ихъ въ альбомы барышнямъ и красавицѣ „Нинѣ“ Плещеевой¹⁾. Стихотвореніе, посвященное ей, переписано Машей въ альбомъ Свѣтланы.

Къ 16 января того же года относится знаменитый праздникъ, данный Плещеевымъ у себя въ Черни, по случаю дня рожденія его жены и по случаю возвращенія Жуковского, событія, уже отпразднованнаго въ Муратовѣ²⁾.

На этотъ разъ празднество отличалось особою торжественностью. Послѣ обѣдни многочисленнымъ гостямъ была предложена прогулка въ рошу, гдѣ виновницу торжества встрѣтила богиня, стоявшая около жертвенника и привѣтствовавшая ее поздравительными стихами. Тутъ же былъ накрытъ роскошный завтракъ, послѣ котораго вновь всѣ отправились на прогулку. Въ обширномъ паркѣ Черни были специально понастроены павильоны и зданія, наполненные костюмированными, и между прочимъ цѣлый городъ, на площади котораго былъ устроенъ рынокъ, гдѣ многочисленные торговцы и торговки предлагали гостямъ на память сувениры отъ гостепріимнаго хозяина. Въ особой башнѣ съ помощью зеркалъ была устроена камера-обскура, въ которой зрители видѣли вдали на лужайкѣ портретъ Анны Ивановны, вокругъ котораго плясали живые амуры.

Закончился праздникъ обѣдомъ и спектаклемъ, на которомъ, съ участіемъ самаго хозяина, давали трагедію Софокла Филоктетъ и французскій фарсъ, въ которомъ особенно смѣшилъ публику самъ Плещеевъ. Въ заключеніе, конечно, состоялась неизбѣжная иллюминація и фейерверкъ, едва не навлекшіе на хозяина серьезныя непріятности. Причиною этому была огненная буква „Н“ (Нина, какъ звалъ жену Плещеевъ), принятые нѣкоторыми гостями за инициалы Наполеона. Результатомъ яви-

¹⁾ Возможно, что приведенное выше французское стихотвореніе (стр. 17) принадлежитъ ему.

²⁾ См. въ „Русск. Арх.“ 1877 г., II.

лось даже объясненіе съ губернаторомъ, впрочемъ кончившееся исполнѣ благополучно.

На поляхъ сочиненій Дмитріева, своемъ своеобразномъ дневникѣ, А. Ф. Воейковъ записалъ слѣдующія слова объ этомъ торжествѣ:

„18¹/₁₆ 14, въ Черни деревнѣ А. А. Плещеева. Двойной праздникъ *fete des rois* и возвратъ Жук. изъ арміи въ прошломъ году. Меня выбрали въ короли бобовъ. А. И. Плещеева пѣла Свѣтлану съ оркестромъ, потомъ Велизарія, потомъ Клоссенъ игралъ русскія пѣсни на віолончели. За ужиномъ всѣ кромѣ меня подпили; пито за здоровье Ангела-хранителя Жуковскаго, за любовь и дружбу. Горацианскій ужинъ! благородное пьянство! изящныя дурачества!“

Приблизительно къ тому же времени относится еще одно шуточное посланіе Жуковскаго къ своей крестницѣ, написанное, очевидно, по случаю ея временнаго отъѣзда въ Чернь, погостить къ Плещеевымъ.

Шуточное письмо въ стихахъ къ А. А. Протасовой.
(Воейковой).

Лишь я глаза открылъ,
Какъ мнѣ сказалъ Никита,
Что ты, моя Харита,
Пріѣхала назадъ
Съ Надеждой и каретой!
Отъ милой вѣсти этой
Прошелъ остатокъ сна!
Но тайна объяснилась!
Карета возвратилась —
Надежда въ ней одна!
И я Надежду въ злости
Отчаяньемъ назвалъ,
А въ утѣшеніе кости
Никитѣ изломалъ.
Письмо твое читали,
Собравшись мы въ кружокъ;
Смѣялись, но вздыхали,
Что милый нашъ дружокъ,
Нашъ легкій мотылекъ
Такъ улетѣлъ далеко.
Въ разлукѣ быть жестоко.
Но ты вѣдь тамъ съ друзьями,
А мыслью вмѣстѣ съ нами.
Смотри же — будь умна,
Сиди на стульяхъ прямо!
Не слишкомъ спорь упрямо,

Чтобы не вздумалъ свѣтъ
Назвать тебя кликушей!
(А въ кликахъ правды нѣтъ).

*

Табачною папুষей,
Ты носъ не утирай!
Въ зубахъ не ковырай
Перстами — не учтиво
Не слишкомъ торопливо
И въ шахматы играй!
Не дѣлай дураками
Иль матовъ Бонами,
И пѣшкой не страми
Того, кто подъ штыками
Сталъ бѣднымъ рѣшетомъ.

*

И все тутъ наставленіе.
Еще бы объ одномъ
Сказалъ я въ заключеніе!
Вѣрь Богу всей душой!
Но это бездѣлушка!
Короче: будь умна!
И будетъ мной дана
За то тебѣ ватрушка

Съ сметаной, съ творогомъ.
 Прошу тебя притомъ
 Сказать твоей хозяйкѣ,
 Что я на балалайкѣ
 Ея рожденья день
 Хотѣлъ брянчать — но лѣнь!
 А тетушкѣ Еленѣ
 Скажи: Ей Богу стыдъ,
 Что такъ меня бранить!
 Что на одномъ колѣнѣ
 Я сталъ готовъ просить,
 Чтобы меня простить
 Въ винѣ моей безвинной!
 Что Меньшиковъ старинный
 Бывалъ разношикъ блинный,
 Что правнуки его,
 Хотя и отучились
 „Блины! блины!“ кричать,
 Но въ честь ему рѣшились
 По свѣту торговать

Словесными блинами,
 Который, между нами,
 Ихъ сплетнями зоветъ.
 Что блинъ, гдѣ я припекой,
 Рукой судьбы жестокой
 Немного подоженъ —
 Что комомъ вышелъ онъ!
 Что я жду съ нетерпѣньемъ
 Минуты милой жду,
 Когда съ моимъ почтеньемъ
 Въ Черни къ ней подойду!
 Что отъ нее награды
 Себѣ дерзаю ждать:
 Чтобъ экземпляръ баллады
 Капустной написать,
 Своею мнѣ рукою
 Велѣла для себя!
 Вотъ все и Богъ съ тобою!
 Я самъ люблю тебя!

Глава III.

А. Θ. Воейковъ.—Ухаживаніе его за Сашей.—Отношеніе къ этому Жуковскаго и родныхъ.—Свадьба.—Сомнѣнія Жуковскаго и Маши.

Мы попытались въ предыдущихъ главахъ очертить характеръ Саши Протасовой и выяснить ея взгляды на жизнь и ея міросозерцаніе, сложившееся главнымъ образомъ подъ вліяніемъ воспитателя и крестнаго Жуковскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ передъ нами прошла картина беззаботно счастливаго дѣтства и юности, окруженной любовью и заботами, умной, веселой, очаровательной Свѣтланы, съ радужными надеждами взиравшей на улыбавшееся ей будущее.

Юное сердце 15-лѣтней красавицы жаждало любви и, какъ мы видѣли выше, въ прочной привязанности она мечтала найти свое счастье.

Ей невѣдома была жизнь, ей чужды были люди; вмѣстѣ съ художественно поэтическими наклонностями она унаслѣдовала отъ своего крестнаго его идеализмъ, его слѣпую вѣру въ людей и ту, подчасъ смѣшную житейскую наивность, которою отличался всегда самъ Жуковскій...

Почти безвыѣздно провела Саша свое дѣтство и юность въ деревнѣ ¹⁾, а то общество, которое ее тамъ окружало, во главѣ съ идеалистомъ крестнымъ, или его чудачливымъ другомъ Плещеевымъ, мало было способно ознакомить ее съ практической стороною жизни, со всею жизненною прозой.

Мы уже упомянули выше о появленіи въ Муратовѣ Александра Ѳедоровича Воейкова, пріѣхавшаго туда въ концѣ 1813 года.

Воейковъ ²⁾, какъ и Жуковскій, воспитывался въ Московскомъ Университетскомъ Пансіонѣ, въ одно время съ Н. И. Тургеневымъ. Жуковскій былъ знакомъ съ нимъ уже въ 1801 году, какъ съ участникомъ Дружескаго Литературнаго Общества, вмѣ-

¹⁾ Изрѣдка, впрочемъ, семья Протасовыхъ посѣщала Орелъ и даже Москву, какъ это видно изъ позднѣйшей записи Саши (1825 г.) въ которой она вспоминаетъ о своемъ первомъ выѣздѣ въ свѣтъ, о концертѣ Фильда, о свадьбѣ Четвертинской, событіяхъ, относящихся къ 1809 году: о поѣздкѣ въ Москву своей „милой переписчицы“ писалъ также Жуковскій Тургеневу, осенью 1810 года.

²⁾ Род. 15 ноября 1778 г., ум. 16 іюня 1839 г.

стѣ съ Мерзляковымъ, Андреемъ Тургеневымъ и другими. Кружокъ этотъ даже собирался одно время въ домѣ Воейкова, на Дѣвичьемъ Полѣ, въ которомъ у него снималъ двѣ комнаты Мерзляковъ. Жуковскій же ввелъ Воейкова въ Арзамасъ, гдѣ онъ получилъ странное названіе „Дымной Печурки“. Добродушный и привязчивый поэтъ съ довѣріемъ относился къ Воейкову, своимъ характеромъ вообще мало привлекавшему къ себѣ людей. Сближала ихъ и поэзія, которой Воейковъ посвятилъ себя еще въ стѣнахъ пансіона, особенно же обративъ на себя вниманіе „Посланиемъ къ Сперанскому“ 1806 года. Впрочемъ, онъ никогда не могъ занять мѣста въ первомъ ряду русскійскихъ писателей, оставаясь, по мѣткому выраженію Вигеля, всегда „вольно-практикующимъ литераторомъ“, такъ сказать диллетантомъ поэзіи ¹⁾).

Онъ обладалъ бойкимъ, хорошимъ стихомъ, какъ сатирикъ отличался остроуміемъ и мѣткостью, но въ его стихахъ было меньше всего поэзіи и они болѣе походили на ловкую рифмованную прозу.

Жуковскій поддерживалъ съ пріятелемъ рѣдкую переписку и въ 1813 году, во время путешествія Воейкова по Россіи, пригласилъ его въ Муратово, обѣщая познакомить его съ Протасовыми и Плещеевыми, прельщая совмѣстными занятіями поэзіею и всѣми удовольствіями своей мирной и веселой жизни. „Поговоримъ о прошломъ, писалъ ему Жуковскій, поплоемъ на настоящее и еще тѣснѣе сдружимся“ ²⁾).

Жуковскій имѣлъ много причинъ радоваться пріѣзду поэта-друга. Какъ разъ въ это время обострились его отношенія къ Екатеринѣ Афанасьевнѣ, вслѣдствіе его новаго сватовства за Машу; надежды уговорить непреклонную женщину стало еще меньше, и помощь въ этомъ дѣлѣ друга была той соломинкой, за которую готовъ былъ ухватиться утопавшій поэтъ.

Онъ искренно привѣтствовалъ Воейкова извѣстнымъ посланіемъ:

Добро пожаловать, пѣвецъ,
Товарищъ, другъ, хотя и льстецъ,
Въ смиренную обитель брата
Поставь въ мой уголъ посохъ свой
И умиленно мольбой
Почти домашняго пената.

И въ первое время знакомства остроумный, ловкій, находчивый, хотя и не обладавшій привлекательною наружностью,

¹⁾ См. Записки, изд. „Русск. Архива“.

²⁾ „Р. Арх.“ 1910 г.

Воейковъ, сумѣлъ привлечь къ себѣ простодушныхъ обитателей Муратова, не разгадавшихъ его истиннаго характера. Можетъ быть, впрочемъ, онъ и самъ на минуту увлекся царившимъ въ Муратовѣ духомъ веселья и искренности; замѣтки его на поляхъ книгъ, писанныя, очевидно, для себя, выражаютъ не притворное восхищеніе этими „Гораціанскими“ празднествами, „изящными дурачествами“, этимъ „наклоненіемъ къ счастью, райскаго времени“¹⁾.

Въ этихъ же замѣткахъ Воейкова встрѣчаемъ мы первые намеки на желаніе жениться, пристроиться, обзавестись семейнымъ очагомъ и отдохнуть отъ всѣхъ дурачествъ безпутной молодости. „Мнѣ должно было быть очень весело въ семъ раю обитаемомъ Ангелами — писалъ онъ 1 января 1814 года, — но... *Où peut on être mieux qu'au sein de sa famille?* и я часто задумывался и даже грустилъ“.

Совершенно понятно, что его выборъ долженъ былъ пасть на младшую племянницу его друга, очаровательную Свѣтлану. Не даромъ онъ славился всегда своею любовью къ красивымъ женщинамъ и считался знатокомъ женской красоты. Воейковъ сразу вошелъ въ курсъ Муратовскихъ развлеченій. Онъ былъ живѣйшимъ участникомъ всѣхъ поѣздокъ и пикниковъ, игралъ охотно въ шахматы и „secretaire“, писалъ стихи въ альбомы дѣвицамъ и увлекалъ ихъ своими краснорѣчивыми разсказами о путешествіи по Кавказу.

Ухаживанія его за Александрой Андреевной скоро сдѣлались весьма замѣтными и Жуковскій съ первыхъ же шаговъ сталъ покровительственно относиться къ домогательствамъ друга.

По стихотвореніямъ Воейкова, записаннымъ имъ въ альбомахъ Саши, можно прослѣдить, какъ постепенно сближалась Свѣтлана со своимъ будущимъ мужемъ, сперва сдержаннымъ въ своихъ обращеніяхъ къ ней, называвшимъ ее по имени и отчеству, затѣмъ постепенно переходившимъ на уменьшительное имя „Саша“, „мой другъ“, „моя Саша“, и въ заключеніе посвящавшимъ свои стихи „моей первой и послѣдней“.

Мы приводимъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ стихи изъ альбома Свѣтланы, принадлежащаго графинѣ А. А. Бре-

¹⁾ На одномъ изъ томовъ сочиненій Дмитріева рукою Воейкова написано: „18 — 1 — 22 — 14. Муратово. Обѣдали и провели весь день въ комнатѣ Маріи Андреевны. Ужинъ готовила сама Екатерина Афанасьевна. Жуковскій былъ на небесахъ, а я только за облаками, хоръ въ домѣ сумасшедшихъ, а питья видя всѣхъ въ восторгѣ невинно спросилъ: какое это наклоненіе и время? Наклоненіе къ счастью Райскаго времени! отвѣчалъ я ему“! (Собр. гр. Н. А. Бревенъ-де-ла-Гарди).

вернѣ - де - ла - Гарди, напечатанные уже въ Русскомъ Архивѣ 1912 года.

1) Къ Александрѣ Андреевнѣ побѣдительницѣ въ шахматной игрѣ. 11 Января.

Что шашешница? — Поле славы!
 Что шашки? — Вѣстники о подвигахъ твоихъ.
 Неотразимъ твой жезлъ кровавый,
 И смерть плыветъ въ Ладьяхъ твоихъ.
 Шумъ, стукъ мечей, полотрясенье,
 Болтанье Нѣмочки, текущее рѣкой,
 Вранья Жуковского свирѣпое стремленье
 Впреди, окрестъ и за тобой!
 Глуха, нѣма, слѣпа, не видишь, не внимаешь:
 Твоя душа въ конѣ
 Твой умъ въ слонѣ!
 Холоднокровіемъ противника смущаешь,
 Блισταешь и разишь.
 Ты больше чѣмъ Кутузовъ:
 Онъ побѣждалъ, плѣнялъ лишь Турокъ и Французовъ,
 А ты и русскихъ не щадишь.

2) Къ Александрѣ Андреевнѣ Протасовой.

Не сходно съ вами мнѣ играть — божусь.
 Ничѣмъ не возвратить мнѣ первенства утрату:
 Вы шахъ мой — этимъ я горжусь,
 Но, признаюсь... боюсь я мату.

3) Въ грозу, прогуливаясь съ Александрой Андреевной
31 марта 1814 года.

Гремитъ! покойны мы душою,
 Твой Богъ и я съ тобою,
 Чего бояться намъ?
 Отецъ рази! Съ надеждой ожидаемъ,
 Съ любовью, вѣрою въ тотъ міръ перелетимъ,
 И передъ трономъ мы Твоимъ
 Свою молитву окончаемъ.

4) Къ моему другу.

Когда потухнутъ солитеры,
 Слиняетъ злато власъ,
 И станетъ шамкая соперница Венеры
 Плевать зубами каждый разъ:
 Ты будешь мнѣ мила равно, мой другъ сердечный:
 Душа прекрасна вѣчно!

5) Къ ней же.

Веселая мечта, услада горькой муки!
 Пріятно въ часъ разлуки
 Свиданья часть воображать,
 Его прекрасно ожидать,
 Еще прекраснѣе дожидаться,
 А лучше бы не разлучаться.

6) Къ Сашѣ.

О Ангелъ! Голосъ твой молящій
 Творца благодарящій,
 Есть голосъ горнихъ лиръ.
 Взглядъ на тебя въ восторгѣ умиленну,
 Предъ Искупителемъ колѣнопреклоненну,
 Есть взглядъ въ небесный міръ.

7) Къ моей Сашѣ.

Вотъ Петербургъ, Москва въ изображеньи!
 На нихъ смотри
 Гуляй по улицамъ столицъ въ воображеньи!
 И только! Вѣрь пловцу, который всѣ моря
 Всѣ мели, всѣ скалы извѣдалъ въ бурномъ бѣгѣ,
 И только слышалъ лишь о брегѣ.
 Муратовскихъ небесъ всегда ясна лазурь,
 Въ домашнемъ ручейкѣ не опасайся бурь;
 Но отъ береговъ его не удаляйся
 И странствовать лишь въ садъ пушайся.

8) Къ моей первой и послѣдней.

Счастливъ, кому своей рукой
 Ты чай душистый наливаешь,
 Счастливъ, съ кѣмъ въ шахматы играешь,
 Счастливъ, кто говоритъ съ тобой.
 Но безъ сомнѣнія счастливѣе тотъ смертный;
 Стихамъ котораго какъ будто бы при немъ
 Заочно свой хранишь альбомъ заветный.

Къ этому же времени относится его наставительное поучительное посланіе „Къ Осьмнадцатилѣтнему Младенцу“ напечатанное имъ гораздо позднѣе въ „Славянинѣ“ (1827 г.), отрывки котораго мы приводили выше ¹⁾

Въ одномъ изъ принадлежащихъ намъ альбомовъ Свѣтланы, находятся слѣдующія стихотворенія, написанныя его же рукою:

¹⁾ Стр. 22.

Я сирий странникъ межъ людей
 Мой кровъ — святое Провидѣнье
 А спутники грядущихъ дней
 Любовь, надежда и терпѣнье.

Vous voir et vous aimer suffit d'un instant
 Vous voir et vous oublier est peu de la vie.
 Je n'ai pas l'avantage
 De parler éloquemment
 Je n'ai qu'un seul langage
 C'est celui de sentiment.
 Quoique l'amitié m'inspire
 Je ne saurais m'exprimer
 Ah qu'un autre sache mieux dire
 Pour moi, je sais mieux aimer.

Vous avez tout reçu sans en être plus fière
 Beauté, graces, talens, il ne vous manque rien.
 Qui connoit votre esprit, vous admire et s'éclaire
 Qui connoit votre coeur, ne peut garder le sien.

Во всѣхъ этихъ виршахъ весьма немного литературныхъ достоинствъ, не блещутъ онѣ и оригинальностью содержанія, что, впрочемъ, довольно простительно для альбомныхъ стихотвореній. Хуже гораздо то, что въ нихъ какъ то мало чувствуется искренности, и простоты; ихъ замѣняетъ грубая лесть, преувеличенія, мало простительныя даже для влюбленнаго поэта, какимъ, конечно, очень трудно себѣ представить Воейкова. Зато вездѣ чувствуется очень большое самомнѣніе, обожаніе себя и какое то покровительственное отношеніе къ предмету своей страсти.

Впрочемъ, на бѣдную дѣвушку всѣ эти, новые для нея мадригалы производили нѣкоторое впечатлѣніе; что же касается до Екатерины Афанасьевны, то къ ней Воейковъ сумѣлъ поддѣлаться очень скоро своимъ угодничествомъ и лестью, и она не желала лучшаго жениха своимъ дочерямъ, тѣмъ болѣе, что онъ ловко сумѣлъ пустить ей пыль въ глаза баснею о своихъ двухъ тысячахъ душахъ. Вліяніе Воейкова на нее было на столько велико, что самъ Жуковскій съ удивленіемъ писалъ ему въ Москву, куда Воейковъ уѣзжалъ на короткое время въ февралѣ 1814 года, о томъ, что она на все смотритъ его глазами, и не смотря на всю свою строго формальную религіозность и даже ханжество, по одному совѣту будущаго зятя перестала соблюдать постъ, ради своего здоровья. „Слава тебѣ“, прибавляетъ при этомъ Жуковскій. Позднѣе, по поводу легкаго

А. А. Воейкова съ дѣтьми Екатериной и Александрой. Акварель Александрова 1821 г.
Собств. гр. Н. А. Бревернъ-де-ла-Гарди.

Львівська Бібліотека
А. Н. УССР

нездоровья будущей тещи, въ обычно повышенномъ и льстивомъ тонѣ Воейковъ писалъ въ томъ же альбомѣ Александры Андреевны:

На болѣзнь матушки, 3 Апрѣля 1814 года.

Когда бъ Творецъ, склонясь къ мольбамъ и плачу
Здоровье намъ твое позволилъ выкупать;
Годъ жизни Сашиной рѣшилъ бъ я отдать,
Свою бы отдалъ всю въ придачу ¹⁾.

Итакъ, жребій бѣдной Свѣтланы былъ брошенъ, и вопросъ о ея свадьбѣ, правда, пока неофициально былъ, очевидно, рѣшенъ еще до упомянутаго отъѣзда Воейкова въ Москву и Петербургъ. Особенно ухватился за этотъ проектъ Жуковскій, видя вліяніе Воейкова на старуху Протасову, и надѣясь, что вступя въ родство, его другъ сумѣетъ расположить тещу въ пользу брака поэта съ Машей. По его словамъ, онъ видѣлъ въ Воейковѣ свою „батарею“ ²⁾ въ борьбѣ съ Екатериной Афанасьевной, которой онъ давалъ совѣты не отказывать сразу жениху, а присмотрѣться и узнать его лучше.

Въ своихъ письмахъ къ уѣхавшему Воейкову Жуковскій все время поддерживаетъ его увлеченіе Сашей, какъ бы боясь измѣнчивости друга, который даже не сдѣлалъ въ то время официального предложенія и даетъ ему надежду на успѣхъ, стараясь увѣрить въ симпатіяхъ Саши. Онъ торопитъ его вернуться въ Муратово, соблазняя „чаемъ изъ рукъ Александрины“ и „возможностью видѣть скрытую истину на миломъ лицѣ кошачьяго брадобрея“ ³⁾.

Въ другихъ письмахъ онъ рассказываетъ Воейкову, что Саша рисуетъ его портретъ заочно, или еще болѣе откровенно сообщаетъ: „Твои дѣла идутъ хорошо, говорятъ о тебѣ, какъ о своемъ; списываютъ твои стихи въ нѣсколько рукъ; за обѣдомъ поятъ кошку цимлянскимъ виномъ и увѣщываютъ ее пить за здоровье чернаго негра. А я увѣряю, что всѣ кошки отъ Муратова до Саратова будутъ тобой острижены и что ты привезешь къ намъ съ собою большой пукъ кошачьихъ усовъ“ ⁴⁾.

¹⁾ См. Р. Арх. 1912 г. IV.

²⁾ См. переписку съ А. И. Тургеневымъ.

³⁾ См. шуточное стихотвореніе на стр. 27-й, гдѣ Жуковскій описываетъ шалости Саши, и между ними бритые у кошекъ усы.

⁴⁾ Р. Арх. 1900 г.

А между тѣмъ, можно думать, что Жуковскій сильно ошибался въ чувствахъ Саши къ Воейкову. Письма ея къ жениху, о которыхъ въ послѣдствіи съ умиленіемъ вспоминалъ Тургеневъ ²⁾, къ сожалѣнію, не сохранились, но едва ли и въ нихъ можно было-бы найти что либо другое, кромѣ обѣтовъ вѣрности, покорности долгу и судьбѣ.

При всей своей неопытности, чуткая и впечатлительная натура Саши не сразу подчинилась влиянію Воейкова, хотя ея самолюбію и льстили его хвалебные мадригалы. Въ письмѣ къ Елагиной, отъ 1 іюля 1819 года ²⁾, Маша вспоминаетъ, что первое впечатлѣніе, произведенное Воейковымъ на обѣихъ сестеръ, отнюдь не было благопріятнымъ и, что по ея словамъ, „сердца обѣимъ намъ сказали: будь подалѣе“. Жуковскій и самъ вспоминалъ въ послѣдствіи о чемъ то „худомъ“ что говорила о женихѣ Саша сестрѣ, и что та передала передъ свадьбой матери ³⁾. Вообще, кромѣ приведенныхъ писемъ Жуковского, ничто не говоритъ намъ объ увлеченіи Саши Воейковымъ; наоборотъ, мы знаемъ о ея колебаніяхъ и мучительныхъ сомнѣніяхъ передъ самой свадьбой, по поводу дошедшихъ до нея слуховъ о характерѣ и поведеніи своего будущаго мужа. А слухи эти были весьма и весьма неблагопріятные и о нихъ писала въ самой категорической формѣ Авдотья Николаевна Арбенева ⁴⁾ въ отвѣтъ на справку Екатерины Афанасьевны о ея нареченномъ зятѣ.

И если бы наивная, 18-лѣтняя дѣвушка-ребенокъ, до сихъ поръ не забывшая еще, судя по приведеннымъ выше письмамъ Жуковского, свои дѣтскія шалости и проказы, нашла бы въ комъ-нибудь поддержку при своихъ сомнѣніяхъ, Воейкову не удалось бы привести въ исполненіе его планы.

Къ сожалѣнію, слухи о нетрезвомъ образѣ жизни Воейкова, о его прежней связи, отъ которой онъ имѣлъ сына, и о другихъ его похожденіяхъ, не могли заставить Екатерину Афанасьевну измѣнить разъ принятому ею рѣшенію. Намъ уже извѣстны отношенія Саши къ матери, ея слѣпая увѣренность что она можетъ желать ей только добра; мы знаемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ея взглядъ на жизнь женщины, какъ на исполненіе долга, ея безусловную вѣру въ Провидѣніе и надежду на его справедливость; все это вмѣстѣ взятое заставило ее безро-

¹⁾ См. ниже.

²⁾ См. Уткинскій сборникъ.

³⁾ См. письмо Жуковского къ Машѣ 25 дек. 1815 г. „Р. Ст.“ 1883 г.

⁴⁾ Племянница Екатерины Афанасьевны, дочь ея сестры — Натальи.

относно склониться передъ волею родныхъ и принять предложеніе Воейкова.

А чуткая, и обожавшая сестру Маша забыла свои предчувствія и писала ей въ альбомъ 3 мая 1814 года слѣдующія „замѣчанія и мысли“ (*pensées et observations*¹⁾):

„Мой ангелъ! ты дѣлаешь шагъ, который рѣшитъ судьбу насъ всѣхъ; ради счастья твоей матери и жизни твоей сестры Александрина, ты должна быть счастлива, потому что Богъ справедливъ; можетъ ли онъ не наградить тебя, дорогой ангелъ? Я много думала о твоёмъ новомъ положеніи и я попробую изъяснить тебѣ какъ можно лучше мои мысли о немъ.

Дорогой другъ, у тебя лучшее сердце въ свѣтѣ, доброта, въ самомъ дѣлѣ ангельская; но ты иногда слишкомъ (впечатлительна) я бы даже сказала обидчива; недостатокъ вниманія можетъ тебя заставить долго страдать, а между тѣмъ лицо, которое принесло тебѣ огорченіе, можетъ даже даже не заподозрѣть твоей обиды. Если ты полюбишь, то это будетъ всецѣло, тебѣ будутъ платить тѣмъ же; но не ожидай получить то же вниманіе, то же угожденіе, тѣ же признаки любви. Твой мужъ будетъ къ тебѣ привязанъ до могилы, но, мой ангельскій другъ, мужчины не такъ воспріимчивы къ такимъ (тонкимъ) привязанностямъ, какъ мы! Можетъ быть, впрочемъ, они оттого больше ихъ (цѣнятъ). Твой мужъ долженъ тебя любить, но что касается до внѣшнихъ проявленій, не ожидай ихъ!

Ты говорила на дняхъ, что хотѣла бы взять себѣ девицомъ: „ласка меня привязываетъ“ (*une caresse m'attache*). Я не думаю, что ты ея много получишь отъ своего мужа, но никто не будетъ тебя такъ любить какъ онъ, тѣмъ болѣе, что его любовь будетъ увеличиваться, по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ тебя ближе узнавать: онъ будетъ, какъ я: я всегда думаю, что не могу тебя любить ни больше, ни лучше, но черезъ нѣкоторое время я нахожу, что это не было достаточно, что въ настоящую минуту, ты мнѣ болѣе дорога“.

Какъ мало похоже это предсказаніе на то, что мы увидимъ скоро и какою злою ироніею должны были казаться Сашѣ эти слова черезъ полтора года послѣ свадьбы!

Мы не сказали еще ничего о томъ положеніи, въ которомъ очутился самъ Жуковскій съ приближеніемъ Воейкова, о сча-

¹⁾ Переводъ съ французскаго. Выписка эта взята изъ копій, сдѣланныхъ Перовскимъ (см. ниже). Возможно, что это записъ Авдотьи Петровны.

сти котораго онъ такъ заботился, надѣясь на его благодарность и помощь въ собственномъ дѣлѣ. Извѣстны давно всѣ перипетіи его хлопотъ о профессурѣ друга въ Дерптѣ, гдѣ тому вздумалось замѣнить умершаго А. С. Кайсарова, на кафедрѣ русской словесности. Усиленные просьбы Жуковского и старанія А. И. Тургенева, увѣнчались, какъ извѣстно, въ послѣдствіи успѣхомъ, и Воейковъ былъ назначенъ профессоромъ въ Дерптъ, имѣя на это весьма мало права. Въ свою очередь и Воейковъ не переставалъ въ первое время оказывать знаки живѣйшей привязанности и дружбы къ своимъ покровителямъ, и съѣздивши въ февралѣ въ Петербургъ, по тому же дѣлу своей профессуры, писалъ Тургеневу извѣстное восторженное письмо, полное лести по отношенію къ обоимъ пріятелямъ начинавшееся словами: „Я въ Муратовѣ; я съ Жуковскимъ — остальное можешь добавить воображеніемъ“¹⁾.

Но уже скоро послѣ своего возвращенія, Воейковъ почувствовалъ почву подъ ногами, и понялъ всю силу своего положенія въ семьѣ будущей жены. Завистливый, эгоистичный и самолюбивый, онъ съ радостью занялъ положеніе главы семьи, которому какъ оракулу внимали три наивныя и робкія существа. Онъ не могъ терпѣть никого, кто по своимъ талантамъ или нравственнымъ качествамъ стоялъ выше его мелкой и низменной натуры. Чистыя отношенія Маши къ Жуковскому были непонятны его грязному и развращенному уму, и скоро его обращеніе съ ними сдѣлалось нетерпимымъ.

„Воейковъ вошелъ въ семью, писалъ Жуковскій, а я изъ нея вышелъ“²⁾. Екатерина Афанасьевна на все смотрѣла глазами своего будущаго зятя и скоро забыла всѣ жертвы и благодаренія, оказанныя ей поэтомъ. Понятно, что отношенія его къ Машѣ, которымъ она не сочувствовала и прежде, сдѣлались окончательно недопустимыми въ ея глазахъ. Жуковскій еще въ мартѣ уѣхалъ изъ Муратова и жилъ то въ Черни, то въ Долбинѣ у своихъ кузинъ — Авдотьи Петровны Кирѣевской и Анны Петровны Юшковой. Въ его же отсутствіе было сдѣлано и официальное предложеніе Воейкова, на которое послѣдовало поспѣшное согласіе и невѣсты, и матери.

Въ половинѣ апрѣля, Жуковскій, пріѣхавъ не надолго въ Муратово, остался очень недоволенъ сухимъ пріемомъ и жаловался въ письмѣ Авдотѣ Петровнѣ, что на него „глядятъ тор-

¹⁾ Р. Арх. 1866 г. 652.

²⁾ См. письмо къ А. П. Кирѣевской въ Уткинск. Сборн.

жествуя“, обращаются холодно, а больного мигренью жениха, обкладывая подушками, укладываютъ въ кабинетъ и безъ устали окружаютъ его ухаживаніемъ и заботами. Въ общемъ, впрочемъ, онъ еще не ссорился съ Воейковымъ, продолжалъ немного надѣяться на его содѣйствіе и даже вмѣстѣ съ нимъ ѣздилъ къ И. В. Лопухину.

Свадьбу отлагали нѣсколько разъ изъ-за недостатка денегъ, пока Жуковскій, несмотря на натянутыя отношенія съ Екатериной Афанасьевной, не продалъ за 1000 р. свою деревню, и не отдалъ этихъ денегъ въ приданое за Сашей. Вѣнчанье состоялось, наконецъ, 14 іюля 1814 года, и Жуковскій, стоя въ церкви, впервые почувствовалъ угрызеніе совѣсти въ томъ, что частью по его винѣ, его любимица была отдана недостойному человѣку. Въ дневникѣ своемъ, отъ конца іюля, онъ пишетъ такъ, обращаясь къ Машѣ: „Милый другъ, когда я стоялъ въ церкви и смотрѣлъ на нашу милую Сашу, и когда мнѣ казалось сомнительнымъ ея счастье, сердце мое было стѣснено и никогда такъ не поразили меня слова „Отче нашъ“ и вся эта молитва“¹⁾.

Извѣстные стихи его къ Сашѣ, написанные около того же времени, говорятъ намъ о томъ же:

Ты свѣтъ увидѣла во дни моей весны,
Дни чистые, когда все въ жизни такъ прекрасно,
Такъ живо близкое, далекое такъ ясно
Когда лелеютъ насъ магическіе сны...
Лѣта прошли — твои всѣ спутники съ тобою;
У входа въ свѣтъ съ живой и ждущею душою
Ты въ ихъ кругу стоишь, прелестна, какъ они.
А я, знакомецъ твой въ тѣ радостные дни,
Я на тебя смотрю съ веселіемъ унылымъ;
Тѣснишься въ сердцѣ ты изображеніемъ милымъ
Всего минувшаго, всего, чѣмъ жизнь была
Такъ сладостно полна, такъ пламенно мила,
Что вдохновеніемъ всю душу зажигало
Всего, что лучшаго въ ней было и пропало...
О, упоеніе томительной мечты,
Покинь меня! Желать — безжалостно ты учишь,
Не воскрешая, смерть мою тревожишь ты;
Въ могилѣ мертвеца ты чувствомъ жизни мучишь.

Здѣсь ясно видна тревога поэта за будущее своей подруги, стоящей теперь безпомощною „у входа въ свѣтъ“, одинокою,

¹⁾ См. А. Веселовскій. В. А. Жуковскій. Спб. 1904. стр. 172.

лишенной близости совѣтника и друга, связанною навѣки съ недостойнымъ ея человекомъ...

Между тѣмъ, сдѣлавшись офиціально членомъ семьи, Воейковъ пересталъ себя сдерживать и позволялъ себѣ презрительное обращеніе съ Жуковскимъ, которому былъ обязанъ всѣмъ своимъ счастьемъ. Послѣ одной изъ его оскорбительныхъ выхонокъ, Жуковскій не былъ въ состояніи долѣе оставаться въ Муратовѣ и въ августѣ уѣхалъ снова, сперва въ Чернь, потомъ въ Долбино, къ своимъ утѣшителямъ и друзьямъ, гдѣ тщетно ждалъ вѣсточекъ отъ Саши, обѣщавшей ему писать, но, очевидно, стѣсняемой мужемъ.

Раскрывшійся обманъ о миѳическихъ 2000 душахъ не колебалъ значенія Воейкова въ глазахъ ослѣпленной матери, и новый родственникъ заходяйничалъ вовсю въ этомъ царствѣ безвольныхъ и пассивныхъ женщинъ, откуда улетѣло навсегда, царившее тамъ такъ долго безмятежное веселье.

Прошло то „спокойное счастливое“ время, о которомъ писала Екатерина Афанасьевна въ альбомѣ Саши въ 1810 году, и „колонія веселья“, основанная Жуковскимъ съ помощью его Свѣтланы, скоро превратилась въ гнѣздо интригъ, зависти и злобы. По выраженію Жуковского, сказанному позднѣе: „Прошла буря 1812 года, потомъ другая буря, хуже первой — Воейковъ, и все разлетѣлось“¹⁾.

Анна Петровна Юшкова писала Сашѣ въ альбомѣ 26 сентября 1814 г., скорбя также о разрушенномъ счастьѣ: „Нужно ли увѣрять, другъ мой милый, что сердце мое всюду тебѣ сопутствуетъ, что оно дѣлитъ всѣ твои чувства? Тебѣ оно знакомо, оно никогда не измѣнится. Да устройтъ благое Провидѣніе путь твой! Мои желанія, молитвы мои несутся тебѣ во слѣды! — Какъ часто я находила отраду и утѣшеніе въ милой дружбѣ твоей! Съ тобой моя любовь, моя благодарность! Станемъ надѣяться, что нѣкогда разсѣянное наше семейство опять соединится! Опять въ пріютѣ дружбы я обойму мою Сашу“.

Поневолѣ рождается здѣсь вопросъ: какъ же могли все-таки родные согласиться, а тѣмъ болѣе настаивать на бракѣ Саши съ Воейковымъ, о которомъ знали столько дурного? Несомнѣнно, главною виновницею этого союза надо считать Екатерину Афанасьевну — упрямую и своевольную женщину не любившую слушать ничьихъ совѣтовъ. Ея собственная недолгая и невеселая семейная жизнь пріучила ее быть рѣшительной и

¹⁾ См. письмо къ А. П. Юшковой-Зонтагъ. Уткинскій Сборникъ, 104.

энергичной и во всемъ полагаться только на себя. Такъ поступила она и въ этомъ случаѣ, обманутая лицомъріемъ Воейкова, никогда не умѣя понимать людей, ихъ душу и характеръ, смотря на вещи съ узко формальной точки зрѣнія, какъ и въ дѣлѣ ея препятствій браку Жуковского и Маши.

Но если въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ, неудачной любви поэта, единственною виновницею являлась старуха Протасова, то въ дѣлѣ брака Саши, виновна не она одна. Въ этомъ должны были считать себя въ равной мѣрѣ виновными и крестный Саши, и ея родная сестра.

И если Екатерина Афанасьевна, упрямо стремясь къ намѣченной ею цѣли, не могла преслѣдовать при этомъ своихъ личныхъ интересовъ, а только обманывалась миражемъ будущаго счастья своей дочери, то Жуковский и Маша несомнѣнно мечтали извлечь пользу для себя и своихъ отношеній.

Конечно, всегдашняя вѣра Жуковского въ людей играла здѣсь не послѣднюю роль, и онъ заставлялъ себя вѣрить въ исправленіе Воейкова, однако ему должны были быть извѣстны характеръ и душевныя свойства жениха Саши, и едва ли онъ нуждался въ тѣхъ рекомендательныхъ письмахъ, которыя по его совѣту запрашивала Екатерина Афанасьевна о своемъ будущемъ зятѣ. Еще въ пансіонѣ Воейковъ оставилъ по себѣ печальную славу своими пороками, о которыхъ говоритъ въ дневникѣ его однокашникъ, Николай Ивановичъ Тургеневъ, и объ этомъ не могъ не знать Жуковский. Въ 1803 году Мерзляковъ, жившій въ домѣ Воейкова въ Москвѣ писалъ А. И. Тургеневу и Жуковскому о дурныхъ знакомствахъ Воейкова, о его разгульной жизни, полной всяческихъ излишествъ, о его сварливомъ и грубомъ характерѣ и т. д. ¹⁾

Да и взглядъ общества на Воейкова былъ Жуковскому хорошо извѣстенъ уже по тѣмъ затрудненіямъ, которыя встрѣтились при проведеніи имъ друга въ члены Арзамаса. Объ этомъ упоминаетъ Вигель въ своихъ запискахъ, хотя и не знаетъ подробностей этого обстоятельства.

Пріятель Воейкова, вспоминая о немъ гораздо позднѣе, уже послѣ его смерти, говоритъ о какомъ-то даже преступленіи, совершенномъ Воейковымъ въ ранней молодости, за которое, всю жизнь преслѣдовали его угрызенія совѣсти ²⁾.

Жуковский, впрочемъ, не сознавался въ своей винѣ въ дѣлѣ свадьбы Саши, хотя, какъ мы видѣли, чувствовалъ ее. Совсѣмъ

¹⁾ См. „Р. Арх.“ 1871 г.

²⁾ „Р. Ст.“ 1875. XII, 575 — 584.

другое Маша. Чуткая и любящая сестра, она весьма скоро поняла свою печальную роль въ судьбѣ Свѣтланы и не стыдилась въ ней сознаться.

Уже черезъ полтора года послѣ свадьбы она писала Жуковскому изъ Дерпта: „я не могу (болѣе) страдать за всѣхъ и видѣть себя всему причиной. Вспомни свадьбу Сашину, не я ли ее сдѣлала?“ „Всѣ комедіи, которыя тогда игралъ Воейковъ я принимала за чистыя деньги и теперь за каждую слезу Сашину должна упрекать себя“.

Въ другомъ мѣстѣ она прямо говоритъ „я причина ея несчастій“, и сознается, что она „всего ждала отъ Воейкова, а не отъ Бога“.

Жуковскій горячо протестуетъ противъ этихъ самообвиненій, касающихся, конечно, и его. Въ своей винѣ онъ сознаться не хочетъ и сваливаетъ все исключительно на Екатерину Афанасьевну. А между тѣмъ, самъ же онъ признаетъ, что Маша, какъ, очевидно, и онъ: „надѣялась тогда на Воейкова“, увѣряя ее только, что она „свадьбу Сашину не для этихъ надеждъ сдѣлала“ ¹⁾.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Т. е. надеждъ на помощь Воейкова. „Р. Ст.“ 39, 1 — 20. Письмо 25 Декабря 1815 г.

Периодическое издание

(посвященное уважительным душам)

Политическая жизнь4^е августа

В шесть часов пополуночи прибыли пред-
седатель Муравьевской иркутской губернии;
Губернатор ^{иркутской губернии} и его помощники;
запрещены: шесть лошадей, пять
с ипподромов Азиатского, иркут-
ского и восточного, а также предва-
рили азиатского, Андрея по сестре ан-
деевской, Лизы, а также, а также и
Лизы. Исконно кавказских Кавказах и
околох Яков с полковником Стру-
и с сестрой Губернии иркутской
иркутской; Иркутская иркутская
иркутская.

5 августа

Два прибывших иркутских фран-
ки с азиатского.

7 августа

Собрался иркутский иркутский сир-
ский иркутский, сирский батальон
иркутский, сирский, сирский, сирский
иркутский, сирский, сирский, сирский.

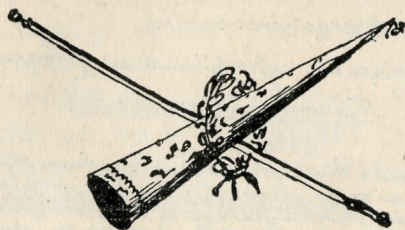
8 августа

На иркутский иркутский иркутский
иркутский, сирский иркутский, сирский
иркутский, сирский, сирский, сирский
иркутский, сирский, сирский, сирский
иркутский, сирский, сирский, сирский.

20 августа

В иркутский иркутский иркутский
иркутский, сирский иркутский, сирский
иркутский, сирский, сирский, сирский
иркутский, сирский, сирский, сирский
иркутский, сирский, сирский, сирский
иркутский, сирский, сирский, сирский
иркутский, сирский, сирский, сирский
иркутский, сирский, сирский, сирский.

Иркутский иркутский, сирский
иркутский, сирский, сирский, сирский
иркутский, сирский, сирский, сирский
иркутский, сирский, сирский, сирский
иркутский, сирский, сирский, сирский
иркутский, сирский, сирский, сирский
иркутский, сирский, сирский, сирский
иркутский, сирский, сирский, сирский.

Сего 1811го года, въ разсужденіи 31го числа Августа, Хвостовъ
образнаго разпространенія нѣкоторыхъ свѣтилъ и еще нѣко-
торога интереснаго разсужденія, прибоиши (слова не знаю):

Японскій иностранецъ, Пурводникъ перваго Градуса и дис-
тимматоръ пильфереръ маенуѣ мабѣтѣннѣхъ по каменію;
профессоръ фидитеннѣхъ превращеній францѣ маенуѣннѣхъ, и де-
митеннѣхъ Гадатейъ или лучиеннѣхъ извѣстнѣхъ извѣстнѣхъ
протѣженіи Барнабасъ пафнутѣннѣхъ и мабѣтѣхъ Кестѣ одѣвнѣхъ
объ извѣстнѣхъ извѣстнѣхъ, что они намерены, не въ припадѣхъ
другихъ извѣстнѣхъ мабѣтѣхъ отношеній къ безвѣстнѣхъ извѣстнѣхъ
Атмосферическаго отлученія, извѣстнѣхъ различнѣхъ извѣстнѣхъ,
Партоснѣхъ, политичеснѣхъ, извѣстнѣхъ, и даже кеидѣннѣхъ
извѣстнѣхъ мабѣтѣхъ извѣстнѣхъ извѣстнѣхъ извѣстнѣхъ. Сѣ-
расторженности дожны представнѣхъ извѣстнѣхъ въ извѣстнѣхъ извѣстнѣхъ

1^я штука: турки, не говоря о прогнѣхъ.

2^я штука: мешкообразные парашютисты или овозвращенія (каждый
записные пилоты, производятъ всеобщее извѣстнѣхъ).

3^я штука: представнѣхъ не дающаго архидио, копленіе виліетскнѣхъ
извѣстнѣхъ, не сѣхъ Самашоноуѣ, не сѣхъ буцѣннѣхъ и аценсанѣхъ
извѣстнѣхъ, не лишнѣхъ извѣстнѣхъ, къ извѣстнѣхъ сердца и къ
извѣстнѣхъ разсужденія,

4^я штука: Кутѣна Прова отправа^{ннѣхъ} путешествова^{ннѣхъ} по обе-
щанію во оставленіе извѣстнѣхъ и не въ общѣхъ другихъ.

5^я штука: мѣшнѣхъ, Стѣннѣхъ Ошнѣннѣхъ, или Извѣстнѣхъ Кающагося.

6^я штука: Хервонцы Самашоуѣ, или Извѣстнѣхъ безъ пошнѣхъ,

7^я штука: Стѣннѣхъ не боюахъ, и вода не боюа, или не керобой сѣхъ
керобой;

8^я штука: Парта. Въ извѣстнѣхъ А сердца въ извѣстнѣхъ

9^я штука: Хервонцы извѣстнѣхъ (Парта) извѣстнѣхъ Каюахъ.

10^я штука: Хервонцы, обращеннѣхъ въ извѣстнѣхъ Долото, которое Сѣхъ
Сѣхъ извѣстнѣхъ извѣстнѣхъ извѣстнѣхъ.

Наконецъ для Сѣхъннѣхъ отлученія въ ту минутѣ нова не вѣдѣннѣхъ не
Сѣхъннѣхъ извѣстнѣхъ до извѣстнѣхъ извѣстнѣхъ извѣстнѣхъ извѣстнѣхъ.
Сѣхъннѣхъ извѣстнѣхъ Сѣхъннѣхъ извѣстнѣхъ извѣстнѣхъ извѣстнѣхъ извѣстнѣхъ.
Сѣхъннѣхъ извѣстнѣхъ Сѣхъннѣхъ извѣстнѣхъ извѣстнѣхъ извѣстнѣхъ извѣстнѣхъ.
Сѣхъннѣхъ извѣстнѣхъ Сѣхъннѣхъ извѣстнѣхъ извѣстнѣхъ извѣстнѣхъ извѣстнѣхъ.

Абъ извѣстнѣхъ по Сѣхъннѣхъ извѣстнѣхъ извѣстнѣхъ.

ЮГАННЪ ФРИДРИХЪ АНТИНГЪ

1753 — 1805.

Объ Антингѣ, писателѣ, рисовальщикѣ-портретистѣ и силуэтистѣ, а кромѣ того адъютантѣ и біографѣ Суворова, прожившемъ въ Россіи въ цѣломъ лѣтъ около двадцати и умершемъ въ С.-Петербургѣ въ 1805 г., въ русской литературѣ имѣются свѣдѣнія лишь очень скудныя и въ многихъ случаяхъ не совсѣмъ достовѣрныя. Повсюду, гдѣ о немъ говорится, — между прочимъ и въ капитальномъ, но какъ разъ по части представителей искусствъ далеко не всегда безупречномъ, „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“ — въ первомъ ряду подчеркивается отношенія Антинга къ Суворову и имѣвшее въ свое время крупный успѣхъ его жизнеописаніе генералиссимуса, упоминается объ изданномъ имъ альбомѣ портретныхъ силуэтовъ европейскихъ знаменитостей, но его художественная дѣятельность почти совершенно остается въ тѣни. Полнаго перечня относящихся къ Россіи работъ силуэтиста мы нигдѣ не находимъ, — Н. Собко, напр., судя по его „Словарю Русскихъ Художниковъ“, въ первомъ томѣ котораго помѣщена біографія Антинга, очевидно, не зналъ его групповыхъ портретовъ въ Академіи Наукъ, фигурировавшихъ на портретной выставкѣ въ Таврическомъ Дворцѣ въ 1905 г., — а равнымъ образомъ нигдѣ нѣтъ точныхъ указаній о времени прибытія Антинга въ Петербургъ. Надо однако признать, что Антингу не повезло и на родинѣ, ибо многочисленные нѣмецкіе лексиконы художниковъ, не исключая даже новѣйшаго обширнаго „Lexikon der Bildenden Künstler“, издаваемого въ Лейпцигѣ подъ редакціей проф. Ульриха Тиме, тоже сообщаютъ о немъ мало фактического матеріала.

А съ другой стороны, вѣдь фигура скромнаго нѣмецкаго путешественника и рисовальщика, какимъ-то чудомъ превратившагося въ полковника русской службы, крайне любопытна и страшно типична для восемнадцатаго вѣка съ его сказочными карьерами и своеобразнымъ стремленіемъ къ Сѣверу, охватившимъ тогда столь многихъ художниковъ, писателей и авантюристовъ, и заставившимъ ихъ изъ родныхъ угловъ устремляться въ новую сѣверную столицу, заманчиво сулящую золотой дождь наживы и славы. Надо удивляться, что такая интересная тема, полная неожиданныхъ перипетій, какъ жизнь Антинга, до сихъ поръ на прельстила еще какого-нибудь историка культуры и искусства, и что лишь теперь въ этомъ направленіи сдѣланы первые шаги.

Обязаны мы ими нѣмецкому „Обществу Библіофиловъ“, переиздавшему въ прошломъ году для своихъ членовъ знаменитый Антинговскій альбомъ, „Collection de Cent Silhouettes der Personnes Illustres et Celebres, dessinées d'après les originaux“ (Гота, 1791 г.), ставшій давно библиографической рѣдкостью. Для этого прекраснаго факсимильнаго изданія, не поступившаго вовсе на книжный рынокъ, секретарь названнаго общества, профессоръ Карлъ Шюддекопфъ въ Веймарѣ, написалъ небольшое вступленіе, впервые дающее біографическій очеркъ Іоганна Фридриха Антинга, составленный на основаніи архивныхъ и другихъ изысканій. Наиболѣе цѣнными и благодарными для послѣднихъ оказались альбомы Антинга, столь излюбленные и модные въ то время, которые художникъ постоянно возилъ съ собой, и которые полностью отражаютъ въ себѣ маршруты и остановки его многочисленныхъ путешествій, длившихся съ 1783 по 1791 г., равно встрѣчи и знакомства съ разными тогдашними знаменитостями. На страницахъ этихъ альбомовъ, рядомъ съ автографами, большей частью красуются и силуэты ихъ авторовъ, работы самого Антинга. Коллекція 156 такихъ альбомныхъ листовъ 1784—1804 годовъ находится въ рукахъ г-жи Софіи Шубартъ-Чермакъ въ Мюнхенѣ; другая, состоящая изъ двухъ томовъ съ 214 автографами и 144 силуэтами, рисованными перомъ и тушью, была приобрѣтена въ 1897 г. графомъ Сергѣемъ Дмитриевичемъ Шереметевымъ, на аукціонѣ амстердамской фирмы Ф. Мюллеръ и К^о и нынѣ находится въ Михайловскомъ, имѣніи графа, близъ Москвы.

Іоганнъ Фридрихъ Антингъ, сынъ гарнизоннаго пастора, родился въ городѣ Готѣ, 26-го мая 1753 г., какъ теперь установлено церковными книгами, а не въ 1760 г., какъ почему-то до сихъ поръ значилось въ нѣкоторыхъ словаряхъ. По окончаніи мѣстной гимназіи, будущій біографъ Суворова въ 1771 г. поступилъ на богословскій факультетъ Іенскаго университета. Здѣсь, къ сожалѣнію, на цѣлыхъ десять лѣтъ обрывается нить нашихъ свѣдѣній о дальнѣйшемъ жизненномъ пути Антинга. Совершенно неизвѣстно, гдѣ онъ получилъ свое художественное образованіе, и нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на то, подъ чьимъ руководствомъ онъ развивалъ свой талантъ рисовальщика и у кого обучался только что изобрѣтенному искусству портретнаго силуэта, снискавшему себѣ сразу такую огромную популярность. Въ февралѣ 1783 г. Антингъ опять въ родной Готѣ, на что указываетъ автографъ скульптора Фридриха Дѣлля, первая вообще запись въ его альбомѣ. Въ послѣднемъ, въ апрѣлѣ того-же года значится баронъ Ф. фонъ-Мюнхгаузенъ,

прототипъ знаменитаго враля, прославленнаго въ послѣдствіи въ многочисленныхъ изданіяхъ. Такъ какъ Мюнхгаузенъ съ 1739 по 1750 г. состоялъ на русской военной службѣ, то не исключена возможность, что именно онъ побудилъ Антинга отправиться въ Россію, куда онъ въ скоромъ времени поѣхалъ черезъ Берлинъ, Вольгастъ и Свинемюнде.

Въ началѣ января 1784 г. мы его уже застаемъ въ Петербургѣ, гдѣ въ предыдущіе годы, благодаря искуснымъ работамъ француза Ф. П. Сидо, силуэтные портреты успѣли приобрести право гражданства въ высшемъ обществѣ. Антингъ, очевидно снабженный рекомендательными письмами, быстро попадаетъ въ придворные круги и міръ ученыхъ, ибо еще въ январѣ того-же года имъ была исполнена упомянутая выше группа силуэтовъ двѣнадцати членовъ Академіи Наукъ. Не ограничиваясь одной столицей, художникъ объѣздитъ и многіе провинціальныя города Россіи, которые въ точности можно установить по записямъ и силуэтамъ его альбома. Съ іюля 1785 г. по февраль 1786 г. онъ проживаетъ въ Москвѣ, потомъ посѣщаетъ Нижний-Новгородъ, Казань, Пензу, Новгородъ, Астрахань, а въ ноябрѣ 1786 г., опять пріѣзжаетъ въ Петербургъ, чтобы оттуда черезъ Ригу и Варшаву возвратиться на родину. Слѣдующіе годы тоже посвящены путешествіямъ по Германіи, Австріи и поѣздкамъ въ Парижъ и Лондонъ, въ результатъ которыхъ количество рисованныхъ и вырѣзанныхъ силуэтовъ выдающихся людей эпохи, исполненныхъ Антингомъ, все увеличивается. Кромѣ того онъ, вѣроятно, какъ можно заключить изъ его писемъ и какъ это вообще было въ обычаѣ у многихъ тогдашнихъ силуэтистовъ, украшалъ силуэтами разныя болѣе или менѣе драгоцѣнныя табакерки, медальоны, фарфоровыя чашки и т. п. и при случаѣ торговалъ этими предметами.

Въ 1790 г. Фридрихъ Антингъ начинаетъ использовать плоды и впечатлѣнія семилѣтнихъ своихъ странствованій. Онъ поселяется въ родной Готѣ, гдѣ, между прочимъ, герцогъ Карлъ-Августъ Саксенъ-Веймарскій его удостоиваетъ званіемъ „совѣтника“, и гдѣ онъ готовится изданіе своей „Collection de Cent Silhouettes“, появившейся въ 1791 г., у извѣстнаго мѣстнаго издателя Пертеса. Здѣсь художникъ, кажется впервые, пробуетъ свои силы и на литературномъ поприщѣ. Послѣ серіи писемъ о коронаціи императора Леопольда II во Франкфуртѣ н./Майнѣ, напечатанныхъ анонимно въ 1790 г. въ ноябрьскомъ выпускѣ ежемѣсячника „Journal des Luxus und der Moden“, въ слѣдующемъ году, съ марта по іюнь, въ томъ-же журналѣ Антингъ помѣщаетъ рядъ статей подъ заглавіемъ „Ueber Russland, seine Landes-Art, Sitten, Luxus, Moden und Ergötzlichkeiten. Von einem Augenzeugen, der sich einige Jahre daselbst aufgehalten“, которыя въ скоромъ времени вышли отдѣльнымъ изданіемъ подъ тѣмъ-же заголовкомъ. Въ редакціонной замѣткѣ самъ редакторъ журнала Бертухъ увѣдомилъ читателей, что авторъ статьи намѣренъ совершить вторичную поѣзду въ Россію и сѣверныя страны, во время которой собранный прежде матеріалъ имъ будетъ провѣренъ и дополненъ, а по возвращеніи изданъ въ новой обработкѣ. Антингъ въ это время, очевидно, вообще носился съ широкими литературными планами, ибо въ упомянутомъ журналѣ въ іюлѣ 1791 г. онъ самъ извѣщаетъ о подготовленной имъ книгѣ съ гравюрами „Bemerkungen auf Reisen durch mehrere der vornehmsten Europäischen Reiche“. Но затѣянныя изданія не суждено

было выйти въ свѣтъ. Въ концѣ мая 1791 г. Фридрихъ Антингъ съ своей супругой черезъ Берлинъ и Варшаву уѣзжаетъ въ Россію, гдѣ судьба ему готовила непредвидѣнную совѣтъмъ карьеру, и гдѣ ему уже пришлось остаться до конца своихъ дней.

Около двухъ лѣтъ Антингъ прожилъ въ Петербургѣ и Москвѣ, и весной 1793 г. вмѣстѣ съ графомъ Самойловымъ отправляется въ Константинополь. Эта поѣздка опять на неопредѣленное время отодвигаетъ предполагаемое возвращеніе на родину, гдѣ до сихъ поръ квартира въ Готѣ еще числилась за писателемъ. По пути въ Константинополь, въ Херсонѣ онъ знакомится съ Суворовымъ и вскорѣ, неожиданнымъ образомъ, дѣлается его біографомъ. Кто въ сущности былъ инициаторомъ трехтомнаго труда Антинга „*Versuch einer Kriegsgeschichte des Grafen Alexander Suworow-Rymnikski*“¹⁾, первая часть котораго появилась въ 1795 г. въ Готѣ, и который впоследствии былъ переведенъ на русскій и многіе иностранные языки, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ знаменитый полководецъ принималъ въ немъ живое участіе, интересовался его ходомъ и снабжалъ автора личными указаніями. Нѣмецкій писатель-художникъ, очевидно, пришелся по вкусу фельдмаршалу, ибо въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ даже жилъ въ его домѣ и, несомнѣнно, благодаря его протекціи, въ концѣ 1794 г., былъ принятъ на русскую военную службу, гдѣ онъ очень быстро двигался впередъ. Въ апрѣлѣ 1796 г. недавній „кадетъ Оедоръ Антингъ“ уже былъ полковникомъ и адъютантомъ Суворова, но, увы, не на долго! Немилость, въ которую впалъ его покровитель при воцареніи Павла I, крайне пагубно отразилась на Антингѣ, и отъ этого удара ему уже не удалось оправиться. Онъ былъ принужденъ выйти въ отставку, одно время содержался даже подъ строгимъ надзоромъ и, не смотря на всѣ старанія, ему не разрѣшено было вернуться на службу. Вдобавокъ, въ 1800 г. умеръ Суворовъ, его главный благодѣтель. Подаренныя ему послѣднимъ еще при жизни девяносто душъ, за отсутствіемъ необходимыхъ формальностей, оспаривались Суворовымъ-сыномъ, и соотвѣтствующая жалоба Антинга Александру I, кажется, не имѣла успѣха. Изъ справокъ, сообщенныхъ по этому дѣлу петербургскимъ губернаторомъ, явствуетъ, что бывшій адъютантъ Суворова тогда жилъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, а бѣдственное положеніе его потомъ уже не измѣнилось къ лучшему. Антингъ умеръ въ Петербургѣ 12 августа 1805 г. О дальнѣйшей судьбѣ оставшейся тамъ его семьи ничего неизвѣстно. Въ альбомахъ Антинга за послѣдніе годы его жизни имѣются очень большіе пробѣлы. Очевидно, не до собиранія автографовъ было. Однимъ изъ послѣднихъ друзей записался въ январѣ 1803 г. сотоварищъ генераль Цуккато полными меланхолическими словами: „*Ami! nous avons tous les deux suivi les travaux de Souworow,—ou en sommes nous l'année 1803 le 12 Janvier? Pour prix de votre dévouement vos intérêts sont confiés aux subtilités de la Chicane... Faudrait-il pour tant d'ingratitude ne plus être vertueux?*“.

¹⁾ Подробности и исторія изданія здѣсь были сообщены въ статьѣ „Суворовскій Отдѣлъ въ Библіотекѣ П. Н. Симанскаго“, („Р. Б.“ 1912, вып. V).

При всей своей цѣнности, очеркъ профессора Шюддекопфа, конечно, не составляетъ еще исчерпывающей біографіи Антинга, на которую авторъ и не претендуетъ. Но здѣсь впервые зафиксированы главные грани его жизни, начерчены ея общія рамки, въ которыя будущему біографу, если такой появится, легко будетъ вмѣстить и болѣе обширную картину антинговыхъ дѣяній съ детально разрисованными ихъ мелочами. Въ значительной степени это касается и русскихъ странствованій силуэтиста. Раздобытыя Шюддекопфомъ изъ его альбомовъ опредѣленные данныя о времени его пребыванія въ разныхъ городахъ Россіи, въ рукахъ исследователя могутъ служить прекрасной путеводной нитью для отысканія матеріаловъ и современныхъ русскихъ отзывовъ объ Антингѣ. По этому пути, быть можетъ, найдутся еще и неизвѣстные рисунки и силуэты послѣдняго.

Художественной дѣятельности Антинга и его значенія среди другихъ силуэтистовъ конца восемнадцатаго вѣка проф. Шюддекопфъ коснулся лишь мелькомъ, предоставляя эту задачу компетентному перу специалиста — историка искусства, который, быть можетъ, сумѣетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на подготовительную стадію творчества силуэтиста и его связь съ прочими мастерами такъ называемаго „чернаго искусства“. Для этого, конечно, прежде всего надо выяснитъ не опредѣленное еще полностью художественное наслѣдіе Антинга и подробно познакомиться съ содержаніемъ хранящихся въ Мюнхенѣ и Михайловскомъ его альбомовъ, изъ которыхъ, кромѣ портретовъ попавшихся въ изданіе „Collection de Cent Silhouettes“, до сихъ поръ опубликованы были лишь единичные силуэты.

Во всякомъ случаѣ Фридрихъ Антингъ въ скромной своей области явленіе интересное и заслуживающее вниманія. Онъ обладалъ настоящимъ даромъ прирожденнаго портретиста, умѣлъ улавливать основной типъ человѣческаго лица, подмѣчать характерныя его черты и выразительно ихъ передать ограниченными средствами силуэта. Въ большемъ количествѣ портретный силуэтъ, по натурѣ своей, неизбежно производитъ впечатлѣніе немного однообразное, а потому какъ разъ изданіе „Ста Силуэтовъ“, больше всего увѣковѣчившее имя Фридриха Антинга, рисуется его не съ самой выгодной стороны, тѣмъ болѣе что въ воспроизведеніи часто искажена острота контура подлинныхъ силуэтовъ. Зато въ отдѣльности послѣдніе, какъ напр. профильные портреты членовъ Академіи Наукъ въ Петербургѣ, прямо приковываютъ жизненной экспрессіей и индивидуальной характеристикой. А какъ мастерски и остро напр. запечатлѣны великій князь Павелъ Петровичъ съ супругой Маріей Ѳедоровной въ фигурномъ силуэтѣ, о которомъ еще рѣчь будетъ впереди! Въ этихъ болѣе сложныхъ сценахъ съ рядомъ фигуръ — достовѣрныхъ такихъ работъ у Антинга, правда, не много — художникъ обнаруживаетъ крѣпкій, увѣренный рисунокъ и не совсѣмъ обыденный композиціонный талантъ. Прельшаютъ здѣсь мягкій ритмъ линий, декоративное чутье и вкусъ въ размѣщеніи черныхъ массъ на бѣломъ фонѣ, а неуловимый духъ эпохи, какъ тонкій ароматъ сквозитъ во всей композиціи. Качества эти заставляютъ считаться съ Антингомъ въ исторіи силуэта, въ которой ему принадлежитъ одно изъ видныхъ мѣстъ.

Что касается его русскихъ портретовъ, то полный ихъ списокъ могъ-бы быть составленъ лишь при использованіи многократно уже

упомянутых альбомов силуэтиста, которые, къ сожалѣнію, не были въ распоряженіи пишушаго эти строки. Но все-же, быть можетъ, не лишнимъ будетъ дать здѣсь приблизительный обзоръ русскаго наслѣдія Антинга, насколько онъ извѣстенъ, не затрагивая пока его альбомовъ. Надо надѣяться, что послѣдніе, въ особенности находяшіеся въ рукахъ графа С. Д. Шереметева, въ недалекомъ будущемъ, полностью или хотя частями будутъ опубликованы.

Въ „Collection de Cent Silhouettes“ пятая доля всего альбома посвящена русскимъ людямъ. Нѣтъ нужды перечислить здѣсь эти двадцать портретовъ, такъ какъ они поименованы въ словарѣ Собко, а частью и у Ровинскаго. За исключеніемъ Петра I, всѣ силуэты исполнены съ натуры. Имп. Академія Наукъ владѣетъ тремя группами силуэтовъ Антинга. На одномъ листѣ въ общую рамку вмѣщены бюсты слѣдующихъ членовъ Академіи: К. Фр. Вольфа, И. И. Георги, С. К. Котельникова, Л. Ю. Крафта, А. I. Лексель, И. И. Лепехина, П. С. Палласа, С. Я. Румовскаго, I. Я. Фербера, Н. И. Фукса, Я. Я. Штелина, I. А. Эйлера ¹⁾. На другомъ листѣ часть этихъ академиковъ представлена въ ростъ, среди сада, на третьемъ — ученые сгруппированы вокругъ бюста знаменитаго математика Эйлера. Антингъ вообще имѣлъ слабость къ бюстамъ, памятникамъ и урнамъ, которыя всегда фигурируютъ на его силуэтахъ съ нѣсколькими фигурами. Надо полагать, что гравированная Бергеромъ по его рисунку картинка „Императрица Екатерина съ семьей передъ бюстомъ Петра I въ Царско-сельскомъ саду“ первоначально была задумана въ видѣ группового силуэта. Какъ Ровинскій указываетъ, на второмъ отпечаткѣ гравюры значилась надпись: „Anthing ad vitam del.“, которая въ послѣдствіи была счищена, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лица сильно измѣнены. Въ близкой связи съ этимъ рисункомъ стоитъ очаровательный силуэтъ, изображающій вел. кн. Павла Петровича и Марію Ѳеодоровну, гуляющими въ саду, гдѣ великіе князья Александръ и Константинъ сажаютъ деревца. Оригинальный подписной экземпляръ этого силуэта относится къ 1784 г., находится въ собраніи Н. В. Соловьева, а повтореніе въ замкѣ Тифуртъ, близъ Веймара, и въ коллекціи г-жи Шубартъ-Чермакъ въ Мюнхенѣ; нѣкоторые съ посвященіемъ пастору Баузе ²⁾.

По рисункамъ нашего художника еще гравированы портреты Станислава Сестженцевича-Богуша, перваго митрополита католическихъ церквей въ Россіи, и Павла I, который Ровинскій видѣлъ въ одесскомъ Музеѣ Общества Исторіи и Древности. По всѣмъ вѣроятіямъ, и профильный портретъ Суворова на заглавномъ листѣ біографіи Антинга, который въ свое время здѣсь былъ воспроизведенъ въ упомянутой статьѣ П. Н. Симанскаго, исполненъ по рисунку готскаго силуэтиста.

П. ЭТИНГЕРЪ.

¹⁾ Эти силуэты были воспроизведены Модзалевскимъ въ его „Спискѣ членовъ Имп. Академіи Наукъ 1725 — 1907“, (С.-Пет. 1908).

²⁾ Воспроизведенъ въ изданіи д-ра Г. Т. Крѣбера „Die Goethezeit in Silhouetten“. (Веймаръ, 1911, Густавъ Кипенхойеръ), таб. 65. Издатель вмѣсто Константина Павловича, ошибочно, видитъ здѣсь вел. кн. Николая Павловича, который родился лишь въ 1796 г.

Силуэтъ работы Антинга (рисунокъ тушью), изображаетъ Императрицу Екатерину II, Вел. Кн. Павла Петровича, Вел. Кн. Марию Ѳеодоровну и ихъ дѣтей.
Собств. Н. В. Соловьева.

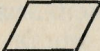

Dess. par C. Natou

Gr par C.N. Cochin.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ ПЛАНЪ ПАРИЖА.

Старыхъ плановъ столицы Франціи существуетъ великое множество, о чемъ свидѣтельствуемъ хотя бы такой фактъ, какъ выходъ въ свѣтъ, къ 1913 г., каталога этихъ плановъ, изданнаго фирмой Honore Champion и стоящаго двадцать франковъ. Самыя большія коллекціи парижскихъ плановъ имѣются, конечно, въ Національной Библіотекѣ и библіотекѣ г. Парижа. Около десятка старинныхъ плановъ было переиздано фирмой Taride, и одному изъ этихъ изданій ¹⁾ посвящена настоящая замѣтка.

Это — большой планъ, состоящій (въ новомъ его изданіи ²⁾) изъ двадцати листовъ, въ 67×40 сантиметровъ каждый; такъ что въ длину онъ имѣетъ около двухъ съ двумя третями метровъ, а въ ширину ровно два метра. Въ переводѣ на русскія мѣры это составляетъ 60 вершковъ въ длину и 45 вершковъ въ ширину; поэтому поверхность его составляетъ около 11 квадратныхъ аршинъ и, слѣдовательно, можетъ покрывать большую стѣну. Особенность этого плана — та, что на немъ городъ изображенъ какъ бы съ высоты птичьяго полета, со всѣми его улицами, площадями, домами, церквами, огородами и пр., причемъ въ планѣ есть еще два отступленія отъ привычныхъ для насъ способовъ чертить карты и планы: 1) верхнюю часть плана занимаютъ не сѣверныя части парижской территоріи, а юго-восточныя, и, слѣдовательно, нижнюю — не южныя, а сѣверо-западныя; 2) взятыя съ угловъ зданія изображаются не въ видѣ прямоугольниковъ, а въ ромбической формѣ, вслѣдствіе чего, наприм., очертанія Лувра получаются такія:

О выполненіи этого плана даетъ понятіе прилагаемый здѣсь образецъ въ 20×13 сантиметровъ, взятый изъ листа 10. Кстати, изъ того, что этотъ кусокъ въ 260 кв. сент. составляетъ лишь около $\frac{1}{15}$ части листа, а всѣхъ листовъ двадцать, мы можемъ судить о величинѣ всего плана который, такимъ образомъ, разъ въ триста больше нашего снимка.

¹⁾ Paris au XVIII siècle. Plan de Paris en 20 planches dessiné et gravé sous les ordres de M. - E. Turgot, prévôt des marchands, commencé en 1734, achevé de graver en 1739; levé et dessiné par Louis Bretez.

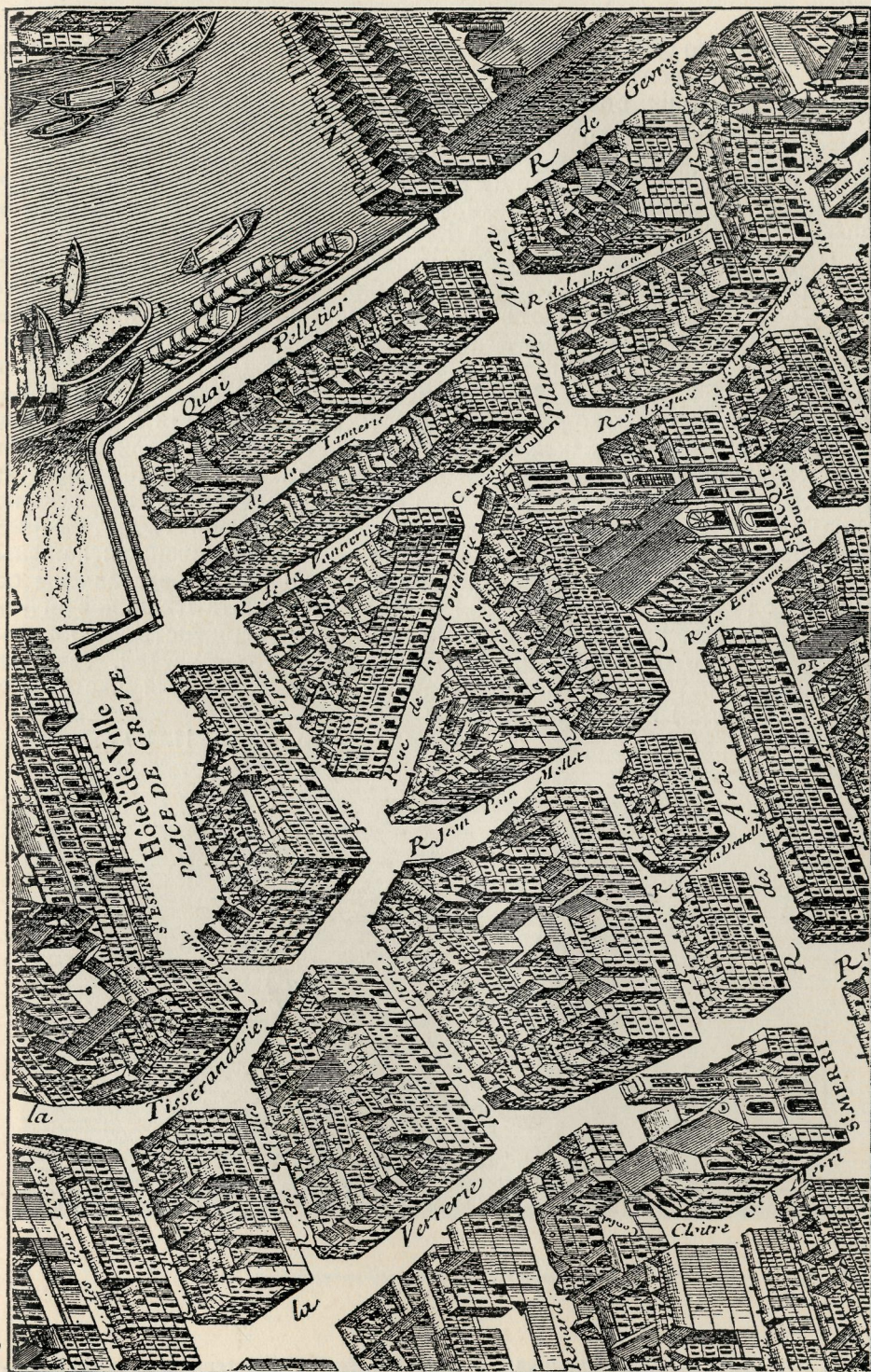
²⁾ См. ниже.

Этотъ громадный планъ Парижа былъ снятъ и нарисованъ въ 1734—1739 гг. нѣкимъ Louis Bretez'омъ и изданъ при парижскомъ купеческомъ старшинѣ Мишелѣ-Этьенѣ Тюрго, именемъ котораго обыкновенно и обозначается (*le plan de Turgot*). Рисовальщикъ отступилъ отъ обычной оріентаціи плановъ, по меридиану, желая изобразить на планѣ фасады церквей, обращенные на западъ: если бы онъ держался обычной манеры, то какъ-разъ восточныя и западныя стѣны церквей, да и другихъ зданій пришлось бы дать въ страшномъ ракурсѣ, что не позволило бы автору плана дать на немъ нѣчто вродѣ вида Парижа à vol d'oiseau. Рисунокъ плана былъ оконченъ въ 1734 г., гравировка его, исполненная Клодомъ Люка (Lucas), окончилась только въ 1739 г. И съемка плана въ принятой проекціи, и гравировка изображеній не только церквей, дворцовъ и т. п., но и домовъ, представляли не малыя трудности. Между прочимъ, пришлось отступить и отъ перспективной, и отъ геометрической точности: чѣмъ дальше отъ нашего глаза та или другая поверхность, тѣмъ болѣе она должна была бы сокращаться, но на планѣ этого нѣтъ, а съ другой стороны, улицы, имѣющія на планѣ горизонтальное направленіе пришлось представить болѣе широкими, нежели онѣ были на самомъ дѣлѣ, потому что иначе онѣ заслонялись бы крышами домовъ. Къ сожалѣнію, готическій стиль, какъ „варварскій“, въ XVIII в. былъ не въ модѣ, и на рисункѣ его немножко „исправляли“. Тѣмъ не менѣе для исторіи Парижа этотъ планъ очень важенъ, и мы на основаніи его показаній можемъ de visu судить о томъ, какія были въ городѣ еще совсѣмъ незастроенныя пространства, или какіе дома строились еще на мостахъ черезъ Сену,—особенность стараго Парижа отъ которой не сохранилось никакихъ слѣдовъ. Поэтому можно пожалѣть, что мы не имѣемъ такихъ же плановъ столицы Франціи для другихъ эпохъ, особенно для времени французской революціи.

Въ свое время планъ Тюрго былъ изданъ такъ, что отдѣльные листы его можно было соединить и покрыть ими цѣлую стѣну и можно было пользоваться ими, какъ атласомъ. Подлинныя доски плана сохранились въ Луврскомъ Музеѣ (въ отдѣлѣ калькографіи, Fonds de la chalcographie du Musée du Louvre), и ими нѣсколько лѣтъ тому назадъ воспользовались для того, чтобы переиздать этотъ атласъ и пустить его въ продажу. Нужно, однако, замѣтить, что на сей разъ планъ былъ нѣсколько уменьшенъ сравнительно съ первоначальнымъ размѣромъ ¹⁾. Къ сожалѣнію, на новомъ изданіи не имѣется даты.

Воспроизводимая здѣсь часть плана изображаетъ мѣстность въ центрѣ Парижа, сильно измѣнившуюся съ середины XVIII вѣка. Здѣсь представлена именно часть праваго берега Сены къ западу отъ Ратуши (Hôtel de Ville) около моста Notre Dame, соединяющаго этотъ берегъ съ островомъ Cité. Многихъ застроенныхъ домами участковъ теперь уже нѣтъ, благодаря расширенію бывшей Гревской площади (Place de Grève) и проведенію новыхъ улицъ (особенно rue de Rivoli). Исчезла и церковь St. Jacques-la-Boucherie, отъ которой осталась одна только башня, представляющая собою одинъ изъ изящнѣйшихъ памятниковъ готической архитектуры. На мѣстѣ окружавшихъ эту церковь домовъ, равнымъ образомъ, нѣтъ больше домовъ (теперь тутъ скверъ), какъ нѣтъ тоже

¹⁾ Приблизительно на одну пятую.

домовъ и у самаго берега Сены. Но улица de la Verrerie, напримѣръ, сохранилась. За пятьдесятъ лѣтъ, протекшихъ отъ времени окончанія плана Тюрго до революціи, большихъ переменъ во всей мѣстности, составлявшей въ 1790 — 1795 г.г. территорію секціи des Arcis ¹⁾, какъ и вообще во всемъ городѣ, не произошло, и планомъ можно пользоваться и для событій революціи. Отчасти это и дѣлается, какъ мы то видимъ, напримѣръ, въ одной статьѣ о домѣ, гдѣ жила г-жа Роланъ, — статьѣ, недавно помѣщенной въ журналѣ Олара „La Révolution Française“.

Прибавлю еще, что въ новомъ изданіи воспроизведенъ и сборный листъ (Tableau d'assemblage), въ лѣвомъ нижнемъ углу котораго имѣется краткій объяснительный текстъ (Avertissement). На самомъ планѣ названіе его съ болѣе подробнымъ текстомъ (Observations) занимаетъ лѣвый нижній уголъ 18 и правый 19 листовъ. Между прочимъ, мы читаемъ здѣсь слѣдующее: „задачею при составленіи этого плана города Парижа была дать возможность сразу видѣть всѣ зданія и всѣ улицы, которыя онъ въ себѣ заключаетъ, что можетъ быть исполнено только съ допущеніемъ нѣкоторыхъ вольностей (en prenant quelques licences), осуждаемыхъ строгими (austères) правилами геометріи и перспективы, но безъ этихъ вольностей была бы потеряна часть самыхъ интересныхъ предметовъ, которые были бы закрыты другими или совершенно искажены... Хотя въ этомъ трудѣ и старались дать правильное представленіе объ этомъ городѣ, нельзя льстить себя надеждою, что эта цѣль достигнута, такъ какъ невозможно въ одно и то же время въ совершенствѣ изобразить и громадность этой столицы, и великолѣпіе всѣхъ частей, ее составляющихъ“. Составитель извиняется еще, что окраинныя части предмѣстій (faubourgs) не были включены въ планъ.

Н. Карѣевъ.

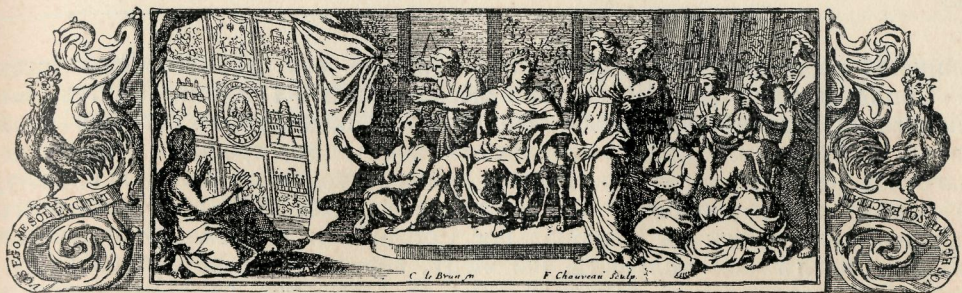
¹⁾ Это была самая небольшая, но одна изъ болѣе населенныхъ секцій Парижа.

Super-ex-libris'ы герцога Омальскаго.

Львівська бібліотека

КНИЖНЫЕ ЗНАКИ ГЕРЦОГА ОМАЛЬСКАГО.

Чуть ли не съ первыхъ дней открытія военныхъ дѣйствій, со всѣхъ концовъ стали поступать тревожныя извѣстія о чудовищномъ вандализмѣ и варварствѣ германскихъ войскъ. Извѣстія эти изобиловали такими возмутительными подробностями о неслыханныхъ доселѣ ужасахъ и звѣрствахъ, учиненныхъ нѣмецкою арміею, что даже трудно было повѣрить всѣмъ этимъ сообщеніямъ всегда падкихъ на сенсаціи газетъ. Однако продолжавшія поступать одно за другимъ все новыя и новыя извѣстія вскорѣ должны были убѣдить всѣхъ, что ранѣе описанные подвиги германцевъ являлись только прелюдіями къ дальнѣйшему ихъ „героизму“, завершившемуся дикимъ разгромомъ города-музея Лувена, сожженіемъ знаменитаго собора въ Реймсѣ и уничтоженіемъ массы другихъ, не менѣе знаменитыхъ памятниковъ искусства и старины.

Общее негодованіе не могло не вызвать на всемъ земномъ шарѣ распространившееся въ концѣ августа извѣстіе о томъ, что германскіе кавалерійскіе разъѣзды подожгли извѣстный во всемъ мірѣ замокъ Шантильи, гдѣ въ огнѣ безвозвратно погибли рѣдчайшіе образцы средневѣковаго искусства и одна изъ лучшихъ частныхъ библіотекъ. Къ счастью, извѣстіе это оказалось, какъ выяснено теперь, преувеличеннымъ и часть сокровищъ замка была заблаговременно вывезена въ безопасное мѣсто.

Шантильи — старинное помѣстье прекратившагося рода герцоговъ Конде, — находится въ департаментѣ Уазы, въ 40 километрахъ къ сѣверу отъ Парижа. Замокъ былъ расположенъ среди обширнаго вѣковаго парка, на рѣкѣ Нонетъ, и состоялъ изъ двухъ соединенныхъ между собою частей: постройки XVI-го вѣка (Шателэ) и новаго, возведеннаго въ 1876—1880 годахъ, въ стилѣ Ренессансъ, величественнаго Шато д'Антъень. Въ 1830 году, послѣ смерти послѣдняго представителя рода Конде, этотъ дивный уголокъ сѣверной Франціи достался, по наслѣдству, герцогу Омальскому, четвертому сыну короля Людовика-Филиппа.

Герцогъ Омальскій, Henri-Eugène-Phillippe-Louis prince d'Orléans, duc d'Aumale) родился 16-го января 1822 г. въ Парижѣ. Уже съ ранней молодости онъ обнаружилъ выдающіяся военныя способности въ алжирскомъ походѣ, гдѣ особенно отличился въ 1843 году при взятіи Смала-Абдель-Кадера. Произведенный въ генераль-лейтенанты и назначенный въ 1847 году генераль-губернаторомъ Алжира, онъ, послѣ февральской революціи, добровольно оставилъ свой постъ и отправился въ Англію, гдѣ посвятилъ себя занятіямъ исторіей. Изъ всѣхъ многочисленныхъ

сочиненій герцога, главѣйшими надо признать его „Histoire des Princes de Condé pendant le XVI et XVII siècles (1869—1895) и „Lettres sur l'histoire de France“ (1861), гдѣ Наполеонъ III подвергнутъ весьма рѣзкой критикѣ. Во время франко-германской войны онъ просилъ у французскаго военнаго министра разрѣшенія вновь вступить въ военную службу, но отвѣта на его просьбу не послѣдовало. Въ 1871 году онъ былъ избранъ депутатомъ въ Национальное Собраніе и членомъ Французской Академіи, послѣ чего получилъ, наконецъ, возможность вернуться на родину. Онъ поселился въ Шантильи, но въ 1886 году, въ силу закона о претендентахъ, вынужденъ былъ вновь удалиться въ изгнаніе (въ Брюссель). Только въ 1889 году, послѣ опубликованія его духовнаго завѣщанія (составленнаго еще въ 1884 году), по которому онъ отказалъ свой замокъ Шантильи со всѣми находившимися въ немъ художественными и др. собраніями Французскому Институту—ему разрѣшено было вернуться во Францію.

Проживая въ Шантильи, герцогъ Омальскій всецѣло посвятилъ себя своимъ любимымъ занятіямъ исторіей и обогащенію доставшихся ему по наслѣдству коллекцій. Онъ пользовался широкою и заслуженною извѣстностью, какъ любитель и знатокъ произведеній искусства и какъ рьяный библіофилъ. Въ залахъ его замка были собраны рѣдчайшія коллекціи средневѣковаго искусства—картинъ (свыше 500, среди нихъ работы Тиціана, Рембрандта, Ванъ-Дейка, Леонардо да-Винчи, Рафаэля, Доминикино и др.), миниатюръ (около 300), 580 портретовъ XVI ст., рисунковъ (до 700), мрамора, эмалей, серебра, бронзы, оружія и т. п., а его библіотека, пользовавшаяся его особеннымъ вниманіемъ, обладала такими исключительными сокровищами, которымъ могли бы позавидовать лучшія государственныя книгохранилища. Въ ней было около 13.000 томовъ книгъ и большое количество древнихъ рукописей и историческихъ документовъ. Чтобы судить о ея цѣнности, достаточно сказать, что тутъ было собрано все касающееся гугенотовъ во Франціи и Фландріи; всѣ подлинныя акты короля Карла, герцоговъ д'Анжу и др.; тутъ же, въ особыхъ витринахъ, хранились такія рѣдкости, какъ псалтирь Людовика св. 1214 г., требникъ Іоанна д'Эрвэ 1330 г., часословъ герцога Беррійскаго 1395 г. и много др. Это была библіотека, съ которой не могла сравняться ни одна другая по богатству историческихъ матеріаловъ среднихъ вѣковъ во Франціи, Австріи и западной Германіи.

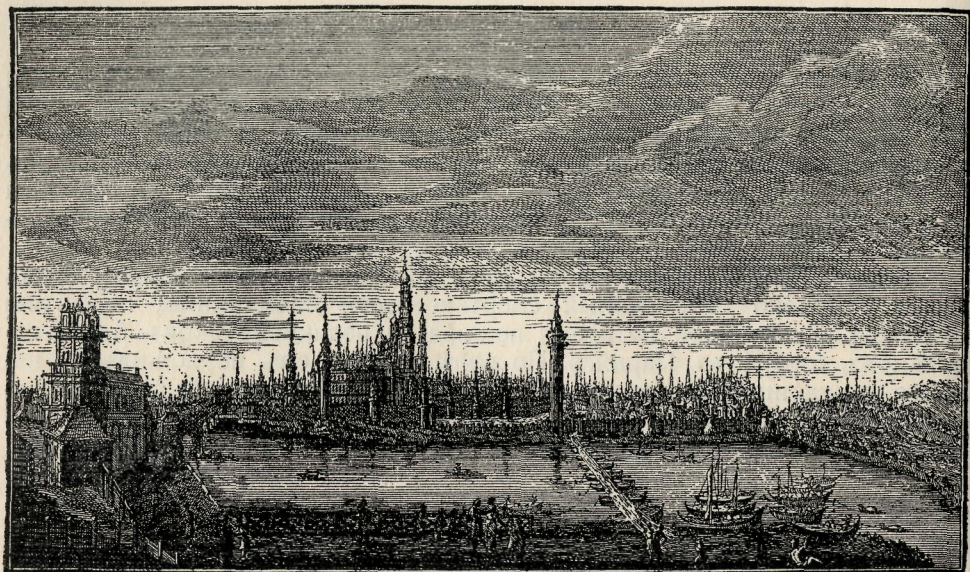
Къ своимъ сокровищамъ покойный герцогъ относился съ величайшею любовью. Объ этомъ наглядно свидѣтельствуетъ то, съ какою роскошью и съ какимъ вкусомъ онъ переплеталъ свои книги. Великолѣпныя кожаные переплеты, работы лучшихъ мастеровъ, всѣ снабжались такъ называемыми *super-exlibris*-ами, т. е. особыми клеймами, оттиснутыми золотомъ на верхней крышкѣ книгъ. Такихъ клеймъ (*fers de reliure*) у него было 23, разныхъ видовъ и размѣровъ. Всѣ онѣ представлены на прилагаемомъ снимкѣ, сдѣланномъ со специально заказаннаго герцогомъ и подареннаго имъ въ 1895 году одному изъ собирателей *exlibris*-овъ, обтянутаго кожею картона. На многихъ изъ этихъ клеймъ мы видимъ изображеніе герба дома Бурбоновъ (3 лиліи, но всегда съ турнирнымъ воротомъ, „*lambel*“,—отличительнымъ знакомъ младшей линіи), но чаще всего встрѣчаются инициалы „Н. О.“ (*Henri Orléans*) или увѣнчанные короною, состоящею изъ основной фигуры того-же Бурбон-

скаго герба, т. е. лиліи, или въ соединеніи съ мечемъ, для выраженія военнаго призванія владѣльца библіотеки. На очень немногихъ видна лента съ девизомъ „J'attendrai“. При внимательномъ сличеніи всѣхъ оттисковъ не трудно замѣтить, что многіе изъ нихъ отличаются другъ отъ друга только размѣромъ (напр. №№ 1, 2, и 3; №№ 4, 5, и 6 и т. д.), въ зависимости отъ формата книгъ, для которыхъ они предназначались.

Герцогъ Омальскій скончался 25-го апрѣля 1897 г. въ Цукко, близъ Палермо, глубоко потрясенный смертью своей племянницы, герцогини Алансонской, погибшей во время пожара на великосвѣтскомъ благотворительномъ базарѣ въ Парижѣ. По волѣ судьбы, онъ не дожилъ до недавняго пожарища, заключившаго въ свои пламенные объятія и похоронившаго подъ грудами пепла и обломковъ камня часть накопленныхъ вѣками культурныхъ и художественныхъ богатствъ замка Шантильи.

У. Г. Иваскъ.

Грав. Лавръ Соболевъ

ЗАПИСКИ КН. И. М. ДОЛГОРУКОВА ¹⁾.

1797.

Есть предубѣжденія, противъ которыхъ ничего не можетъ сдѣлать самой здравой разсудокъ; въ числѣ подобныхъ есть и то, чтобы почитать тотъ годъ не счастливымъ, котораго перьвой день мужъ безъ милой жены проводить долженъ. На канунѣ Новаго года жена моя поѣхала въ Питеръ, а я остался одинъ оплакивать въ Пензѣ прошедшее, настоящее и будущее. — Да! будущее потому, что начало царствованія Павла не обѣщало мнѣ уже никакого блаженства. — Сбылись всѣ предчувствія моего сердца; 17 декабря я уже былъ отставленъ, но извѣстіе о семъ пришло только въ генварѣ 6-го дня. Пріѣздъ сестры моей ²⁾ предупредилъ то поражение, котораго мнѣ ожидать надлежало, буде бы я не приготовясь получилъ вѣсть о моей отставкѣ; сестра моя меньшая, предупредя нѣсколькими днями почту, увѣдомила меня о томъ. На что мнѣ скрывать чувствъ моихъ? я былъ убитъ симъ извѣстіемъ. Я сокрушался о выключкѣ, которая сдѣлалась мнѣ удѣломъ и наградой за всѣ мои труды и ревностную службу. Я не равнодушно смотрѣлъ на состояніе матери моей и всего семейства, которое осужденъ я тяготить собой. Не наживъ никакого состоянія, я готовился разстраивать остатки матушкинова. Я зналъ сколько сіе извѣстіе, которое и жену мою въ Москвѣ встрѣтило, должно подѣйствовать на нѣжную и невинную душу и на слабыя ея органы. Все это меня приводило въ ужасъ; все это изъ очей моихъ влекло неосушаемыя рѣки горячихъ слезъ. О моралисты! сколь вы не проповѣдуете,

¹⁾ См. „Русскій Библіофилъ“ 1913 и 1914 г.г.

²⁾ Младшая сестра автора записокъ, Елизавета Михайловна.

что собственнаго своего признанія и убѣжденія совѣсти въ дѣлахъ невиннаго достаточно для блаженства. Ахъ нѣтъ! Отецъ семейства, окруженный дѣтьми, пропитанія требующими, можетъ не бояться суда вышняго, когда совѣсть его непорочна, но торжество сіе дѣлаетъ ли его въ полной мѣрѣ счастливымъ. Сытъ ли тотъ, кто не имѣвъ куска хлѣба, знаетъ что онъ чужой пищи не восхитить? Его совѣсть чиста, но голодъ, голодъ, лишаетъ его силъ, ума и спокойствія. Я долженъ былъ ѣхать изъ Пензы, но съ чѣмъ? у меня тогда не было гроша денегъ. Нашлись благотворительныя люди, которыя и въ такой крайности меня не оставили; Полчаниновъ ¹⁾ ссудилъ меня деньгами; когда читать будутъ со временемъ, можетъ быть, его ближніе его исторію, пусть увидятъ, что родственникъ ихъ не всеу благотворилъ мнѣ въ самое лютое время жизни моей до тѣхъ поръ, ибо послѣ узналъ я, что рука Божія, отягощающаяся на человѣка, наполнена бѣдъ и злоключеній, и что между тѣхъ несчастій коими родъ смертныхъ отъ Вышняго бываетъ искушаемъ, выключка изъ службы есть самая малѣйшая непріятность. Пусть ближній Полчанинова увидитъ здѣсь, что я былъ ему за очно благодаренъ, что я благородной его поступокъ умѣлъ цѣнить и чувствовать. 12-е число пришелъ объ отставкѣ моей указъ, я не хотѣлъ продолжать пребыванія моего въ Пензѣ; я смѣнилъ въ восемь дней, и сдавъ палату Директору Экономіи, расположился къ отъѣзду. Я не хотѣлъ ни съ кѣмъ прощаться, воображая что человѣкъ въ отставкѣ, гонимый рокомъ тамъ, гдѣ онъ за часъ предъ тѣмъ имѣлъ власть управлять многими, есть плачевное позорище. Я хотѣлъ уѣхать ночью тихонько, нѣсколько друзей моихъ меня однако проводили! Губернаторъ, достойный начальникъ тогдашняго времени, оросилъ меня чувствительными слезами и естли можно было находить въ чемъ либо отраду въ тогдашнемъ моемъ положеніи, конечно доставляло мнѣ ее благословеніе друзей моихъ, участіе подчиненныхъ и самое даже сожалѣніе враговъ моихъ. Оно ясно мнѣ открыло глаза на ихъ счетъ; я увидѣлъ, что и самыя даже непримиримыя злодѣи и люди, кажется, безъ правилъ и честности дѣйствующія, и тѣ на уничтоженіе честнаго человѣка безъ соболѣзнованія смотрѣть не могутъ, и тѣ дѣлать злоключеніе неповиннаго. Такъ то истинно, что ежели правдушіе и подвѣрено иногда мѣстнымъ оскорбленіямъ, но оно всегда влечетъ при самыхъ гоненіяхъ противу себя невольное какое то почтеніе отъ рода человѣческаго. Оставивъ далеко Пензу, ѣду я съ сестрой въ Москву: со мной были дѣти мои; насъ провожала любезная и почтенная г-жа Загоскина ²⁾; она любила жену мою, меня, всѣхъ насъ, презрила молву злоязычниковъ на счетъ всего того, что кажется для нихъ невозможно, безъ какой либо корысти или постыдныхъ намѣреній; она рѣшилась проводить насъ и бесѣдой своей облегчить нѣсколько мои душевныя болѣзни.

Черезъ недѣлю увидѣлъ себя въ подмосковной нашей, въ Никольскомъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, которое казалось посвященнымъ на то только, чтобъ или напоминать мнѣ мои огорченія, или причинять тяжкіе вздохи вырываемыя новыми несчастными приключеніями. Такъ въѣзжалъ я въ сію деревню, когда собирался въ Пензу и прощался съ Москвой въ тоскѣ безмѣрной; такъ вторично посѣтилъ я Никольское послѣ поношенія никогда неизгладимаго и въ объятіяхъ сестеръ моихъ оплакивалъ

¹⁾ Пріятель автора, см. „Р. Б.“ 1914 г.

²⁾ Мать писателя М. Н. Загоскина, см. „Р. Б.“ 1914 г.

свѣжую кончину драгоцѣннаго моего родителя; такъ въ третій разъ нынѣ возвращался я на сіе наслѣдственное гнѣздо, одно достояніе отца моего, моимъ называющееся, и тутъ располагался остаться до временъ благопріятныхъ, или, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, какъ могло бы забыться все со мной доселѣ случившееся, ибо человекъ все забываетъ и время все уноситъ. Со мной были книги; я собирался ихъ читать, собирался учиться жить зимой въ деревнѣ безъ занятій, безъ людей, одинъ самъ съ собой и ребятишками моими, для которыхъ, кромѣ молока и хлѣба, еще ничего не нужно было. Такой оборотъ жизни былъ тяжелъ, наипаче для меня; жить безъ людей тому, кто не бывалъ безъ нихъ минуты, не могло быть легкимъ предпріятіемъ; но я долженъ былъ на то рѣшиться. О! Павелъ! Естли правосудіе Небесное, о которомъ такъ часто мы мечтаемъ, воздается смертнымъ, приходящимъ къ Престолу Божію за дѣла ими содѣянные въ плачевной сей юдоли, то сколько ты потерпишь за тѣ рѣки слезъ, которыя жена моя и я розно другъ отъ друга пролили и которыхъ твое варварство было единственной причиной. Ты гналъ людей неповинныхъ; ты лишилъ насъ спокойствія, счастья, послѣдняго благосостоянія, которымъ мы по милости не твоей, но матери твоей безподобной до самыхъ дней твоихъ наслаждались. Ты покрылъ насъ стыдомъ и презрѣніемъ общимъ; ты, — но гдѣ всѣ черты твоего нрава описать, кому исчислить твои жестокости? Какимъ перомъ описать вымышленныя твои гоненія? Фуріи вошли въ душу твою и овладѣли сердцемъ. Нѣтъ ни одного малѣйшаго алмаза въ Коронѣ, которую ты съ премудрой главы Екатерины возложилъ на свою поврежденную, ни одного камня, котораго бы блескъ не померкъ отъ слезъ, пролитыхъ въ твое царство. Въ сихъ размышленіяхъ убивалъ я краткія дни и длинныя вечера въ Никольскомъ, я не смѣлъ ѣхать въ Москву, да и не хотѣлъ. Съ какимъ лицомъ мнѣ туда появиться? Куда ѣхать? Кого видѣть? все мнѣ казалось чужое, я впалъ въ глубокую задумчивость, письма жены моей, женщины разсудительной, благоразумной и любезной, самыя ея письма не развеселяли моихъ унылыхъ воображеній. Она уже была въ столицѣ, искала слѣда ко двору, несмотря на слабость здоровья своего, на тягосты беременности, ѣздила ссысывать мнимыхъ покровителей, проливала рѣки слезъ, но мнѣ однѣ представляла милыя картины пріятной будущности. О безподобная жена! не было ни у кого такого друга, такого товарища, какого я имѣлъ въ тебѣ! Иногда ей удавались ея исканія, иногда были тщетны, и въ письмахъ ея я читалъ два раза въ недѣлю всѣ подробности ея тамъ пребыванія.

Наконецъ, по волѣ матери, пріѣзжаю въ Москву, но уже не съ тѣмъ восторгомъ встрѣчаетъ взоръ мой главы соборовъ, съ какими приближался я къ симъ монументамъ родины моей въ другія времена. Сердобольная мать моя не могла выносить строгаго моего уединенія въ Никольскомъ, родныя мои и ближнія сколько еще ихъ на свѣтѣ оставалось, находили такое тюремное заключеніе самого себя бесполезнымъ для меня, для дѣтей моихъ, и тѣмъ напротивъ еще болѣе предосудительнымъ, что могли многія присоединить къ отставкѣ моей пустую молву, что мнѣ заказано было показаться въ столицу, и такъ я въ нее въѣхалъ, но ни съ кѣмъ не хотѣлъ возобновлять знакомства и никуда не выѣзжалъ изъ дому. Письма, одни письма жены моей служили сердцу моему то сладкой, по мѣрѣ надеждъ ею подаваемыхъ, то горькой, при

разныхъ неудачахъ пищей. Но читать ея письма было для меня уже блаженство. Сама натура способствовала желанію моему удалиться отъ большого свѣта; я занемогъ и принужденъ былъ съ постелей на нѣсколько день познакомиться! Сестра моя¹⁾ большая также выдержала въ то время сильную желчную горячку отъ которой едва она не умерла.— Вотъ въ чемъ проводжали мы время. Мы, за десять лѣтъ передъ тѣмъ почитавшіе Павла для себя Мессіей. Что дѣлать? Надлежало искать занятій. Я рѣшилъ самъ обучать дѣтей своихъ тому, чему меня учителя за дорожную плату и по милости родителей моихъ учили, но нѣсколько уроковъ дали мнѣ почувствовать, что я къ сему упражненію не сродненъ, ибо съ дѣтьми потребно большое терпѣнье, а я будучи горячаго сложенія не умѣлъ снисходить малѣйшимъ ихъ ошибкамъ, и такъ школа моя какъ имъ такъ и мнѣ самому обращалась больше во вредъ, нежели въ пользу. Тутъ то я узналъ ту истинну, которую мнѣ не рѣдко жена моя внушала, что я безъ службы пропадшій человѣкъ. Подлинно я не сотворенъ былъ для семейныхъ упражненій; мнѣ нуженъ былъ кругъ обширной занятій, дабы дать пищу моему дѣятельному свойству. Безъ работы я былъ мертвой человѣкъ; служба содержала меня въ безпрестанной заботѣ, а забота мѣшая задумываться объ одномъ какомъ либо предметѣ, развлекая мысли на многія, препятствовала воображенію вдаваться въ гипохондрическія размышленія. Мнѣ нужно было суетиться и дѣйствовать; отставка ввергла меня въ состояніе спокойное для другихъ по ихъ характеру, но сокрушительное для меня по расположенію моихъ чувствъ. Дѣлавши много и каждый день, вдругъ не дѣлать ничего было горестно. Я почувствовалъ всю тягость моего состоянія и сталъ желать опять службы; или хлопотъ, въ Русскомъ царствѣ; это одно и тоже. Какъ хочешь дѣлай свое дѣло, хлопотъ не миновать; они и правому и виноватому ровно достаются. При всемъ томъ мнѣ надобно было служить и жена моя, которая очень хорошо знала мои свойства, не бывъ еще свѣдома отъ меня о дѣйствіи моего уединенія, уже угадывала оное, и старалась достать мнѣ мѣсто въ Москвѣ, въ ожиданіи котораго я въ ней жилъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, слушалъ вѣсти; прогонялъ геморой лѣкарствами и съ сестрой моей замужней да съ Загоскиной, которая, проводя меня до Москвы, ежедневно посѣщала по вечерамъ, убивали время за бостономъ, сопровождая все то горькими слезами и рѣдко ожидая отъ будущихъ временъ награды за прошедшія. Но какъ состояніе мое ни было тягостно, все оно было легко противу того, въ какомъ жила жена моя въ Петербургѣ и добивалась у такого Двора справедливости одной, отъ котораго прежде тысячныя лѣтѣли посулы. Государыня²⁾, Нелидова³⁾, тогдашняя Павлова любовница, и нѣкоторыя старыя знакомыя ея, всѣ казались искали облегчить нашу участь. Что не имѣетъ ни малѣйшей непріятности для человѣка въ посредственномъ состояніи, то можетъ служить бѣдой для того, которой, чая многого, въ надеждахъ своихъ ошибается.

Таково было положеніе жены моей; ее судьба вела къ такимъ подвигамъ, которые должны были навсегда и за гробомъ ея послужить отличительной чертой великодушнаго ея характера. Наконецъ преодо-

¹⁾ Анна Михайловна. См. „Р. Б.“ 1913 г.

²⁾ Имп. Марія Феодоровна.

³⁾ Екатерина Ивановна, 1755 — 1839. См. „Р. Б.“ 1914 г.

лѣла она половину затрудненій; исканіи ея получили успѣхъ хотя не совершенной, но по положенію нашему тогдашнему весьма важной. Я взялъ паки на службу, и тѣмъ же чиномъ опредѣленъ въ Каммеръ Коллегію. Мѣсто сіе было учреждено вновь; Павелъ, не терпя всего того, что учреждала Екатерина потому что онъ никогда не могъ достигнуть до ея славы и величества, хотѣлъ восстановить все то, что существовало при его отцѣ, всѣ фавориты даже и фельдшеръ Петра III были призваны ко двору и обременены должностями. При такомъ расположеніи мыслей появились и старыя Коллегіи, въ томъ числѣ и камерная. Ему хотѣлось перенять у Петра I быть образователемъ Россіи, но послѣ Екатерины II, кажется, небо не судило уже никому въ наше время не только ее возвеличить выше прежней степени могущества и славы, ниже въ одинакомъ поддержать, въ какомъ была прежде. Въ ету Каммеръ Коллегію которой статьи писалъ кн. Куракинъ, Генераль прокуроръ тогдашній ¹⁾, президентомъ посаженъ былъ Поповъ, тотъ самый съ коимъ я служилъ у князя Долгорукаго въ статѣ, Вицъ Президентомъ былъ Васильевъ, братъ родной графа Васильева Государственнаго Казначея. Подъ ними надъ Совѣтниками и Ассесорами, было создано еще главное мѣсто, и чиновникъ оное занимать осужденный назывался присутствующій выше совѣтника. Эту ролю дали учить мнѣ; надлежало съ бѣднымъ нашимъ состояніемъ, не имѣя въ виду никакого подкрѣпленія, ниже надежды поправить оное, истратить послѣдній своей достатокъ переѣздомъ въ Петербургъ, гдѣ опредѣлялось быть Каммеръ Коллегіи; надлежало туда взять дѣтей, себя, весь домъ, и я находился еще несчастливѣе такимъ образомъ въ службѣ, нежели внѣ оной. Съ чѣмъ и какъ собраться? Чѣмъ и какъ жить въ Петербургѣ. Жена, списываясь со мной, раздѣляла мои затрудненія, чувствовала подобно какъ и я, но тѣмъ болѣе еще моего страдала, что будучи на мѣстѣ, видя ежечастныя опыты крутаго нрава Павлова, видѣла сколько тяжело будетъ и неповиноваться сему назначенію и скоро его отклонить. Что дѣлать? Надобно было рѣшиться и новую чашу слезъ проливать на своей родинѣ, ѣхать туда, гдѣ нѣкогда жизнь была непрерывное блаженство для насъ обоихъ и гдѣ нынѣ становилась она страшнѣе существованія узника. Указъ о семъ опредѣленіи моемъ данъ былъ 14-го февраля; просрочка малѣйшая дѣлалась преступленіемъ и ни чѣмъ не могла быть извиняема, и такъ я, простясь съ матерью моею, съ моими Пенатами, отправился въ путь въ мартѣ. Но все это дѣлалось въ Москвѣ, жена моя въ Питерѣ хлопотала неусыпно о переводѣ моемъ въ Москву. Государыня, нѣсколько писемъ ея, подаваемыхъ ей Нелидовой, сама Государю читала. Нелидова тронута бывъ однимъ человѣчествомъ, побуждаема нѣкоторыми монастырскими надзирательницами, въ коихъ она вѣровала какъ мусульманы въ ихъ пророка, а тѣ доброжелательствуя женѣ моею по прежней ихъ между собой связи, Нелидова, говорю, нѣсколько примѣшивала ходатайства въ пользу жены моей и наконецъ, когда вылетѣлъ изъ устъ Павла разительный вопросъ: спросите ее чегожъ она хочетъ, имѣнія или службы мужу? отвѣтствовала по отзыву жены, что она прежде проситъ о возстановленіи моей чести, о исправленіи нанесенной мнѣ обиды заключеніемъ безъ вины изъ службы, а потомъ объ имѣнни, ибо честь

¹⁾ Кн. Ал. Борисовичъ, другъ Имп. Павла. См. „Р. Б.“ 1914 г.

говорила жена моя, есть перьвое наше стяжаніе. Какой подвигъ! Какой великодушный отвѣтъ! Другой Монархъ восхитился бы имъ, другой далъ бы чинъ и имѣніе, другой бы одобрилъ бы такія благородныя чувства несчастіемъ несправедливо уничтожаемыя, но Павелъ, ярый во гнѣвъ, Павелъ ничего благороднаго не щадилъ. Ему потребны были рабы, онъ наслаждался раболѣпствомъ вельможъ своихъ, низводя сильныхъ и возводя истукановъ. Онъ привязался къ словамъ ему внушеннымъ и взялъ меня только въ службу, не опредѣля ничего больше, какъ 1500 жалованья въ годъ. Самое убогое состояніе для семьи въ Петрополѣ, гдѣ уже дороговизна превозмогла всѣ усилія бережливаго гражданина; всѣ труды, женой предпринимаемыя казались тщетными, и тѣмъ перемѣна обстоятельствъ моихъ скоро потомъ казалась удивительнѣе, что слѣдъ къ оной открылся образомъ чуднымъ и совсѣмъ неожиданнымъ.

Минута воли Божіей разбиваетъ всѣ преграды къ желаемому, какъ лучъ благотворнаго солнца прогоняетъ тучи сердитаго Неба. Отправляюсь я изъ Москвы съ однимъ Алексашей, а Павла и дочерей обѣихъ оставляю дома; со мной ѣдетъ сердобольная наша мама, никогда насъ нигдѣ не покидавшая, малое число людей и нужныя пожитки. Суеты, отнимая свободу мыслей, препятствовали подумать о пріисканіи надежнаго учителя къ дѣтямъ, да и въ той неизвѣстности въ какой мы были о родѣ нашей жизни, какого можно было искать наставника? Обстоятельства неприятыя, сгустившись предъ глазами нашими, мѣшали что либо предпринимать для себя и для дѣтей; мы жили въ туманѣ. Богъ послалъ мнѣ тогда одного только клавикорднаго мастера. Г. Пуло, не имѣвъ еще большого числа учениковъ, охотно взялся съ тѣмъ, чтобы жить у насъ въ Московскомъ домѣ, учить дѣтей моихъ старшихъ музыкѣ. Они имѣли къ ней способности, которыя послѣ успѣхи ихъ совершенно обнаружили. Природа сама призывала ихъ къ сему нѣжному упражненію, въ которомъ несчастныя такія утѣшительныя встрѣчаютъ минуты. Въ уваженіе склонности ихъ, я оставилъ ихъ въ Москвѣ у матери подлѣ прісмотромъ, а самъ бѣжалъ изъ дому родительскаго. Пріѣхавъ въ Клинь, встрѣтился съ родственниками моими, князьями Голицыными¹⁾, кои, воспрещая мнѣ ѣхать далѣе, увѣрили что я переведенъ въ Москву. Трудно мнѣ было сему повѣрить, но извѣстіе это сопровождается было отъ нихъ такими подробностями, кои не оставляли мѣста никакому сомнѣнію. Тогда все ѣхало въ Москву къ коронаціи, весь дворъ долженъ былъ скоро быть на пути. Страхъ опоздать въ Петербургъ, оставить жену мою въ невѣденіи обо мнѣ, потерпѣть недостатокъ въ лошадахъ, просрочить, быть опять выключену, а паче всего ужасъ встрѣтить Павла, все это дѣйствовало на разстроенное воображеніе мое и отнимало послѣднія силы дѣйствовать. Однако рѣшился я сутки промѣшкать въ Клину, и въ эти сутки и именно 6-го марта (я никогда подобныхъ ему дней въ жизни моей не забуду; каждой изъ нихъ дѣлаетъ въ ней эпоху) при звукѣ каждаго колокольчика у почтоваго двора бѣгалъ туда съ квартиры освѣдомляться нѣтъ ли чего ко мнѣ, или обо мнѣ проѣзжающимъ извѣстнаго. Тутъ послѣдовало со мной довольно смѣшное приключеніе: На почтовый дворъ пріѣхалъ генераль Сиверсъ; я адресовался къ нему, ни мало его не зная, съ вопросомъ: не знаетъ ли онъ чего о

¹⁾ 1-я жена князя М. И. Долгорукова, отца автора записокъ, была урожденная кн. Голицына.

моей судьбѣ? Онъ на это спросилъ меня, не соляной ли я приставъ подъ судомъ, ибо сего званія люди, отрѣшаемые отъ мѣстъ своихъ, не рѣдко по большой Петербургской дорогѣ въ Уѣздныхъ городахъ, каковъ Клинь, скитались по трактирамъ прося подаванія въ счетъ ихъ казенныхъ начетовъ. Отвѣтъ мой вывелъ Сиверса изъ сомнѣнія; онъ узналъ кто я и извинялся съ замѣшательствомъ. Все это удручало меня, подобно какъ туча передъ ясной минутой давить атмосферу. Просіяло наконецъ солнышко, озарило долго плакавшіе глаза мои и я получилъ въ Клину черезъ родственницу нашу Демидову, письмо отъ жены моей и копію съ Указа, что я пожалованъ въ дѣйствительные Статскіе Совѣтники, переведенъ въ Москву въ соляную контору и дано мнѣ въ годъ по 1875 жалованья. Вотъ какъ все это тамъ случилось.

Истошивъ все свое терпѣніе, жена моя собиралась уже ѣхать домой, ко мнѣ на встрѣчу, какъ вдругъ, за два дня до отъѣзда Государева въ Москву короноваться, пріѣхалъ къ ней отъ него генераль маіоръ и кавалеръ Данауровъ съ вопросомъ: какого мѣста она для меня хочетъ. Жена, удивясь такому странному посольству (но въ Павловы дни, что было странно?), не знала долго, что отвѣчать. Наконецъ, видя настояніе г. Данаурова отвѣтствовала, что она слыхала отъ меня, что мѣсто Оберъ Прокурора въ Сенатѣ было бы для меня лестно и пріятно. Данауровъ повезъ отвѣтъ къ Государю; жена осталась въ размышленіяхъ и между страха и надежды колебалось ея безпокойное сердце. На другой день съѣздъ былъ прощальной у двора, и жена съ прочими откланивалась двору. По окончаніи обрядовъ придворныхъ, видя, что уже отъѣзжаютъ, что по сдѣланной ей накануне присылки ничего не выходитъ, оставалось ей опять во всемъ усумниться, но вдругъ кн. Куракинъ, и тутъ охотно еще мнѣ благодѣтельствовавшій, вышедъ изъ внутреннихъ покоевъ объявилъ женѣ моей, что Павелъ, снисходя на мое желаніе, приказалъ написать Указъ о переводѣ меня въ Москву въ Соляную Контору, ибо, говорилъ онъ, оберъ прокурорскаго мѣста празднаго теперь въ Москвѣ нѣтъ, что было справедливо, а мужъ вашъ, продолжалъ онъ, получить прибавку жалованья, которое сравнится съ окладомъ просимаго имъ въ Сенатѣ мѣста и думаю, что при подписаніи Указа дастся ему чинъ; въ сихъ надеждахъ жена пріѣхала изъ дворца домой, — изъ дворца, гдѣ прежде нѣсколько лѣтъ показалось бы можетъ быть обѣимъ намъ при подобномъ случаѣ бездѣлицею то, что теперь мы должны были почитать за великое. Въ самомъ дѣлѣ, кн. Куракинъ тогда повезъ указъ обо мнѣ въ Павловское, и возвратясь оттуда въ столицу, увѣдомилъ жену записочкой своей руки, что я переведенъ въ Соляную Контору въ старшіе члены съ жалованьемъ по 1875 въ годъ и съ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника. Указъ о семъ, то есть копію съ него и подлинную записку жена отправила ко мнѣ, и все это на пути въ Питеръ получилъ я въ Клину. Могъ ли я воображать такой удачной оборотъ обстоятельствъ? При счастіи малѣйшія благопріятности рока кажутся ничего не значущими, а при безпрестанномъ несчастіи, ахъ! какъ и самая бездѣлица, которая съ успѣхомъ достается, кажется блаженствомъ! Таково было тогда положеніе мыслей моихъ и разсудка. Подобно какъ удачливой игрокъ въ карты, когда къ нему ходятъ игры пустыя, радъ и маленькому бостону, а при безпрестанной улыбкѣ фортуны и на шесть въ спорахъ принимаетъ ни за что. Получа сіе извѣстіе, я не размышлялъ о родѣ

новой моей службы, о сотовариществѣ членовъ, о свойствѣ Директора; я еще ничего не зналъ объ нихъ, останавливалъ мое воображеніе на одномъ удовольствіи жить въ Москвѣ въ родительскомъ домѣ, въ кругу старинныхъ друзей, паче всего радовался тому, что скоро увижусь съ женой, съ которой сія маловременная разлука наполнена была такими рѣзкими произшествіями; и такъ я въ Клину, раздѣля съ мамой и Алексашей, мои радости, послалъ воротить мой маленькій обозъ, за сутки до меня уѣхавшій въ Питеръ, а самъ тотчасъ поскакалъ домой. Пусть мнѣ растолкуютъ, профессоры, магистры, авскультанты, коимъ и я былъ нѣкогда, и всѣ эти школьные господа пустословы, которые все любятъ основывать на неоспоримыхъ аргументахъ; пусть изыщутъ мнѣ тайную пружину человѣческихъ капризовъ и скажутъ отъ чего Павелъ I, злобой противъ насъ разсвирѣпѣвшій, Павелъ, I, которому объ насъ жена его, фавориты и многія приближенные люди такъ часто говорили и покровительства намъ испрашивали, Павелъ I и можно сказать единственный въ своемъ родѣ, имѣя возможность за два мѣсяца прежде, однимъ словомъ тоже все въ пользу мою сдѣлать, промучилъ жену мою въ ожиданіяхъ тщетныхъ въ Петербургѣ слишкомъ два мѣсяца, и передъ отъѣздомъ своимъ короноваться, тогда какъ, уже казалось ничто не должно стовало приводить насъ ему на память, не только вспомнилъ, но послалъ генерала, какъ о самой крайней нуждѣ снестись съ женой моей о ея желаніяхъ; обременилъ самого генерала прокурора пріѣздомъ къ себѣ въ сякотъ и непогоду въ Павловское съ указомъ устроющимъ судьбу мою и засуетилъ кругъ себя людей столь чиновныхъ. Ужъли все это дѣло случая? не знаю, но думаю, что нѣтъ; думаю и самъ однако сомнѣваюсь, потому что съ другой стороны—странности человѣка названнаго Царемъ, и какое то мечтательное повышеніе одного изъ тысячъ миллионѣвъ людей каковъ я, на непримѣтномъ пунктѣ вселенной, каковъ Петербургъ, можно ли по истиннѣ все это колобродство смертныхъ приписать вседѣйствующей силѣ и волѣ Божества, управляющаго духомъ нашимъ, съ которыми подобныя мірскія превращенія ничего общаго не имѣютъ? Какъ то ни есть, я пріѣзжаю въ Москву съ чиномъ, и по милости того же Государя безъ убытку отъ пріѣзда, потому что мнимая моя служба въ Каммеръ-Коллегіи, въ которой числился я мѣсяцъ, по данному мнѣ тамъ окладу, доставила мнѣ столько жалованья, сколько издержалъ я денегъ отъ Москвы до Клина. Bravo! все въ порядкѣ. Такъ утѣшаться должно среди самага отчаянія. Не замедлила пріѣхать обратно и жена моя. О! другъ мой! сколько вздоховъ, сколько отношеній, сколько мыслей заочно каждымъ изъ насъ обдуманыхъ намъ раздѣлить надлежало! Мы увидѣли полныя глаза слезъ и сердце полное радости. Слава Богу! Мы вмѣстѣ и тамъ гдѣ быть хотѣли; насъ дворъ тѣснилъ, но мы живы, мы вмѣстѣ и все забыто; насъ Царь гонить и ненавидитъ, но Богъ еще насъ любитъ, мы вмѣстѣ и можемъ благодарить Создателя. Такъ утѣшала насъ минута свиданія; она мнѣ, я ей сообщалъ все прошедшее, и удивляясь міру, мы радовались, что еще не хуже что либо съ нами послѣдовало.

Жена моя одарена была Императрицей прямо по царски; она ей пожаловала на дорогу пять сотъ рублей и пенсіона ежегоднаго по триста рублей. Какая огромная монаршая щедрота. Рядомъ съ женой моей въ списокъ пенсіоновъ, стояло имя генеральши де Балмень. Ея мужъ былъ Генералъ губернаторъ и думаю давалъ секретарямъ своимъ въ именины

ихъ по столько, не чая, что по смерти его жена будетъ весьма счастлива, что столько же ей назначится изъ кошелька Императрицы. Какъ послѣ этого дивиться, что жена дѣйствительнаго статскаго совѣтника не больше помѣщена въ одинъ и тотъ же списокъ. О! какъ вы счастливы, Цари! что вы, или отъ недосуговъ, или отъ нѣги ничего не читаете, что до васъ не достигаютъ молвы о васъ тысячи народовъ, что глазамъ вашимъ подносятъ только розы, а подъ носъ курятъ разными стихотворными благовопіями! Есть ли бы ты могла прочесть когда нибудь ету страницу Августѣйшая Монархиня. Есть ли бѣ ты увидѣла въ ней хотя на единѣ сама съ собой въ своемъ великолѣпномъ чертогѣ, что бѣдная княгиня Долгорукая, тобой изъ нищеты на то только выведенная, чтобы приучась къ роскоши и всѣмъ ея очарованіямъ впасть въ вящее убожество и понести всю тягость суровой необходимости: бѣдная княгиня Долгорукая, пресыщенная у Двора ласковостію и высокими надеждами, получивъ отъ тебя пенсіону въ годъ триста рублей, при всей бѣдности ея отдавала ихъ каждагодно на содержаніе бѣднѣйшаго брата мужа ея (моему брату Григорію Богданову) ¹⁾, несчастному своей породой, законами пренебреженной. Естлибѣ ты это увидѣла и прочла такую истину, которая одна составляетъ цѣлой панегирикъ безподобной етой княгини Долгорукой, жены моей, съ какимъ бы уничиженіемъ ты устремила взоръ свой на себя! во всѣхъ безконечныхъ зеркалахъ твоихъ отразился бы румянецъ стыда и краска совѣсти обличительной, и кошелькъ твой, етотъ кошелькъ, изъ котораго не щедрота прямая, не сердоболіе, но гордость и тщеславіе червонныя въ народъ бросаютъ, показался бы тебѣ страшными обвиненіями предъ престоломъ Всемогушаго, потрясающаго когда хочеть всѣ ваши подмостки и балдахины, подъ коими кажете вы народу надменное чело.

По прибытіи моемъ въ Москву, скоро присланъ былъ указъ о переводѣ моемъ и отъ Сената мнѣ объявленъ. Къ присягѣ приводили меня марта 13-го въ Синодальной церкви; скоро потомъ открывается Соляная Контора; нужно молвить нѣчто и о ней. Директоромъ ея опредѣленъ былъ нѣкто г. Нелидовъ Василій Ивановичъ, дѣйствительный статской совѣтникъ, бывший предъ симъ Оберъ прокуроромъ въ Межевомъ Департаментѣ ²⁾. Кажется нѣтъ никакой связи между тѣмъ и другимъ мѣстомъ, но Нелидовъ до употребленія его въ Сенатъ былъ нѣсколько лѣтъ при соляныхъ и винныхъ дѣлахъ подъ генераль прокуроромъ когда всѣ сии части управлялись однимъ и тѣмъ же лицомъ. Ему извѣстны были и Саратовскія соляныя источники, потому что онъ для осмотра ихъ посланъ былъ Екатериной. Я съ нимъ мало былъ знакомъ, однако же по службѣ другъ друга нѣсколько знали. При Павлѣ нельзя было никакимъ дѣломъ долго мѣшкать, надлежало всякое свернуть, какъ говорятъ, кругъ пальца, и Соляная Контора открыла свои засѣданія при одномъ Нелидовѣ, мнѣ и князѣ Волконскомъ; прочихъ членовъ еще никого не было; даже и канцелярія была не устроена, и мы сами перьвой журналъ составили на черно, и переписалъ его Цвѣтаевъ ³⁾, служившій всегда при мнѣ, питомецъ Академіи, и которой былъ взятъ въ Контору въ число положенныхъ у

¹⁾ Побочный сынъ его отца, см. Р. Б. 1914. VI.

²⁾ 1715—1810. См. „Капище“ т. е. соч. кн. Долгорукова подъ назв. „Капище моего сердца“.

³⁾ Цвѣтаевъ, Алексѣй Алексѣевичъ. См. „Капище“.

нее камергеровъ (штабъ офицерскаго достоинства). Вотъ въ какой бѣдности рождалась или лучше сказать возобновлялась Контора Соляная. Прежняя бывала въ Москвѣ, а потому и нынѣ, не соображая далѣе нужно ли ей тутъ быть, или въ иномъ мѣстѣ, она расположена была въ Москвѣ. Прежнія ея директоры имѣли нѣкоторые особенныя права, но когда Нелидовъ употребилъ ходатайство о томъ, чтобъ и онъ ихъ же имѣлъ, то правительствомъ сіе было ему отказано, онъ управлять нами долженъ былъ по регламенту общему. Я не стану здѣсь подробно описывать въ чемъ состояли наши упражненія или обязанности; кромѣ того что сей предметъ не принадлежитъ къ частной моей исторіи, трудно бы было мнѣ и то и другое привести въ нѣкоторой исторической порядокъ, ибо съ самаго начала конторы, до самаго ея разрушенія, едва зналъ ли кто изъ составлявшихъ ее, на что она. Какая отъ нее быть можетъ польза? Какія суть ея основанія, отвѣтственности, преимущества, права надъ другими? Степень равенства съ губерніями и казенными палатами? Все это было спутано, смѣшано, словомъ все походило на царя тогдашняго времени. При первомъ моемъ свиданіи съ Нелидовымъ, которымъ былъ я очень обласканъ, увидѣлъ я изъ разговоровъ его, что вся дѣятельность конторы состоятъ должна будетъ въ томъ, чтобъ какъ нибудь проводить время, не портить ничего стараго, не вводить ничего новаго и дожидаться, не будетъ ли какой иной основы всему етому дѣлу; всякой день поспѣвали новыя учрежденія, новыя статьи и мѣста. Блины въ печи право не такъ скоро дуются какъ кипѣли Россійскія узаконенія, на жаркомъ очагѣ тогдашнихъ подражателей царской опрометчивости. И такъ я началъ мѣдъ тянуть, т. е. ѣздилъ каждое утро въ Контору и съ осьми часовъ утра до второго глядѣлъ въ стеклянныя двери скоро ли будетъ Директоръ, и когда онъ пріѣзживалъ садился на свой стулъ и о произшествіяхъ повсемѣстныхъ съ нимъ бесѣдовалъ. Вотъ чѣмъ началась служба моя въ Конторѣ. Мало по малу стала наполняться она народомъ; всякой ищетъ хлѣба, жалованье было большое; изъ прежнихъ дрянныхъ покоевъ, перевели насъ въ прекрасныя чертоги, приблизили къ сенату. Тутъ пошли у насъ затѣи: большія зеркала, портреты царскія, часы съ органами, чтобъ не такъ скучно было ихъ считать ходя по залѣ. Начали мы жить великолѣпно и дѣла стали къ намъ поступать отовсюда. Скоро бумагъ было такъ много, что ужъ не знали куда съ ними дѣваться. Нарядный швейцаръ отворялъ и затворялъ за нами двери, словомъ контора бросила пыль въ глаза многимъ; раздѣлились дѣла по экспедиціямъ. Я былъ начальникомъ той, въ которой вѣдались всѣ запасы и приготовленія соли; хотя я мало занимался дѣломъ своимъ, потому что почиталъ его временнымъ и неосновательнымъ, однакоже ежедневно маленькое упражненіе въ ономъ познакомило меня съ соляной частью въ Государствѣ; и я объ ней нѣкоторые получилъ познанія, кои никогда не сочту для себя лишними, ибо въ Россіи, гдѣ всякой попадаетъ въ родъ службы не по выбору своему, а часто и самъ не знаетъ какой, должно все знать по маленьку. Канцелярской обрядъ былъ отданъ Пояркову, который какъ за нимъ, такъ изъ подъ руки смотрѣлъ и за всѣми нами. Нелидовъ имѣлъ къ нему полную довѣренность, онъ былъ секретаремъ Сената, судите, могъ ли онъ чего нибудь не знать? Эти люди всему были горазды, такъ объ нихъ думали по крайней мѣрѣ всѣ, онъ правилъ и чинами и дѣлами въ конторѣ: писалъ онъ по старинному, но Нелидовъ и самъ не

имѣлъ познанія о чистомъ слогѣ. Поярковъ зналъ наизусть всѣ приказные мѣлочи, и за его трудами остальная наша братья могла наслаждаться праздностью, выписки сочиняли секретари, а разжевывалъ ихъ Поярковъ; Нелидовъ апробовалъ, а мы подписывали. Такъ дѣлалось наше дѣло въ конторѣ; членовъ было насъ всѣхъ восемь человѣкъ, по статусу семь; а имянно: Директоръ, Волконской, Поярковъ, К. Херіулидзе въ изъ грузинъ, Измаиловъ, Колычевъ и Нелидовъ же; а я былъ сверхъ статуса, на особомъ жалованьи. Дѣловыми между всѣми нами почестъ было можно только Пояркова и Колычева, а прочія сидѣли для формы и наполняли пустыя мѣста.

Довольно говорить о конторѣ, пора вспомнить Солтыкова¹⁾; мы его оставили въ его Пензенской деревнѣ; вскорѣ послѣ меня и онъ поѣхалъ въ Москву. Привязанность его къ намъ не завися ни отъ какихъ случаевъ, всегда одинаково продолжалась. Вздумалось и ему искать службы; въ счастливой часъ онъ видно пожелалъ этого, ибо съ успѣхомъ крайнимъ вступилъ въ оную. Сперва взяли его въ Воспитательной домъ, и тотчасъ послѣ меня пожаловали въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники. Онъ назывался почетнымъ опекуномъ и служилъ безъ жалованья, какъ и прочія ему подобныя, но скоро воспитательные дома ставъ подъ непосредственнымъ начальствомъ Императрицы Маріи Федоровны, такъ какъ и многія другія подобныя богоугодныя заведѣнія, большое снискали предъ прочими мѣстами преимущества. На нихъ пролились рѣки щедротъ Монаршихъ; всѣ туда просились, искали и словомъ въ Россіи тѣ только начинали быть сыновнею счастіемъ, кои хотя слегка но принадлежали къ заведеніямъ самой Императрицей управляемымъ. Солтыковъ завелся въ Москвѣ домомъ и перевезъ туда все свое хозяйство. Свиданья наши были ежедневны; онъ сообщалъ мнѣ съ уважительнымъ видомъ свои ничтожныя упражненія, а я и самыя важныя наши передавалъ ему, какъ бездѣлки; въ свойствахъ нашихъ всегда была противоположность, она мѣшала намъ быть друзьями, но мы часто видались безъ отягощенія.

Коронація Павлова должна была быть въ Свѣтлое Воскресенье 5-го апрѣля. Такъ придумалъ онъ въ своемъ суевѣрномъ воображеніи; онъ хотѣлъ, чтобы Христовы обстоятельства были оригиналомъ его намѣреній, и для того пригналъ въѣздъ свой въ столицу въ Лазареву субботу. Дворъ прибылъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, и остановился въ Петровскомъ дворцѣ. Тутъ въ Благовѣщеневъ день данъ былъ вечерній куртагъ, на которомъ и я удостоился представиться Его Величеству со страхомъ и трепетомъ, принося благодарность за чинъ и мѣсто, сталъ я на колѣни и приложился къ рукѣ. Ни на одномъ лицѣ не видно было тѣни удовольствія, всѣ казались наканунѣ гибели, или представленія свѣта. Дворъ былъ ужасенъ; тѣни мрачнаго зрака Павлова покрывали темныя лица придворныхъ вельможъ его окружавшихъ; не было барина, ни простолюдина, который бы улыбался. Какое славное вступленіе на тронъ. Въ Благовѣщеневъ день вся Москва была въ Петровскомъ; дорога прескверная и вся взломанная дабы быть лучшей, но безъ успѣха, предваряла тотъ ужасъ, которымъ всходя въ чертоги объять былъ каждой; возвращаясь оттуда ночью боязливыя люди въ томъ числѣ и я пѣшкомъ менѣе страдали отъ страха ночнаго, нежели отъ взоровъ Павловыхъ. Въ

¹⁾ Александръ Васильевичъ, пензенскій помѣщикъ, почетный опекунъ. † 1803. См. „Капище“.

Лазареву субботу церемоніально вошелъ Павелъ въ Москву, древнюю столицу предковъ его. Походъ его начался рано; онъ ѣхалъ верхомъ; будучи до церемоніевъ охотникъ, онъ такъ расположилъ его, что не было времени никому ни для обѣда, ни для роздыха полуденнаго; по чинамъ наряжены были всѣ въ разные соборы. Я испытывалъ силу стужи въ восемь часовъ утра въ Успенскомъ Соборѣ; тутъ былъ и Синодъ весь въ собраніи. По пріѣздѣ Павла въ Кремль около двухъ часовъ, онъ противъ цейхауза завелъ свою гвардію и поучилъ ее съ полчаса. Послѣ вошелъ въ Соборъ, гдѣ были мощи, тамъ прикладывался къ нимъ, гдѣ нашелъ гробы царей, тамъ имъ поклонялся. Съ неутомимостію безпримѣрною, онъ послѣ всѣхъ сихъ обрядовъ сѣлъ опять на лошадь и поѣхалъ тѣмъ же церемоніальнымъ порядкомъ въ Слободской Дворецъ. Туда прибылъ къ ночи и тотчасъ началась всенощная съ вербами. О! какъ я счастливъ былъ, что чинъ мой не достаивалъ меня чести принять такую великолѣпную муку! Изъ Собора мы въ возможности были разѣхаться по домамъ нашимъ; обязанность сей встрѣчи кончилась и я пріѣхавши домой отогрѣвался сутки цѣлыя отъ стужи, которая во всѣ кости мои проникла. Никогда я такъ хорошо и подробно не осмотрѣлъ древностей Кремлевскихъ и красотъ нашихъ соборовъ, какъ въ тотъ день, и думаю что долго ихъ не забуду, потому что случай къ тому представшій былъ достопамятенъ. Страстная недѣля въ Грановитой палатѣ проходила въ репетиціяхъ коронаціонныхъ обрядовъ. Самъ Павелъ училъ назначенныхъ генераловъ всѣмъ приемамъ и казалось что онъ директоръ только театра, которой приготовляетъ новую комедію, — подлинно коронація его была трагедія для всего народа. О! время! какъ ты мѣняешься, ты насъ перемѣняешь, а обстоятельства самага тебя. Бывало цари въ той же Грановитой палатѣ бесѣдовали съ старѣйшинами о пользахъ своего народа; допускали къ себѣ несчастныхъ и правосудіе ихъ сопряженное съ милосердіемъ уменьшало число ихъ; нынѣ напротивъ Императоръ Павелъ подъ балдахиномъ размѣрлялъ ширину шаговъ своихъ, чтобы не отставать отъ первой дрезки къ которой самъ онъ, самъ не постыдился на одной изъ репетицій сказать, что ему надобно равняться. Етотъ анекдотъ всѣ знаютъ и до сихъ поръ въ молодой компаніи, за рюмкою вина, съ хорошими дѣвушками юныя соотчичи рассказываютъ его въ кучѣ прочихъ смѣшныхъ того времени повѣстей.

Наконецъ, въ Свѣтлое Воскресенье съ зарей вмѣстѣ все стало приходить въ движеніе. Войска, Гражданство, Духовенство и Царская палата, все толпилось внутри кремлевскихъ стѣнъ. Тутъ, гдѣ нѣкогда Пожарской поражалъ поляковъ, тутъ изнѣженные Россіяне спѣшили собираться подъ значки церемоніймейстеровъ. День былъ прекрасной, но холоденъ; воздухъ равнялся съ лицомъ Павловымъ, такъ какъ онъ съ древкой балдахина. Въ числѣ нарядныхъ куколъ собранныхъ въ какую то сырую кладовую, подъ именемъ золотой палаты, дожидался и я повѣски пройтись шагомъ по широкой соборной площади! Оставатся въ Соборѣ позволено было нѣкоторымъ чинамъ но не всѣмъ; начальники мѣстъ пользовались симъ правомъ, а члены оныхъ только проходили на сквозь и наслаждались прохладой сквозного вѣтра на морозѣ. Странно расположено было и ето. Въ иныхъ мѣстахъ президенты были полковники и оставались свидѣтелями коронованія внутри собора, а другихъ и четвертаго класса чиновники толпились на открытомъ воздухѣ. Но цере-

монія вообще сказать была великолѣпна и сообразна торжеству; учреждалъ ее г. Валуевъ ¹⁾, онъ истощилъ при семъ случаѣ всю дѣятельность своего разума, такъ какъ кн. Тюфякинъ ²⁾ нѣсколько ночей употребилъ на то, чтобы выдумать лучшаго фасона стаканчики, для освѣщенія городскихъ стѣнъ, башенъ и всего Кремля. Все было прекрасно, величаво, восхитительно. Во время обѣдни Генераль Прокуроръ и знатнѣйшій баринъ кн. Алексѣй Борисовичъ Куракинъ ³⁾, вышелъ изъ Собора будто для того, чтобъ взглянуть на парадъ воинства и амфитеатръ зрителей, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобъ и тому и другому показать въ себѣ новую подпору трона и могущества его. Сей князь удостоилъ меня своей бесѣды; тутъ онъ мнѣ упрекалъ, для чего я не пошелъ служить въ Петербургъ и показалъ мнѣ мгновенное участіе въ судьбѣ моей. Я на лету ловилъ слова его; они нѣсколько согрѣвали душу мою, но тѣло, тѣло, которое политики не разумѣтъ, дрожало отъ сильнаго сѣвернаго вѣтра. Вдругъ пушечный громъ сопровождается ружейными выстрѣлами возвѣстилъ намъ земного Царя, и такъ совершилось муропомазаніе, вѣнчаніе на престолъ Павла, Павла возобновившаго скоро всѣ ужасы царства Анны Іоанновны. О! какъ душа моя тяжело вздохнула! слезы не могли открыть себѣ пути, потому что прямо стесненное сердце рѣдко имѣетъ способность разтворять ихъ источники. Нѣтъ, я не заплакалъ, но я сильно почувствовалъ важность етой минуты, приговоръ Боговъ, судьбы, натуры, нѣмое признаніе цѣлаго народа, повинновенное колѣно-преклоненіе предъ однимъ человѣкомъ многихъ миллионъ людей; важная минута! Быть ей свидѣтелемъ есть дѣйствіе необыкновенное. Кто не испыталъ ее, тотъ чувствовать не можетъ. У Павла въ это время голова шла кругомъ; онъ прочелъ въ слухъ всему Собору наслѣдственный актъ фамиліи своей, сочиненный имъ при шествиі въ походъ подъ Шведа. Сей актъ былъ положенъ въ Соборѣ въ особое хранилище; потомъ цѣлую недѣлю были праздники и торжества до самаго Фомина понедѣльника; ежедневныя были аудіенціи по вечерамъ и прогулки утреннія подъ балдахиномъ въ разныя монастыри, съ крестными ходами, которые по древнему обряду въ Москвѣ во всю святую недѣлю дѣлаются. Казалось, что балдахинъ приросъ къ Его Величеству, онъ не могъ безъ него обойтись, далматикъ не сходилъ съ плечъ его; онъ не почиталъ себя царемъ, когда его на немъ не было. Вотъ что дѣлаетъ принужденіе. Когда бы Екатерина не тѣснила его во все время жизни своей съ такимъ упорствомъ, можетъ быть онъ бы и не влюблялся ни въ балдахинъ ни въ золотой стихарь, но для него отъ важныхъ предмѣтовъ до самыхъ низкихъ въ званіи царя все было ново. Онъ былъ на тронѣ есть ли можно такъ сказать подобіе Мольерова: *bourgeois gentilhomme*. Всѣхъ раньше въ етотъ день всталъ онъ; иной подумаетъ что онъ занятъ былъ священными обязанностями новаго своего сана, что онъ готовился умножить счастье подданныхъ, оправдать выборъ Божій, дать ему отчетъ въ каждомъ шагѣ, поступкѣ и мысли своей на тронѣ, что онъ размышлялъ о пространствѣ царской должности все объемлющей на такой широкой полосѣ свѣта какъ Россія; о тягости креста ко-

¹⁾ Петръ Степановичъ, начальникъ Оружейной палаты, 1743 — 1814.

²⁾ Иванъ Петровичъ, камергеръ, капитанъ Кремлевскаго и Слободскаго дворцовъ.

³⁾ Канцлеръ Имп. орденовъ, въ послѣдствіи Мин. Вн. Д. 1759 — 1829.

торой судьба на него налегала, словомъ, о многомъ, о многомъ тому подобномъ. Ничего не бывало. О! философы! нравоучители! ораторы! какъ вы ошиблись, какъ вы увеличиваете тягости нашихъ должностей! Какъ вы ихъ умножаете! Павелъ гораздо натуральнѣе всегда дѣйствовалъ; онъ всталъ чѣмъ свѣтъ и любя больше всего въ мірѣ солдатскія тѣлодвиженія, онъ самъ разводилъ гренадеръ своихъ на часы и училъ ихъ дѣлать себѣ по темпамъ на караулъ, когда онъ мимо ихъ станеть прохаживаться подъ балдахиномъ и въ далматикѣ. Что ваше царство? ваши безконечныя обязанности, судъ, милость, истина, законъ? Все пустое! То ли дѣло часовой, которой отрывисто бросаетъ съ руки на руку ружье? вотъ слава прямая и сіяніе вѣнца. О! далматикъ! О! балдахинъ! святые регалии набожнаго царя! вы въ эти дни глубоко врѣзались въ сердце Павлово.

Всѣхъ милостей, кои тогда пролиты были съ трона на достойныхъ и не достойныхъ вмѣстѣ описать не возможно. Коронація ея сопровождала была такими щедротами, какихъ еще не бывало въ Россіи. Дворцовыхъ деревень роздано было тогда тысячъ до ста душъ. Большіе бояра видя такой хорошій случай Россію дѣлать какъ быка, Безбородки, Куракины и многія другія знатныя приобрѣли имѣнія, однимъ намъ судьба не назначила быть облагодѣтельствованнымъ Павловыми дарами. Мать моя писала письмо къ Государю; жена съ своей стороны также. Первая просила нѣкотораго вознагражденія конфискованному нашему имѣнію при Императрицѣ Аннѣ, которое никогда съ тѣхъ поръ не возвращалось въ домъ нашъ; другая просила обѣщанныхъ ей наградъ, и не смотря на то, что письмо ея посредствомъ Нелидовой должно было дойти до Государя, оно не только не было ему показано, но даже къ умноженію прискорбія собственно нашего, братъ двоюродной Нелидовой, мальчикъ Аркадій ¹⁾, бывшій тогда Генераль Адъютантомъ, и тотъ не отвѣчалъ женѣ моей ни слова, и оставилъ насъ въ безвѣстности о письмѣ ея, чрезъ него посланномъ къ знаменитой сестрицѣ его. Сколько надлежало вытерпѣть подобныхъ неудовольствій! Изъ нихъ только одно избѣгаемо было то, что подобныя письма не вносились по крайней мѣрѣ въ газетахъ. Слабая отрада для тѣхъ, которымъ отказали. У Павла былъ обычай заведенъ выставять ящикъ къ воротамъ его дворца, въ которой жалующіеся кидали свои пакеты; Секретарь потомъ вынималъ ихъ, подавалъ, и потомъ по газетамъ объявлялъ резолюціи, которыя по большей части состояли въ отказахъ, съ присовокупленіемъ посылки тѣхъ наддранныхъ прошеній къ челобитчикамъ съ полученіемъ отъ нихъ на почтѣ вѣсовыхъ денегъ, кои никогда въ недоимкѣ не оставались. Тутъ часто находили и пренесносныя пасквили. О чинахъ и говорить нѣтъ нужды; они раздавались еще изобильнѣе денегъ и душъ, вопреки всегдашнему мнѣнію Наслѣдника, которой не почиталъ и того хорошимъ, что Гвардія такъ скоро повышается была при Екатеринѣ. Сынъ ея сдѣлавшись Императоромъ надѣлалъ столько генераловъ, что при матери его вѣрно во всей Гвардіи было менѣе малолѣтнихъ унтеръ-офицеровъ. Москва всѣмъ етимъ восхищалась; всѣ дворы были на перерывъ иллюминованы. Мы, сидя дома въ темныхъ нашихъ покояхъ питались скукой и уныніемъ. Говорятъ, что добродѣтель хороша; часто приходило намъ

¹⁾ Впосл. сенаторъ, ум. 1834 г.

на мысль, что она всего хуже въ свѣтѣ. Имѣть милую жену, большую семью, не находить себя передъ отечествомъ ни въ чемъ виновнымъ и видѣть, какъ не только праздные люди, но даже и злодѣи растутъ въ чести и славѣ, пресыщаются изобиліемъ во всемъ, тогда какъ ты уничтожаешься ежедневно, да и роптать въ слухъ о томъ не смѣешь, боясь вѣящихъ напастей, что несносно: потребенъ великой духъ къ перенесенію подобной тягости. Скуку нашу тогда дѣлила пензенская заѣзжая барыня г-жа Миклашевичева ¹⁾ и теща моя пріѣхавшая въ Москву съ большими также надеждами и съ малыми успѣхами возвратившаяся, ибо отказы скоро послѣ коронаціи послѣдовавшія многимъ, нашли и ее посреди хижинъ нашихъ. Она провела съ нами всю Святую недѣлю. Павелъ покуралесившій въ столицѣ мѣсяцъ, отправился въ Питеръ мая 3-го числа, послѣ многихъ аудіенцій, маскарадовъ и въ Грановитой палатѣ и въ Слободскомъ его дворцѣ, которой онъ назвалъ купя себѣ домъ князя Безбородко и думаю, что не за безцѣнокъ. По отъѣздѣ Двора, въ слѣдствіе церемоніальныхъ распоряженій, трауръ не надѣвался и забавы всѣ были открыты. Начались опять театры и балы; тогда Москвой правилъ кн. Юрій Владимировичъ Долгорукой въ званіи военнаго губернатора ²⁾.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Варвара Семеновна, жена пенз. прокурора, см. „Капище“.

²⁾ См. „Капище“. 1740 — 1830.

БИБЛЮГРАФІЯ.

I.

Переписка Николая Владиміровича Станкевича. 1830—1840. Редакція и изданіе Алексѣя Станкевича. М. 1914.

Наконецъ вышла въ свѣтъ давно жданная переписка Н. В. Станкевича, которая, по словамъ Н. П. Сидорова, „остается для насъ поистинѣ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ: она позволяетъ намъ подслушать подлинный тембръ его голоса, вжиться въ переливы его чувствъ и завѣтныхъ думъ, отозваться на всѣ многозвучныя струны его души; книга писемъ Станкевича въ своей неприкрашенной правдѣ сама по себѣ есть чудная поэма о благородномъ русскомъ идеалистѣ, безвременно взятомъ могилой“.

Въ 1857 году она была издана П. В. Анненковымъ, который на основаніи ея написалъ очень обстоятельный біографическій очеркъ Н. В. Станкевича. Но въполнѣ издать переписку послѣдняго въ то время было невозможно: были еще живы многія лица, которые тамъ упоминались, имена нѣкоторыхъ, какъ М. А. Бакунина, были подъ запретомъ. Ввиду этого приходилось многое не печатать и благодаря этому передѣлывать въ нѣкоторыхъ случаяхъ текстъ писемъ, примѣняясь къ обстоятельствамъ, иначе, благодаря пропускамъ, кое-что могло быть непонятнымъ.

Но иногда эти поправки въ свою очередь не совсѣмъ понятны. Такъ напр. въ письмѣ къ Я. М. Невѣрову отъ 11 октября 1837 г. въ изданіи Анненкова читаемъ: „Мы видѣли поклоненіе чувственности—и въ гадкомъ видѣ“, въ новомъ же изданіи: „Мы поклонялись чувственности—и въ гадкомъ видѣ“. Въ отрывкѣ изъ дневника: „Прага. Zum grünen Ochsen, ^{12/24} сентября...“: „Вчера дождь, сегодня холодъ и какая-то непріятная сизость въ воздухѣ“ (стр. 752) слово „сизость“ замѣнено у Анненкова словомъ „сырость“ (стр. 217). Хотя бы издатель и былъ убѣжденъ, что здѣсь описка автора дневника, но всетаки слѣдовало оговорить эту поправку. Въ иныхъ случаяхъ, повидимому, дѣйствовали цензурныя соображенія. Такъ въ отрывкѣ изъ дневника: „Брюссель 1 сентября 1838 г.“ читаемъ: „Спутники молчали. Одинъ изъ нихъ былъ попъ; отъ его рясы или шапки воняло, какъ отъ Богъ знаетъ чего“ (стр. 760); въ изданіи Анненкова вмѣсто слова „попъ“ находимъ „фратре“ (стр. 279).

Въ новомъ изданіи переписка является, конечно, въ возможно полномъ видѣ, составляя солидный томъ почти въ 800 стр. Не говоря уже

о томъ, что восполнены всѣ эти пропуски изданія Анненкова, кромѣ того включено много писемъ, ранѣе совсѣмъ ненапечатанныхъ. Такъ находимъ здѣсь письма къ отцу, матери и дядѣ, затѣмъ къ братьямъ и сестрамъ, занимающія слишкомъ 200 страницъ, хотя, конечно, по своему содержанію они не могутъ соперничать съ его письмами къ друзьямъ. Затѣмъ, что особенно слѣдуетъ отмѣтить, увидѣли свѣтъ его письма къ Бакунинымъ, Александру Михайловичу, Любови Александровнѣ и Мишелю, которыя проливаютъ такой яркій свѣтъ на его романъ съ Л. А. Бакуниной и о важности которыхъ поэтому говорить не приходится. Увидѣли свѣтъ и его письма къ В. А. Дьяковой (урожд. Бакуниной), дружба и любовь которой озарили такими нѣжными лучами закатъ дней Станкевича.

Не перечисляя всего, что теперь напечатано вновь, отмѣчу, что несомнѣнно нѣкоторыя письма до насъ не сохранились. Такъ напримѣръ недостаетъ письма къ брату Ивану Владимировичу, о которомъ онъ упоминаетъ въ письмѣ къ Бѣлинскому отъ 30 мая 1836 г. изъ Пятигорска и въ которомъ онъ описывалъ неблагопріятное впечатлѣніе, какое произвелъ на него Кавказъ. Вѣроятно, не сохранилось также письмо къ Л. А. Бакуниной отъ 11 февраля 1837 г., въ которомъ онъ писалъ ей въ первый разъ о смерти Пушкина. Въ указанное число онъ писалъ Невѣрову „Въ жизни я легкомысленнѣе, поверхностнѣе тебя милый Януарій, и потому смерть Пушкина не сдѣлала переворота въ состояніи души моей, но она глубоко поразила меня въ первыя минуты и потомъ оставила во мнѣ какую-то неопредѣленную грусть. Я писалъ объ этомъ къ Л.“ (т. е. къ Люб. Ал. Бакуниной). Вотъ это письмо и не сохранилось, но есть другое письмо къ означенному лицу, въ которомъ Станкевичъ также пишетъ по поводу смерти Пушкина, но это письмо относится уже къ 22 февраля 1837 г.

Одно письмо въ настоящемъ изданіи датировано ошибочно. Эта ошибка, впрочемъ, происходитъ отъ описки самого Станкевича. Это письмо къ А. М. Бакунину отъ 9 марта 1837 г.; „марта“ ошибка, вмѣсто „апрѣля“, и вотъ почему. „Сію минуту получилъ я Ваше письмо отъ 5-го апрѣля, пишетъ Станкевичъ Александру Михайловичу, и спѣшу отвѣтить“. Редакторъ изданія думаетъ, что „здѣсь описка вмѣсто: марта“. Я же думаю, что описка въ первомъ случаѣ, а не второмъ. Основанія для этого слѣдующія. Сохранилось письмо Станкевича къ А. М. Бакунину отъ 30 марта 1837 г., гдѣ онъ, прося у А. М. руки его дочери Любови Александровны, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ о своей болѣзни и о необходимости „покинуть Россію на нѣсколько мѣсяцевъ“. По всему характеру письма видно, что это сообщалось въ первый разъ. Между тѣмъ въ письмѣ, датированномъ 9 марта 1837, Станкевичъ пишетъ А. М. по поводу тѣхъ намековъ, которые сдѣлалъ А. М. въ своемъ письмѣ къ Н. В. Наеки эти касались пріятелей, желающихъ прокатиться за границу на счетъ Н. В. Станкевича, и имѣли въ виду Мишеля. Ясно, что это письмо, хоть оно и датировано болѣе раннимъ числомъ, было писано позднѣе перваго письма, т. е. послѣ 30 марта. А затѣмъ есть и другія данныя, свидѣтельствующія, что Станкевичъ писалъ А. М. Бакунину именно около 9-го апрѣля. „Я долго не отвѣчалъ на Ваше письмо“, пишетъ онъ Л. А. Бакуниной 12 апрѣля 1837 г. „Въ субботу, когда я писалъ къ папенькѣ Вашему и Мишѣ, я бѣ ни за что не сталъ писать къ Вамъ“. Суббота, которая упоминается въ данномъ письмѣ, приходится на 10-е апрѣля. Вполнѣ возможно, что Станкевичъ началъ свое письмо въ пятницу 9 апрѣля и

закончилъ въ субботу 10-го, когда и отправилъ его. Вотъ почему онъ въ письмѣ къ Л. А. и сказалъ, что писалъ къ ея отцу въ субботу. Такимъ образомъ несомнѣнно, что письмо относится къ 9-му апрѣля 1837 г., и что описка Станкевичемъ сдѣлана въ первомъ случаѣ, а не во второмъ.

Жаль, конечно, что письма расположены не въ строго хронологическомъ порядкѣ, а сначала распределены на группы по лицамъ, къ которымъ они адресованы. Но такъ какъ это обстоятельство, насколько мнѣ извѣстно, объясняется желаніемъ издателя ускорить выходъ въ свѣтъ книги, печатаніе которой пришлось бы отложить, пока всѣ письма не будутъ скопированы, то свое сожалѣніе я высказываю не въ смыслѣ упрека издателю, а просто изъ желанія выяснить мой взглядъ на дѣло.

Н. Кашинъ.

2.

С. Москаленко-Судіенко. Новое о „Демонѣ“ и „Бояринѣ Оршѣ“. Съ приложеніемъ: 1) Поэмы Лермонтова „Демонъ“ въ очищенномъ отъ поддѣльныхъ стиховъ и другихъ недостатковъ видѣ, 2) поэмы „Бояринѣ Орша“ и 3) этюда „Татьяна“ Пушкина. К-во „Современная Проблема“. М. 1915 г. 184 стр. Ц. 50 к.

Г. Москаленко-Судіенко нашелъ общую основную тему „Демона“ и „Боярина Орши“ — это попытка рѣшить вопросъ о смерти отъ психическихъ причинъ, менѣе обыкновенной, нежели смерть чисто физическая, и потому мало изслѣдованной и изученной. По мнѣнію г. Москаленко-Судіенка, Лермонтовъ въ „Демонѣ“ далъ ключъ къ пониманію одной половины этой смертной проблемы: его героиня, Тамара, обрываетъ свою жизнь, не справившись съ нахлынувшими на нее внезапными и чрезмѣрными пріятными потрясеніями. Дочь же боярина Орши гибнетъ подъ тяжестью противоположныхъ душевныхъ воспріятій, обусловленныхъ горемъ, стыдомъ и страхомъ. Это часть „новизны“, предлагаемой г. Судіенкомъ. Далѣе онъ обращаетъ свое вниманіе на внѣшнюю структуру „Демона“, находя, что поэму необходимо раздѣлить на части, съ прологомъ и эпилогомъ, каковыя соображенія, впрочемъ, уже высказаны были однимъ изъ редакторовъ и комментаторовъ лермонтовскаго текста — профессоромъ Висковатовымъ. Сужденія г. Москаленко-Судіенка о переживаніяхъ лермонтовскихъ типовъ не лишены значительной доли субъективности и даже смѣлости вывода. Ознакомиться съ ними далеко не лишне, но держать въ рукахъ книжку, какую-то шаршавую на ощупь и отпечатанную сбитымъ тусклымъ шрифтомъ, прямо-таки непріятно: испытываешь невольную брезгливость. Это тѣмъ болѣе странно, что вообще книгоиздательство „Современныя проблемы“ давало прежде достаточно чистенькія и опрятныя изданія, не въ примѣръ настоящему.

В. Анд-ъ.

3.

Матеріалы къ родословію и семейной хроникѣ Чернопятыхъ. XVI—XX. Собралъ Викторъ Чернопятыхъ. М. 1914 г. 4^о, 433 стр. Отпечатано тридцать экз. для родныхъ и друзей.

Если „кладбищенскія изысканія“ г. Чернопятыхъ, о „Заграничномъ Некрополѣ“ котораго намъ уже приходилось говорить, страдают не-

точностью записи и неполнотою собраннаго матеріала, то его генеалогическія работы оставляютъ несравненно болѣе удовлетворительное впечатлѣніе, словно человѣкъ, садясь за генеалогію, сразу попадаетъ въ свою любимую, привычную обстановку. Только что выпущенный томъ г. Чернопятава — своего рода „фамиліальная автобіографія“, написанная сухо, безъ привкуса старины, но добросовѣстно. Какъ-то невольно напрашивается сравненіе въ данномъ случаѣ г. Чернопятава съ покойнымъ г. Кашкинымъ. Изысканіе г. Чернопятава, сплошь построенное на архивномъ матеріалѣ, въ его первобытномъ видѣ, носитъ тяжелый отпечатокъ „родового эгоцентризма“. Г. Кашкинъ же обнаружилъ, при совершенно схожихъ условіяхъ заданія, несомнѣнную чуткость историка и вкусъ писателя, сумѣвъ перипетіи родового быта раздвинуть до рамокъ гораздо болѣе широкихъ, привлекиши къ себѣ на помощь богатую историческую литературу и давъ ему общезанимательный фонъ. Но это уже роскошь генеалогическаго, располагающаго богатыми историческими средствами, и потому только желательная, но уже не необходимая. Г. Чернопятавъ не пошелъ такъ далеко и благоразумно соблюлъ осторожность, выравнявъ схему построения своей книги въ строго опредѣленныхъ линіяхъ. „Матеріалы“ г. Чернопятава — хорошая канва для даровитаго пера историка, романиста — словомъ, эскизъ, по которому можно нарисовать яркую картину бытового уклада типичной дворянской семьи, устойчиво сохранившей свои традиціи на протяженіи трехъ столѣтій.

В. Анд-ъ.

4.

С. В. Соловьевъ. Очерки изъ исторіи новой французской и провансальской литературы. Спб. 1914. 8^о. 342 стр. Ц. 2 р.

Безвременно скончавшійся около двухъ лѣтъ назадъ профессоръ харьковскаго университета успѣлъ прочно выдвинуть себя въ первые ряды глубоко образованныхъ и строго научныхъ изслѣдователей исторіи литературы. Три слишкомъ десятка его трудовъ, правда, не обширныхъ по размѣрамъ, дали рядъ чрезвычайно содержательныхъ и крайне красивыхъ по формѣ историко-литературныхъ экскурсій въ область культуры, поэзіи, идеализма и изящной гуманности. Съ особою любовью и заражающимъ ею читателя интересомъ излагалъ С. В. Соловьевъ свои выводы и наблюденія подъ средневѣковою провансальскою лирикою. Настоящій томъ „Очерковъ“ С. В. Соловьева дѣлится на шесть главъ: I — Изъ исторіи романтической поэтики во Франціи, II — О предкахъ французскаго романтизма, III — О романтическомъ идеализмѣ, IV — Къ эволюціи литературныхъ взглядовъ Виктора Гюго, V — Романтикъ-педагогъ и VI — Фредерикъ Мистраль.

Для русскаго читателя особый интересъ представляетъ конецъ книги, обозначенный „приложеніемъ“ и знакомящій насъ съ любопытною фигурою Н. П. Семенова, мало извѣстнаго у насъ, но стяжавшаго себѣ во Франціи опредѣленную репутацію тонкаго цѣнителя провансальской поэзіи. „Le comte russe Nicolas de Sémenow“ (графская корона правда, существовала только въ пылкомъ южномъ воображеніи провансальскихъ друзей Семенова), богатый и стало быть совершенно незави-

симый человекъ, создалъ себѣ восхитительный уютъ въ чудной виллѣ, утонувшей въ плющѣ и розмаринѣ, которыми такъ богаты окрестности красочнаго Авиньона. Здѣсь-то и сложился сборникъ стихотвореній Семенова — „Poésies du Chêne-Vert“, навѣянный близкимъ общеніемъ съ Обанелемъ, Мистралемъ и другими провансальскими поэтами, воспѣвавшими на всѣ лады „золотые волосы и сладкую рѣчь благородной графини, звѣзды сѣвера“ (иначе Маріи Григорьевны Семеновой, рожденной Кологривовой — сухое генеалогическое примѣчаніе). Самъ же Семеновъ, по восторженному отзыву Мистрала, былъ „le plus gentilhomme, le plus français, le plus raffiné, le plus enthousiaste que je connaisse“. Гиперболично, но сильно и эффектно сказано и пріятно звучитъ для русскаго уха.

В. Анд — ъ.

5.

А. С. Лаппо-Данилевскій, Петръ Великій, основатель Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ. 1914. 8°. 60 стр.

Брошюра представляетъ отдѣльный оттискъ изъ сборника статей, прочтенныхъ въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 23 февраля 1913 г., по поводу трехсотлѣтняго юбилея Царствующаго Дома. Сжатымъ, строгимъ языкомъ, столь свойственнымъ стилю почтеннаго академика, дана характеристика научныхъ влеченій Великаго Петра, придерживавшагося, правда, утилитарно-политической точки зрѣнія на роль и участіе академіи, но постоянно испытывавшаго „любопытство къ познанію всего“ и потому не лишеннаго нѣкотораго интереса даже къ чистому знанію. Извѣстно, напримѣръ, что царь-плотникъ задумывался иногда и надъ совершенно философскими проблемами, обнаруживая несомнѣнную способность кратко и мѣтко выразить отвлеченную мысль. Императоръ со свойственною ему энергіею входилъ во всѣ детали организациі задуманной имъ академіи и не задолго до смерти подписалъ „опредѣленіе“ о ней. Въ рѣчи г. Лаппо-Данилевскаго осуществленіе Петровской идеи о созданіи высшаго русскаго разсадника просвѣщенія прослѣжено со всею выпуклою жизненностью ораторскаго слова, произнесеннаго мастеромъ каѳедры.

В. Анд — ъ.

6.

Н. К. Никольскій. Рукописная книжность древнерусскихъ библіотекъ (XI—XIII вв.). Матеріалы для словаря владѣльцевъ рукописей, писцовъ, переводчиковъ, справщиковъ и книгохранителей. Вып. I. А.—Б. Нумерныя изданія Имп. О-ва Любит. Древн. Писмен. В. 132. 8°. 163 стр.

Г. Никольскій вводитъ насъ въ сѣдую старину нашей библіофіліи, задолго до первыхъ оттисковъ типографскихъ станковъ. Онъ совершенно правильно уловилъ и подчеркнул мысль, что только совмѣстно съ судьбою книжной среды возможно правильно понять церковно-національную идеологію древнерусскаго сочинителя, съ варіантомъ его литературныхъ вкусовъ и традицій. Г. Никольскій столь же методологически обоснованно возстаётъ противъ принципа отдѣленія исторіи литературныхъ памятни-

ковъ отъ исторіи книжности, въ силу чего изслѣдователь лишалъ себя вспомогательнаго матеріала при критическомъ анализѣ текста.

Г. Никольскій расчленилъ свой „опытъ“ — и весьма удачный — на нѣсколько отдѣловъ, имѣя ввиду: 1) внѣшнюю исторію древнерусской книжности, 2) обзоръ ея содержанія и 3) изложеніе исторіи книжно-литературнаго движенія въ древней Руси. Для всякаго отечественнаго любителя древней письменности работа г. Никольскаго — положительный кладъ. Уже одно введеніе къ нему, скромно названное „сокращеніями“, сразу должно быть отнесено къ разряду полезнѣйшихъ библиографическихъ пособій, потому что оно даетъ скрупулезно составленный перечень ученой и каталогизаторской литературы о памятникахъ древней письменности, разсыпанныхъ по всему лицу земли русской. Трудъ г. Никольскаго съ честью можетъ занять мѣсто въ одномъ ряду съ изысканіями П. М. Строева, А. Θ. Бычкова, И. П. Сахарова, В. М. Ундольскаго, князя П. П. Вяземскаго и В. С. Иконникова.

В. Анд — ъ.

7.

В. И. Срезневскій и А. Л. Бемъ. Изданія церковной печати времени имп. Елизаветы Петровны 1741 — 1761. Петроградъ (Тип. Ак. Наукъ), 1913 г., б. 8^о (552 стр.).

Новый трудъ по библиографіи церковно-славянскихъ изданій, является чрезвычайно важнымъ для русской библиографической литературы. Библиографическіе перечни славянскихъ изданій Сахарова, Ундольскаго, Каратаева и др., при всѣхъ своихъ достоинствахъ, полны пропусковъ и неточностей, возможныхъ всегда при описаніи книги не по оригиналамъ.

Новый трудъ составленъ исключительно по подлинникамъ и заключаетъ въ себѣ описаніе 463 изданій, съ добавленіями 53-хъ, не найденныхъ авторами, но описанныхъ у Ундольскаго. Ошибки прежнихъ библиографовъ, ихъ пропуски, или повторенія исправлены весьма тщательно и описанія книгъ съ сдѣланы научною полносью, достойною служить образцомъ.

Въ предисловіи приведены любопытныя статистическія свѣдѣнія, а текстъ украшенъ рядомъ воспроизведеній съ концовокъ, заставокъ, гравюръ и заглавныхъ листовъ наиболѣе интересныхъ книгъ.

Исчерпывающе подробно составленная работа даетъ яркую картину состоянія издательскаго дѣла въ эпоху имп. Елисаветы и знакомитъ насъ съ внѣшней стороною этихъ, мало извѣстныхъ до сихъ поръ изданій.

Впервые выясняется при этомъ относительно высокая степень типографскаго искусства въ Россіи, преимущественно на югѣ, въ Кіевѣ, въ работахъ типографіи Кіево-Печерской лавры.

Красивые и разнообразные шрифты, изящныя заставки и превосходныя иллюстраціи, исполненныя иногда такими граверами, какъ Козачковскій, Левицкій и др., дѣлаютъ эти изданія очень интересными со стороны внѣшней.

Книга отпечатана въ количествѣ 50 экз., какъ отдѣльный оттискъ изъ изданія: „Состоящая подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ Выставка: „Ломоносовъ и Елисаветинское время“ Т. IV.

НОВОСТИ БЕЛЬГИЙСКОЙ ИСТОРИКО - АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Еще сравнительно недавно изъ Бельгiи, уже охваченной пожаромъ войны, были получены новыя изданiя Королевскаго Археологическаго Общества въ Брюсселѣ. Первое изъ изданiй—„Annuaire de la Société Royale d'Archéologie de Bruxelles“ представляетъ годичный отчетъ Общества, праздновавшаго свое двадцатипятилѣтiе. Брюссельское Археологическое Общество широко развило свою дѣятельность; оно руководитъ раскопками, публикуяваетъ ихъ результаты, какъ равно и читаетъ на засѣданiяхъ доклады, собираетъ коллекцiи и библиотеку. Общество, находящееся подъ почетнымъ покровительствомъ короля Альберта, насчитываетъ 816 членовъ. Отчетъ знакомитъ насъ какъ съ практической, такъ и съ теоретической работой Общества за годъ. Членами Общества, въ томъ числѣ хорошо извѣстнымъ въ Россiи барономъ Лое, были произведены любопытныя раскопки въ области галло-римскихъ древностей. На засѣданiяхъ, какъ обычныхъ, такъ и чрезвычайныхъ, было заслушано немало научныхъ докладовъ. Археологическое Общество вмѣстѣ съ Обществомъ Стараго Брюсселя заботится объ охранѣ древнихъ памятниковъ. Интересно также отмѣтить экскурсiи членовъ Общества для осмотра историческихъ городовъ и достопримѣчательностей Бельгiи. Въ отчетѣ описаны, между прочимъ, экскурсiи въ Монсъ и музей „Plantin-Moretus“ въ Антверпенѣ (знаменитая старинная типографiя и книжная лавка).

Въ концѣ отчета приведены списки членовъ Общества.

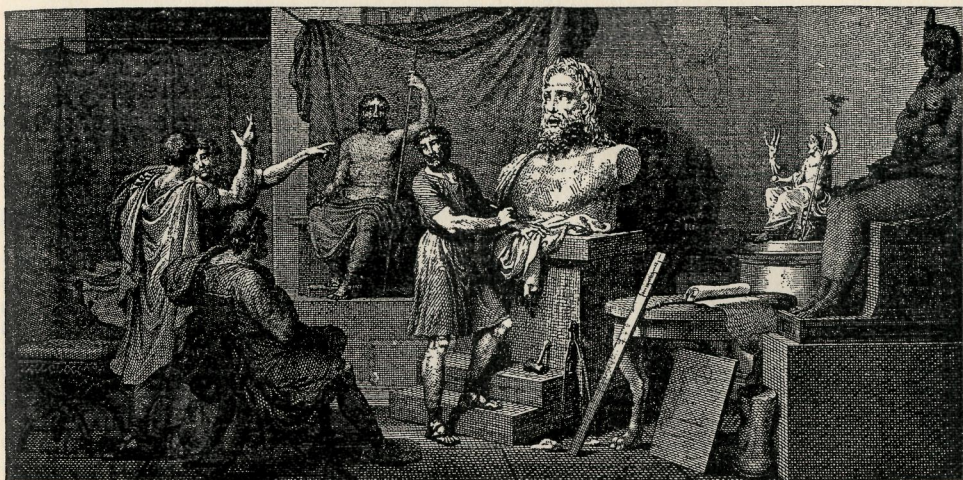
Если „Annuaire“ даетъ представленiе о внѣшнемъ обликѣ Брюссельскаго Археологическаго Общества, то съ его внутреннимъ содержанiемъ знакомитъ до извѣстной степени послѣдняя книжка „Annales de la Société Royale d'Archéologie de Bruxelles“. Хотя эта книжка (вып. III—IV тома 27-го) относится къ серiи 1913 года, однако она вышла въ 1914 году и заключаетъ въ себѣ доклады, читанные въ минувшемъ году. Изъ чисто-археологическихъ статей обращаетъ вниманiе статья двухъ авторовъ Ch. Dens и J. Poils о пирамидѣ-урнѣ Ладеза, относящейся къ II вѣку христіанской эры. Авторами дано не только тщательное описанiе найденнаго памятника, но и привлеченъ широкой сравнительно-археологическій матеріалъ. Эту статью, какъ и другія статьи „Annales“, украшаютъ удачно выполненные рисунки. Большой интересъ представляетъ статья G. Des Marez. — „Les fortifications de la frontière du Brabant-Hainaut au XII-e

siècle, d'après la Chronique de Gislebert de Mons". Въ этой работѣ, основанной на средневѣковыхъ хроникахъ, авторъ старается установить военныя границы Брабанта, и даетъ описанія различныхъ сооружений военно-оборонительнаго характера. Любопытно отмѣтить, что уже въ глубинѣ средневѣковаго приходилось прибѣгать для защиты отъ врага къ укрѣпленнымъ лѣсамъ. Des Marez даетъ чрезвычайно цѣнный этюдъ въ области столь мало еще разработанной феодальной средневѣковой археологии. Въ своей статьѣ „Le chateau de Naeren" Arthur Cosyn даетъ описаніе одного изъ замковъ XVIII вѣка (стиля Людовика XV), иллюстрируя изложеніе, какъ памятниками вещественными, такъ и документами изъ фамильнаго архива.

Но особый интересъ въ разбираемой книжкѣ „Annales" представляетъ статья бельгійскаго историка Терлиндена, озаглавленная „L'entrée des alliés à Bruxelles 1-er février 1814". Эта статья, прочитанная въ видѣ доклада 2 февраля 1914 года, имѣетъ теперь даже нѣкоторый характеръ злободневности. Сто лѣтъ тому назадъ, какъ и теперь, Бельгія, изнемогавшая подъ гнетомъ военнаго деспотизма, съ нетерпѣніемъ ожидала прихода союзныхъ войскъ, несшихъ ей освобожденіе. Съ настроеніемъ страны, въ частности города Брюсселя, въ послѣдніе мѣсяцы 1813 года и въ самомъ началѣ 1814 года, и знакомитъ статья Терлиндена. Обильно пользуясь воспоминаніями очевидцевъ и документальными данными, авторъ ярко рисуетъ картину послѣднихъ дней пребыванія французовъ въ завоеванной странѣ и побѣдоноснаго шествія союзниковъ. 1-го февраля 1814 года, рано утромъ послѣднія французскія войска выступили изъ Брюсселя; сейчасъ-же вслѣдъ за ними въ городъ вступили союзныя войска съ казаками въ первую голову. Бельгійскій историкъ удѣляетъ нѣсколько весьма любопытныхъ страницъ описанію того впечатлѣнія, которое производили русскіе казаки въ Бельгіи. О казакахъ, ихъ храбрости и беззавѣтной удали ходили цѣлыя легенды; ихъ причудливый видъ, одежда и вооруженіе усиливали и безъ того понятный интересъ къ этимъ воинамъ далекой и мало-знакомой Россіи. Кромѣ того, казацкіе отряды, всегда впереди всѣхъ, знаменовали своимъ приходомъ начало національнаго освобожденія. Понятно, поэтому, что и ихъ повсемѣстно въ Бельгіи встрѣчали съ необыкновеннымъ восторгомъ и энтузіазмомъ. При входѣ казаковъ въ Брюссель (какъ описываетъ очевидецъ) масса народа высыпала къ нимъ на встрѣчу. Представители лучшаго общества бросались къ нимъ на шею и обнимали ихъ; нѣкоторые доходили даже до того, что цѣловали хвосты ихъ коней. Со всѣхъ концовъ несли пищу и питье, оживленно спорили изъ-за чести оказать казакамъ гостепріимство. Точно также встрѣчаемы были казаки въ Гентѣ и др. городахъ. Свою статью Терлинденъ иллюстрируетъ, между прочимъ, четырьмя изображеніями казаковъ. Казаки эти изображены въ довольно фантастическихъ одѣяніяхъ (особенно „казакъ-башкиръ"). Любопытна картина „Les galants cosaques", представляющая казаковъ, любезничающихъ съ толстой фламандкой.

Къ вошедшимъ вслѣдъ за казаками пруссакамъ брюссельцы отнеслись холодно и равнодушно. Освободившись отъ одного ига, они не хотѣли другого.

И. Бороздинъ.

ХРОНИКА, МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Къ 25-лѣтнему юбилею проф.
А. И. Малеина.

20 декабря 1914 г. исполнилось 25 лѣтъ учено-литературной дѣятельности профессора римской словесности историко-филологического Института и приватъ-доцента Петроградскаго Университета Александра Лустиновича Малеина. Впервые на литературное поприще А. И. выступилъ еще студентомъ съ рецензіей на работу проф. Нагуевского („Библиографія по исторіи римской литературы въ Россіи“). Рецензія была напечатана въ „Библиографъ“ Н. М. Лисовскаго (1889 г., № 10 и 11) и съ этихъ поръ А. И. дѣлается постояннымъ сотрудникомъ журнала. Кромѣ трудовъ (диссертаций) по исторіи римской литературы, за которые А. И. получилъ сначала магистра, потомъ доктора римской словесности, перу проф. Малеина принадлежитъ цѣлый рядъ статей преимущественно по избранной имъ специальности, множество замѣтокъ и рецензій въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“, „Гимназіи“, „Филолог. Вѣстн.“, въ редактируемомъ А. И. журналѣ „Гермесъ“, и мн. другихъ периодическихъ изданіяхъ. Имъ сдѣланъ полный переводъ съ обширнымъ введеніемъ и примѣчаніями „Записокъ“ Герберштейна (Спб. 1908) и другіе переводы трудовъ, вышедшихъ въ изданіи

А. С. Суворина. Вопросы книговѣдѣнія и библиографіи всегда были близки сердцу А. И. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ учрежденіи „Библиологическаго Общества“, состоялъ сотрудникомъ издаваемого обществомъ „Литерат. Вѣстн.“, а въ настоящее время завѣдуетъ библиографическимъ отдѣломъ „Историческаго Вѣстника“.

Проф. Малеинъ состоитъ почетнымъ членомъ „Библиологич. общества“ и въ день юбилея избранъ почетнымъ членомъ „Библиографическаго Общества при Моск. Университетѣ“.

Очень интересный докладъ объ исторіи русской гравюры былъ прочитанъ на дняхъ проф. В. В. Матѣ въ собраніи архитекторовъ-художниковъ. Оказывается, 1914 годъ былъ юбилейнымъ годомъ для русскихъ граверовъ, такъ какъ первая гравюра въ Россіи была отпечатана въ Москвѣ ровно триста пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ 1564 г., по повелѣнію Іоанна Грознаго, и изображала евангелиста Луку.

Первымъ памятникомъ гравернаго искусства на мѣди у насъ является оттискъ заглавнаго листа въ книгѣ „Ратное строеніе пѣхотныхъ людей“, отпечатанной въ Москвѣ въ 1647 г. Дальнѣйшее развитіе гравюры у насъ было обезпечено Петромъ Великимъ, выписавшимъ двухъ

мастеровъ гравировъ изъ Голландіи, причѣмъ и самъ царь являлся большимъ любителемъ этого искусства, которое сначала вѣдала Академія Наукъ, а затѣмъ съ вѣка Екатерины, — Академія Художествъ.

Въ засѣданіи разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ были произведены выборы въ почетные академики польскаго писателя Генриха Сенкевича, который и оказался избраннымъ единогласно въ это званіе.

Состоялось частное совѣщаніе кредиторовъ книгоиздательства „Культуры“, принадлежащаго германскимъ поданнымъ. На собраніи было установлено, что наибольшую сумму претензій имѣетъ Азовско-Донской банкъ, задолженность которому со стороны общества достигаетъ 600,000 р. Равнымъ образомъ, пострадавшими оказались и нѣкоторыя другія кредитныя учрежденія.

Общество архитектурныхъ знаній въ Петроградѣ, заслушавъ сообщеніе русско-англійской торговой палаты, возбудило вопросъ о замѣнѣ въ русскомъ архитектурно-строительномъ дѣлѣ и прикладномъ искусствѣ германскихъ образцовъ, не отличающихся, какъ извѣстно, особыми художественными достоинствами, моделями англійскихъ мастеровъ. Модели эти, подборъ которыхъ въ Англій взяла на себя палата, предположено широко распространить среди русскихъ архитекторовъ, а также популяризировать при содѣйствіи печати и соотвѣствующихъ учрежденій.

Закрылась выставка печати, На выставкѣ было представлено 32,000 изданій, противъ 34,000 прошлаго года. Сокращеніе числа изданій приходится главнымъ образомъ на Царство Польское, преимущественно на Варшаву. Вообще же война оказала самое незначительное вліяніе на издательское дѣло въ Россіи.

Судебная палата постановила уничтожить рядъ стихотвореній сборника „Кобзарь“ Тараса Шевченко, изданнаго обществомъ имени Шев-

ченко для вспомошествованія нуждающимся учащимся, уроженцамъ юга Россіи.

На дняхъ исполнилось 50 лѣтъ, какъ вышла первая книжка журнала „Педагогическій Сборникъ“, издаваемаго при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній въ Петроградѣ. Въ настоящее время это — старѣйшій изъ педагогическихъ журналовъ. Назначенный обслуживать нужды военно-учебныхъ заведеній, онъ, однако, значительно расширилъ рамки своей дѣятельности, занявшись разсмотрѣніемъ обще-педагогическихъ вопросовъ, и въ этомъ направленіи достигъ блестящихъ результатовъ.

Императорской Академіей Художествъ до настоящаго времени субсидировалось 11 художественныхъ учебныхъ заведеній, причѣмъ общая сумма пособій достигла въ 1914 году 43,819 руб. Наибольшія суммы выдавались Казанской художественной школѣ (18,200 руб.), художественному училищу имени Великаго Князя Владиміра Александровича въ гор. Одессѣ (11,860 р.) и Харьковскому художественному училищу (5,000 руб.). На 1915 годъ совѣтъ Академіи предлагаетъ выдать слѣдующія субсидіи: 1) художественному училищу имени Великаго Князя Владиміра Александровича въ гор. Одессѣ 11,860 р., 2) Пензенскому художественному училищу 4,500 р., 3) Казанской художественной школѣ 18,200 р., 4) Харьковскому художественному училищу 5,000 р., 5) Кіевскому — 3,000 р., 6) Воронежской рисовальной школѣ 1,200 р., 7) Виленской — 1,500 р., 8) Ростовскимъ-на-Дону художественнымъ классамъ 1,500 р., 9) Тифлисской школѣ живописи и скульптуры 2,000 р. и 10) Екатеринодарской рисовальной школѣ 600 р. Всего же совѣтъ предлагаетъ ассигновать названнымъ училищамъ 49,360 руб.

Рукописное отдѣленіе Академіи Наукъ въ 1914 г. обогатилось радомъ новыхъ поступленій.

Интереснымъ приобрѣтеніемъ являются три тетради стихотвореній А. В. Кольцова въ автографахъ. Тетради эти когда-то были куплены на толкуемъ рынкѣ въ Воронежѣ, затѣмъ попали въ руки редакторовъ-издателей „Воронежскаго Листка“ Малыхина и Гольдштейна и были описаны въ „Русскомъ Archivѣ“

въ 1864 г. Одна изъ тетрадей носить название „Незабудки съ долины моей юности“, другая — „Начальные опыты въ стихахъ“.

Драгоценный вкладъ въ рукописное отдѣленіе представляютъ собою бумаги Н. И. Пирогова — его собраніе писемъ къ женѣ и дѣтская тетрадь, озаглавленная „Посвященіе всѣхъ моихъ трудовъ родителю“. Рукописи эти принесены въ даръ сыномъ покойнаго, В. Н. Пироговымъ.

Собраніе автографовъ Л. Н. Толстого увеличилось двумя цѣнными приношеніями: В. А. Молочниковъ принесъ въ даръ обширное собраніе писемъ Л. Н. — 42 къ нему, 3 къ его женѣ и одно къ Александру Соловьеву. М. В. Архангельская принесла въ даръ 4 письма Л. Н. къ А. И. Архангельскому и одно къ А. М. Веселову.

Отъ вдовы Г. Н. Вырубова поступило въ рукописное отдѣленіе нѣсколько автографовъ А. И. Герцена въ видѣ приписокъ и корректурныхъ поправокъ на экземплярахъ его сочиненій, въ томъ числѣ рѣдкій экземпляръ его рѣчи при открытіи въ Вяткѣ публичной библиотеки въ 1837 г., съ припиской, обращенной къ женѣ: „Наташѣ — тотъ самый экземпляръ, по которому я читалъ 6-го декабря 1837 г.“.

Главное военно-судное управленіе передало интересное собраніе бумагъ, относящихся къ дѣлу майора Федора Королева „О продолженіи имъ масонскихъ связей, съ приложеніемъ масонскихъ пѣсенъ и стиховъ, рѣчей, писемъ масоновъ, масонскихъ знаковъ и обрядовыхъ предметов“.

Чрезвычайно важнымъ приобретеніемъ рукописнаго отдѣленія, въ качествѣ матеріала по новѣйшей исторіи Россіи, является рѣдкій для нашего времени по своей величинѣ дневникъ ген. лейт. В. Н. Смѣльского. Дневникъ этотъ обнимаетъ время съ польскаго похода 1863 г. по 1905 г. и во многихъ частяхъ своихъ представляетъ первостепенный интересъ, иногда даже въ качествѣ первоисточника.

Въ отдѣленіе, кромѣ того, переданы рукописи, грамоты, акты и книги церковной печати изъ коллекціи Ѳ. М. Плюшкина. Всего передано изъ этой коллекціи 300 рукописей XV — XIX вѣка, около 200 печатныхъ и гравированныхъ изданій XVI — XIX в.в., обширное собраніе столбцовъ XVII — XVIII в.в., значительное число патентовъ и дипломовъ (большую часть на пергаментѣ) XVIII — XIX в.в., рядъ грамотъ XVI — XVIII в.в., много писемъ и интересное собраніе образцовъ русскихъ ассигнацій.

МОСКВА.

16 декабря состоялось открытіе новаго зданія археологическаго института на Миусской площади, противъ университета Шанявскаго. Официальное торжество открытія института по случаю войны рѣшено отмѣнить. Мысль о приобрѣтеніи собственнаго зданія для археологическаго института возникла еще при учрежденіи послѣдняго въ январѣ 1907 года. Но вслѣдствіе недостатка средствъ, которыми въ то время располагалъ институтъ, приступить къ постройкѣ собственнаго зданія не представлялось возможнымъ. Только благодаря энергіи директора института проф. А. И. Успенскаго и щедрымъ пожертвованіямъ, дѣло созданія собственнаго помѣщенія для археологическаго института завершилось успѣхомъ.

Общая сумма пожертвованій дошла до 100,000 руб.

Зданіе института исполняется по проектамъ архитектора Адамовича. Предполагается выстроить 3 большихъ корпуса, изъ нихъ готовъ пока одинъ. Стоимость постройки всѣхъ трехъ корпусовъ опредѣляется около 400,000 руб. Стоимость выстроеннаго корпуса уже опредѣлена въ 150,000 руб. Новое зданіе института исполнено въ стилѣ ампира. Въ немъ находится 6 аудиторій, помѣщенія для профессоровъ, библиотеки и кабинетъ для практическихъ занятій. Трѣмъ аудиториямъ присвоены наименованія въ честь великаго князя Александра Михайловича, имени С. П. Рябушинскаго и В. С. Рябушинской. Въ первомъ и второмъ этажахъ будутъ находиться аудиторіи и профессорская, а въ нижнемъ — библиотека института въ 35,000 томовъ, архивъ — около 100,000 дѣлъ, складъ изданій института и столовая для слушателей.

Археологическій институтъ функционируетъ уже 8 лѣтъ. За это время имъ была выпущена масса научныхъ трудовъ и открытъ цѣлый рядъ филиальныхъ отдѣленій въ Россіи. Въ настоящее время въ институтѣ обучается около 1000 чело-вѣкъ.

Въ происходившемъ недавно, подъ предсѣдательствомъ градоначальника, засѣданіи особаго городского по дѣламъ объ обществахъ и союзахъ присутствія разсмотрѣно предложеніе градоначальника о закрѣпленіи профессиональнаго общества рабочихъ печатнаго искусства въ Москвѣ.

Разслѣдованіемъ была установлена противуправительственная агитаторская дѣятельность общества и присутствие по-становило его закрыть.

Въ концѣ ноября произошло освященіе вновь устроенныхъ въ зданіи Историческаго Музея и открываемыхъ для общественнаго пользованія читальнаго зала отдѣловъ рукописей, иконографіи, архива и зала для дополнительныхъ коллекцій отдѣла доисторическихъ древностей.

Читальный залъ устроенъ изъ бывшей аудиторіи музея, и рассчитанъ на 438 мѣстъ. Благодаря его устройству, въ настоящее время открывается возможность предоставить для общественнаго пользованія и громадную бібліотеку музея, насчитывающую до 500 тыс. томовъ. Затѣмъ производился осмотръ отдѣловъ архива рукописей и дополнительныхъ собраний древностей. Въ отдѣлѣ рукописей гр. П. А. Уваровъ принесъ въ даръ музею отъ имени гр. П. С. Уваровой 109 древнихъ рукописей, изъ которыхъ наиболѣе древняя относится къ 1377 г.

Московское общество грамотности въ послѣднее время снабжало книгами лазареты преимущественно въ провинціи, откуда запросы о высылкѣ книгъ поступали и поступаютъ непрерывно.

Обществомъ разослано по провинціальнымъ лазаретамъ около 800 комплектовъ. Всего свыше 150 тысячъ книгъ.

Комплекты составляются изъ книгъ, полученныхъ черезъ всероссійскій земскій союзъ и всероссійскій союзъ городовъ, пожертвованныхъ отъ разныхъ книгоиздательствъ и частью изъ прежде поступившихъ отъ частныхъ лицъ.

Общество грамотности заявляетъ, что лазареты, желающіе получить отъ общества бібліотечки, благоволятъ обратиться по телефону 1-89-42, отъ 10-ти до 1 часа дня.

9 декабря исполнился столѣтній юбилей Лазаревскаго института восточныхъ языковъ. Въ виду переживаемыхъ въ настоящій моментъ событий, торжественное празднованіе юбилея отмѣняется.

Надняхъ утвержденъ уставъ новаго философскаго общества

(общество распространенія научно-философскихъ знаній). Цѣль его — распространіе научно-философскихъ знаній, какъ основы позитивнаго міровоззрѣнія. Учредителями о-ва являются: проф. Н. К. Кольцовъ, пр.-доц. А. В. Чичкинъ, пр.-доц. Н. И. Андреевъ, проф. А. А. Дешинъ, д-ръ М. Л. Косманъ, пр.-доц. В. И. Пичета, К. С. Маньковский, пр.-доц. Л. М. Кречетовичъ, Л. Д. Теплицкій, А. В. Чаяновъ, И. М. Соловьевъ, проф. А. В. Леонтовичъ, В. М. Фриче и др.

По средамъ въ помѣщеніи польской бібліотеки читаются извѣстною польскою писательницею Савитри лекціи по польской литературѣ. Курсъ лекцій г-жи Савитри охватываетъ всю польскую литературу, со времени ея зарожденія до настоящихъ дней. Первая лекція касалась польско-латинской литературы.

ПРОВИНЦІЯ.

14-го ноября прошлаго года исполнилось семидесятипятилѣтіе со дня основанія старѣйшаго изъ русскихъ археологическихъ обществъ — Одесскаго общества исторіи и древностей. Оно было учреждено въ 1839 г. при ближайшемъ участіи тогдашняго начальника Одессы, князя М. С. Воронцова, 27-го ноября 1872 г. обществу было присвоено наименованіе Императорскаго, и Императоръ Александръ II принялъ его подъ Свое покровительство. Нынѣ общество имѣетъ счастье состоять подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государя Императора.

Вскорѣ послѣ основанія общества началъ постепенно расширяться кругъ его ученой дѣятельности: еще въ 1851 г. обществу было поручено наблюденіе за Феодосійскимъ музеемъ; затѣмъ во владѣніе ему былъ переданъ Судакъ, находящійся на мѣстѣ древней Сугдеи, гдѣ сохранились интереснѣйшіе остатки генуэзской крѣпости. Обществу было предоставлено право производства раскопокъ на Кавказѣ, а затѣмъ въ вѣдѣніе общества поступили древности Аккермана, Хотина и Мелек-Чесменскаго кургана въ Керчи. Такимъ образомъ, общество съ теченіемъ времени приняло характеръ центрального археологическаго учрежденія для всего юга Россіи.

Музей общества пополнялся благодаря щедрым дарам отдѣльных лицъ, среди которыхъ первое мѣсто принадлежить кн. М. С. Воронцову и гр. А. Г. Строганову, а также Императорской археологической комиссіи, уступившей обществу многіе предметы древностей южной Россіи. Нынѣ музей общества, занимая 10 обширныхъ залъ, содержитъ въ себѣ разнообразныя памятники древности, начиная отъ древностей микенскаго періода, найденныхъ въ Петренахъ, Бессарабской губерніи, и кончая тростью Пушкина. Среди нихъ въ научномъ отношеніи особое значеніе имѣетъ коллекція каменныхъ „бабъ“ изъ Екатеринославской губерніи, многочисленное собраніе древнегреческихъ росписныхъ вазъ и терракотъ, какъ изъ самой Греціи, такъ и изъ ея колоній на югѣ Россіи, а также очень разнообразное и многочисленное собраніе подѣлокъ изъ античнаго стекла: въ этомъ отношеніи Одесскій музей превосходитъ даже такіа богатые собранія, какъ придворный вѣнскій музей. Библіотека общества, богатая восточными, славянскими и греческими рукописями, обладаетъ очень интереснымъ подборомъ средневѣковыхъ картъ. Наряду съ собираніемъ и излѣдованіемъ древностей, общество непрерывно развивало и свою издательскую дѣятельность. За 75 лѣтъ оно издало 3 роскошныхъ выпуска „Музея Общества“, представляющихъ воспроизведенія наиболѣе цѣнныхъ предметовъ изъ собраній общества, а также 32 тома своихъ Записокъ, подробный указатель содержанія которыхъ издалъ ко дня юбилея секретарь общества проф. Попруженко.

Въ засѣданіи Общества археологій, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ 15-го декабря было доложено, между прочимъ, о возобновленіи издательской дѣятельности Общества; недавно вышелъ въ свѣтъ 6-й выпускъ XXII тома „Извѣстій“; онъ заключается въ себѣ окончаніе „Родословнаго древа тюрковъ „Абулъ-Гази“ въ переводѣ оріенталиста Г. С. Саблукова. Докладъ Н. В. Никольскаго „Религіозныя воззрѣнія черемисъ“ имѣлъ своимъ содержаніемъ преимущественно представленія этого народа о загробномъ мірѣ. К. В. Харламповичъ, жертвуя въ музей общества пріобрѣтенную имъ лѣтомъ 1914 г., такъ называемую, „Дроничинскую пломбу“, сдѣлалъ краткій обзоръ мнѣній объ этихъ загадочныхъ предметахъ.

ПОЛЬСКАЯ ХРОНИКА.

Девяносто одного года отъ роду скончался въ Лозаннѣ Несторъ современныхъ польскихъ писателей Зыгмунтъ Милковскій, болѣе извѣстный подъ псевдонимъ Т. Т. Ежъ (Teodor Tomasz Jeż). Покойный былъ одной изъ самыхъ привлекательныхъ и популярныхъ фигуръ польскаго литературнаго міра, и если по отношенію къ художнику или писателю иногда принято говорить, что онъ самъ является лучшимъ своимъ произведеніемъ, то подобное опредѣленіе, какъ нельзя лучше подходитъ къ Ежу.

Милковскій-Ежъ (1824 — 1915) — типичный представитель революціоннаго поколѣнія сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, до конца своей жизни оставшійся вѣрнымъ демократическимъ идеаламъ своей юности. Уже въ 1848 г. онъ принужденъ былъ покинуть родину и въ продолженіи долгихъ лѣтъ испытывалъ на себѣ всѣ лишенія, горести и мытарства необеспеченной эмигрантской жизни. Въ разныхъ концахъ Европы онъ принималъ дѣятельное участіе въ движеніяхъ и борьбѣ за національную и общественную свободу и, въ качествѣ эмиссара одной изъ международныхъ организацій, долго жила въ южныхъ славянъ балканскаго полуострова, изъ исторіи и быта которыхъ онъ въплоть черпалъ матеріалъ для многочисленныхъ своихъ повѣстей, какъ: „На разсвѣтъ“, „Невѣста Гарампаши“, „Ускоки“, „200 лѣтъ назадъ“, „Христіанскій рыцарь“ и т. д., отчасти переведенныхъ и на русскій языкъ. Художественное значеніе этихъ произведеній, какъ и другихъ повѣстей Ежа изъ украинской жизни („Василь Голубъ“) и прошлаго Польши не очень велико, такъ какъ основная ихъ концепція была не чисто эстетической, а вытекала, скорѣе, изъ политическихъ тенденцій автора, опредѣленно обнаружившихся въ его публицистической дѣятельности. Но, въ лучшихъ своихъ сочиненіяхъ, Ежъ, несомнѣнно, обнаруживаетъ недюжинный даръ повѣствованія, богатую фантазію, полную яркихъ красокъ, и умѣніе создавать живые пластическіе типы, чѣмъ и объясняется большая популярность, которой когда-то пользовались историческія повѣсти покойнаго писателя. Нѣкоторыя изъ нихъ незаслуженно забыты и какъ разъ въ наши кровавые дни, когда опять происходитъ переустройство политическаго быта южныхъ славянъ, вѣроятно, могли бы живо заинтересовать многихъ читателей.

Исключительный почетъ, которымъ въ послѣднія десятилѣтія окружено было имя Милковского-Ежа, во всякомъ случаѣ не зависѣлъ отъ той или другой его оцѣнки, какъ беллетриста и публициста. Польское общество въ первомъ ряду чтило его выдающуюся личность, высокий діапазонъ его нравственного облика и вѣчно юную его душу, всегда горячо отзывавшуюся на каждое культурное и общенародное дѣло. Къ нему ѣздили на поклонъ, за совѣтомъ и къ его голосу прислушивались въ важныхъ вопросахъ національной жизни. Еще недавно, когда въ 1911 г., загорѣлась борьба вокругъ польскаго національнаго музея въ швейцарскомъ мѣстечкѣ Рапперсвилъ, близъ Цюриха, Ежъ сразу примкнулъ къ группѣ прогрессивныхъ элементовъ, настойчиво требовавшей реорганизациі обветшалого музея въ духъ современныхъ требованій, и поддерживалъ ее всей силой своего авторитета.

Три четверти своей жизни Милковский прожилъ на чужбинѣ и тамъ-же ему суждено было умереть въ тотъ моментъ, когда на территории горячо любимой родины розгигравается исполнинская борьба, въ итогъ долженствующая создать новый политическо-національный строй значительной части славянскихъ народовъ.

Во Львовѣ, въ декабрѣ 1914 г. скончался Кароль Хадачекъ (K. Nadczek, род. въ 1873 г.), профессоръ львовскаго университета по кафедрѣ исторической и классической археологіи и въ послѣднее время проректоръ его философскаго факультета. Покойный археологъ напечаталъ длинный рядъ научныхъ трудовъ на польскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Специально Галиціи касаются слѣдующія его польскія сочиненія: „Археологическія изслѣдованія рѣчного округа Буга“, „Слѣды такъ называемой архаическо-микенской эпохи въ Восточной Галиціи“, „Святовидъ“, „Михалковский золотой кладъ“, „Доисторическій отдѣлъ музея им. Дзедушицкихъ во Львовѣ“ и мн. др.

Возстановленіе сотенъ разрушенныхъ или сильно пострадавшихъ костеловъ, общественныхъ зданій, усадебъ и просто жилыхъ домовъ въ городахъ и селеніяхъ Польши по окончаніи войны здѣсь, несомнѣнно, вызоветъ усиленную строи-

тельную дѣятельную дѣятельность. Имѣя это въ виду, „Кружокъ польскихъ архитекторовъ“ въ Варшавѣ уже теперь выступилъ съ горячимъ воззваніемъ обращать вниманіе на красоту и художественную цѣнность формъ стариннаго польскаго зодчества, которая вполне могутъ быть примѣнимы къ строительству нашего времени. Въмѣстѣ съ тѣмъ, „Кружокъ“ рѣшилъ устроить выставку польскаго зодчества, на которой будутъ собраны памятники прошлаго и проекты современныхъ архитекторовъ, выдержанные въ стилѣ этихъ послѣднихъ.

Р. Е.

ПО ЕВРОПѢ.

Французская Академія надписей и изящной литературы избрала своимъ корреспондентомъ г. Успенскаго, директора Императорскаго московскаго археологическаго института.

Квестура французскаго сената и палаты депутатовъ избрала въ качествѣ представителя иностранной печати при палатахъ корреспондента русскихъ газетъ Дмитріева взамѣнъ бывшаго представителя, корреспондента „Frankfurter Zeitung“ Ней.

Лондонское издательство имени Вальтеръ-Скотта выпустило антологию бельгійскихъ поэтовъ. Въ сборникъ вошли лучшія произведенія Верхарна, Метерлинка, Ле-Пуа, Жиро, Сэверина, Эльскампа и др.

Въ городѣ Ургѣ сгорѣлъ надняхъ городской дворецъ китайскихъ императоровъ со всіми рѣдкостями. Причина неизвестна. Убытки громадныя.

Ургинскій Императорскій дворецъ, нынѣ сгорѣвшій, представлялъ собою одно изъ рѣдчайшихъ по древности и по богатству заключающихся въ немъ коллекцій зданіе. Построенъ дворецъ былъ при первыхъ Дайцингахъ, ведшихъ войны съ Пекиномъ, на мѣстѣ, гдѣ ранѣе былъ храмъ, куда ежегодно долженъ былъ пріѣзжать изъ Лхассы далай-лама. Этому зданію насыщается нынѣ около 700 лѣтъ. Къ самымъ большимъ рѣдкостямъ, находящимся во дворцѣ, относится тронъ далай-ламы Литамая, который велъ борьбу съ китайскими богдыханами изъ-за главенства надъ буддійскою церковью.

Тронъ этотъ сооруженъ изъ слоновой кости и серебра и на немъ имѣются боевые знаки всѣхъ князей и правителей Китая, Сіама, Индіи, Манчжуріи и Монголіи, т. е. всѣхъ тѣхъ вождей, которые стоятъ во главѣ народовъ и племенъ, почитающихъ далай-ламу наслѣдникомъ Будды. Богатѣйшая коллекція рукописей на исчезнувшемъ уже саитскомъ языкѣ, сборникъ всѣхъ дипломатическихъ и политическихъ актовъ, заключенныхъ между Китаемъ и сосѣдями, начиная съ XII по XVI вѣка, знаменитая коллекція вышивокъ, исполненныхъ въ коронационные годы женщинами Южнаго Китая и подносимыхъ новымъ богдыханамъ, заключали въ себѣ рѣдчайшія вышивки XIV столѣтія. Драгоценная старинная утварь и оружіе представляли также большую археологическую и историческую цѣнность.

Французская академія оставляетъ одно мѣсто вакантнымъ для избранія въ члены академіи генерала Жоффра.

Лондонскія газеты напечатали адресъ британскихъ писателей, обращенный къ писателямъ Россіи. Адресъ подписанъ выдающимися именами, выражающими свою благодарность „за вдохновеніе, которое испытывали послѣдніе два поколѣнія англичанъ, изучая русскую литературу“. Въ адресѣ подчеркивается, что русская литература исполнена духомъ современности и моральными цѣнностями. Адресъ сравниваетъ эту высокую культуру съ матеріальными стремленіями, свойственными культурѣ внѣшней, и заканчивается словами:

„Когда война будетъ закончена, мы будемъ помогать другъ другу при воспоминаніи о томъ дѣлѣ, которымъ были преисполнены союзныя націи, когда онѣ взялись за оружіе въ обновленной Европѣ въ цѣляхъ защиты слабыхъ и освобожденія угнетенныхъ, а также для того чтобы принести облегченіе страждущему человечеству и залечить раны нанесенныя какъ нами, такъ и нашими противниками“.

Искусство миниатюры.

Въ изданіи извѣстнаго книготорговца и антикварія Лео Ольшки во Флоренціи появился обширнѣйшій трудъ по исторіи флорентинской миниатюры въ лицевыхъ рукописяхъ XI по XVI сто-

лѣтіе „La Miniatura Fiorentina“, въ обработкѣ профессора Паоло д'Анкона“. Матеріалъ для своего сочиненія авторъ въ продолженіи многихъ лѣтъ собиралъ въ публичныхъ и частныхъ бібліотекахъ и собраніяхъ Италіи, равно крупныхъ коллекціяхъ всей Европы и Нью-Йорка — между прочимъ, принято во вниманіе и собраніе нашего соотечественника Виктора Викторовича Голубева, въ Парижѣ, — такъ что исторія миниатюрнаго искусства въ области Флоренціи обрисована съ возможной полнотой. Изданіе, цѣной въ 200 лиръ, состоитъ изъ двухъ объемистыхъ томовъ въ листъ. Первый — содержитъ историческо-художественный очеркъ флорентійской миниатюры, иллюстрированный прекрасно исполненными 110 таблицами, изъ которыхъ одна въ краскахъ, второй томъ цѣликомъ занятъ подробнымъ толковымъ каталогомъ всѣхъ найденныхъ д'Анконой флорентійскихъ лицевыхъ рукописей.

Подобный же трудъ, посвященный специально миниатюрамъ лицевыхъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ и собраніяхъ города Базеля, затѣялъ швейцарскій историкъ искусства д-ръ Конрадъ Эшеръ, пользуясь субсидіей нѣсколькихъ базельскихъ просвѣтительно-художественныхъ организацій. Въ стѣнахъ Базеля, значеніе котораго въ качествѣ художественно-коллекціонерскаго центра достаточно извѣстно, хранится большое количество очень цѣнныхъ лицевыхъ рукописей всѣхъ эпохъ и странъ, но первое мѣсто среди нихъ, естественно, занимаютъ чисто швейцарскія миниатюры, какъ напр., знаменитый „Edelstein“ Ульриха Бонера (1400 — 1420 гг.), или единственная въ своемъ родѣ книга записей студентовъ базельскаго университета съ его основанія въ 1460 г. до 1764 г., украшенная многочисленными гербами и разнаго рода миниатюрами. Д-ръ Эшеръ ставитъ себѣ задачей дать подробное описаніе всѣхъ этихъ миниатюръ вмѣстѣ со вступительнымъ очеркомъ о развитіи миниатюрнаго искусства въ Базелѣ, преимущественно въ XV вѣкѣ. Изданіе выпускается базельской фирмой Verlag Kober & F. Spittlers Nachfolger въ видѣ большого тома съ 40 автотипіями и 60 геліотипіями. Количество цвѣтныхъ таблицъ будетъ зависѣть отъ успѣха подписки (100 франковъ). Изданіе должно было выйти въ теченіе 1915 г., но намъ неизвѣстно, въ какой мѣрѣ военныя событія отразились на его судьбѣ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Исторія, исторія литературы и искусства, библиографія.

Андріашевъ, А. М. — Матеріалы по исторической географіи Новгородской земли. Шелонская пятна по писцовымъ книгамъ 1498 — 1576 г. I. Списки селеній. М. 1914. 8^о.

Арсеньевъ, Ю. В. и Трутовскій, В. К. — Путеводитель по Оружейной Палатѣ. М. 1914. 8^о. Съ рис.

Баршевскій, И. Иконопись. Ростовъ-Ярославскій. 1914. 16^о. 15 стр.

Баршевскій, И. Нѣсколько словъ изъ исторіи искусства скомороховъ. Ростовъ-Ярославскій. 1914. 16^о. 11 стр.

Библиографическій указатель литературы по народной словесности на русскомъ языкѣ. Вып. II. 1912 годъ. М. 1914. 8^о. 46 стр. Ц. 30 к.

Бурцевъ, А. Е. — Мой журналъ для немногихъ. Выпускъ 5-й. Спб. 4^о. Съ 22 рис.

Вазеръ, О. — Греческая скульптура въ ея главныхъ произведеніяхъ. Пер. съ нѣм. М. И. Фабриканта съ предисл. Б. Р. Виппера. М. 1914. 8^о. Рис. Ц. 1 р.

Гѣрнесъ, Морицъ, д-ръ. — Первобытная культура. Часть I. Каменный вѣкъ. Пер. съ нѣм. Н. Н. Лебедева. Рига 1914. 16^о. Съ рис.

Замотинъ, И. И. — М. Ю. Лермонтовъ. Мотивы идеальной строительства жизни. Варшава. 1914. 8^о. Ц. 1 р.

Заринъ, С. М. проф. — Современные открытій въ области папирусовъ и надписей въ ихъ отношеніи къ Новому Завету. Спб. 1914. 8^о.

Курбскій, князь. — Сочиненія. Томъ первый. Сочиненія оригинальныя. Русск. Историческая бібліотека, издаваемая Имп. Археологич. Коммиссіей. Томъ XXXI. Спб. 1914. 4^о. Ц. 2 р.

Муратовъ, П. — Древне-русская иконопись въ собраніи И. С. Остроухова. М. 1914. 4^о. 40 стр. + 43 листа рис. Ц. 16 р.

Объ украинской вышивкѣ XVIII вѣка и современномъ ея возрожденіи. Черниговъ. 1914. 8^о. 21 стр. Съ рис.

Саводникъ, В. — Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка. Часть II. Изд. 9. М. 1914. 8^о. 21 стр. Съ рис.

Спафарисъ, И. — 1) О двухъ намогильныхъ памятникахъ съ турецкими надписями, хранящихся въ музеѣ Имп. Одесскаго Общ. истор. и древн. Одесса. 1914. 8^о. 7 стр. — 2) Сообщение о металлической чашѣ съ арабской надписью. Одесса. 1914. 8^о. 7 стр.

Штернъ, Э. Р. фонъ. — Отчетъ о раскопкахъ на островѣ Березани лѣтомъ 1913 года. Одесса. 1914. 4^о. 33 стр. Съ рис.

Библія въ твореніяхъ величайшихъ мастеровъ новаго искусства. На русскомъ и еврейскомъ языкахъ. Одесса. 1914. Выпуски: I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX и X, стр. 1 — 80. Съ рис.

Бурцевъ, А. Е. — Мой журналъ для немногихъ. Вып. VI. Спб. 1914. 4^о. Съ рис.

Грековъ, Б. Д. — Новгородскій домъ Св. Софіи. Часть I. (Записки Истор. Филол. факультета Импер. Спб. Универс. часть СХХ) Спб. 1914. 8^о.

Гриммъ-Германъ. — Микель Анджело Буонарроти. Вып. 4-й. 1914. 4^о. Съ рис.

Джанашвили, М. Г. — Каталогъ предметовъ Церковнаго Музея Грузинскаго духовенства. Тифлисъ. 1914. 8^о. Ц. 1 р.

Извѣстія Кавказскаго Музея. Томъ VII. Вып. 3 — 4. Тифлисъ. 1914. 8^о. 10 табл. рис.

Кондаковъ, С. Н. — Юбилейный Справочникъ Императорской Академіи Художествъ. Спб. 1914. 4^о. Съ портр. и рис.

Литовская метрика, отдѣлы первый — второй. Часть третья: Книги публичныхъ дѣлъ. Томъ первый. Русск. Истор. бібліотека, издаваемая Импер. Археогр. комиссіей. Томъ XXX. Юрьевъ. 1914. 8^о. Ц. 3 р.

Извѣдгауеръ, О. — Императорскій Эрмитажъ. Краткое описаніе собранія античныхъ расписныхъ вазъ. Спб. 1914. 8^о. Съ рис.

Вашковъ, Сергѣй. — Религіозное искусство. Сборникъ работъ церковной игражданской утвари, исполненной Т-омъ П. Н. Оловянишникова С-ья. М. 1914. Изд. 2-е. 4^о. 12 + 188 лист. рис. Ц. 100 р.

Голоскевичъ, Г. К. — Евсевіево Евангеліе 1282 года. Опытъ историко-филологическаго изслѣдованія. Спб. 1914. 4^о. Ц. 65 к.

Извѣстія Императорской археологической комиссіи. Вып. 52 й. (Вопросы Реставраціи, вып. 13-й). Спб. 1914. 4^о. 185 стр. Съ 159 рис. + 4 табл.

Нейманъ, Б. В. — Лермонтовъ, его жизнь и творчество. 1814 — 3 октября — 1914. Кіевъ. 1914. 8^о. 31 стр.

Потебня, А. А. — Изъ лекціи по теоріи словесности. Басня. Пословица поговорка. Харьковъ. 1914. 8^о. Ц. 80 к.

Сборникъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Томъ VI. М. 1914. 8^о. Ц. 3 р. 50 к.

Шамбинаго, С. — Пѣсни времени Царя Ивана Грознаго. Изслѣдованіе. Сергіевъ-Посадъ. 1914. 8^о. Ц. 2 р.

Айхенвальдъ, Ю. — Силуэты русскихъ писателей. Вып. I. М. 1914. 8^о. 15 портр. Ц. 2 р. 20 к.

Гѣрнесъ, М. проф. — 1) Культура доисторическаго прошлаго. Ч. II. Бронзовый вѣкъ. Перев. съ нѣм. М. 1914. 8^о.

(Табл. съ рис. Ц. 80 к. 2) Культура доисторическаго прошлаго. Ч. III. Желѣзный вѣкъ. М. 1914. Съ рис. Ц. 50 к.

Извѣстія Императорской Археологической Коммисіи. Прибавленіе къ вып. 52-му. Спб. 1914. 4^о. Съ 4 рис.

Котляревскій, Несторъ — Мировая скорбь въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Ея основныя эпические и социальные мотивы и ихъ отраженія въ художественномъ творествѣ. Спб. 1914. Изд. 3-е, испр. 8^о. Ц. 2 р.

Ла-Бартъ, Ф. де, гр. — Бесѣды по исторіи всеобщей литературы. Ч. I. Средніе вѣка и Возрожденіе. М. 1914. Изд. 2-е, перераб. и дополн. 8^о. Ц. 2 р.

Лѣтопись историко-родословнаго Общества въ Москвѣ. Годъ 10-й 1914. Вып. I и II. (37-й и 38-й) М. 1914. 8^о.

Маковельскій, Александръ. — Доксократики. Первые греческіе мыслители въ ихъ твореніяхъ, въ свидѣтельствахъ древности и въ свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій. Часть I. До Элеатовскій періодъ. Казань. 1914. 8^о. Ц. 2 р.

Мутеръ, Р. — Исторія живописи. Томъ II. Вып. III и IV. М. 1914. 8^о. 23 рис.

Нейманъ, Б. В. — Вліяніе Пушкина въ творествѣ Лермонтова. Кіевъ. 1914. 8^о. 1 табл. Ц. 75 к.

Оболяниновъ, Н. — Каталогъ русскихъ иллюстрированныхъ изданій. 1725 — 1860 г.г. Въ двухъ томахъ. Томъ I. М. 1914. 4^о. Ц. 15 р. за два тома.

Писаревъ, Николай. Свящ. — Отзывъ о сочиненіи А. И. Успенскаго "Царскіеиконописцы живописцыXVIIIв." Казань. 1914. 8^о. 18 стр.

Школа рисованія, живописи и прикладнаго искусства. Искусство для всѣхъ. Подъ ред. проф. А. В. Маковского и Вадима Лѣсового. Томъ II. Спб. 1914. 4^о. 96 стр. Съ рис. Ц. 2 р.

Донской Край въ доисторическій періодъ и въ эпоху греко-римской культуры. Листъ 7—14. Новочеркасскъ. 1914, 8^о.

Ильинъ, А. М. — Придонскія древности. Значеніе ихъ для исторіи мѣстнаго края. Краткія свѣдѣнія о Ростовскомъ-Дону музеѣ и собранныхъ имъ коллекціяхъ. Ростовъ н. Д. 1914. 4^о. 12 стр.

Мацулевичъ, Л. — Фрагменты стѣнописи въ соборѣ Святогорскаго монастыря. Т. 1914 8^о. 3 табл.

Мясоедовъ, В. — 1) Кратіры Софійскаго Собора въ Новгородѣ. Спб. 1914. 8^о. 14 стр. Съ рис. + 5 табл. 2) Фрагменты фресковой росписи Святой Софіи Новгородской. Спб. 1914. 8^о. 20 стр. Съ рис. + 3 табл.

Сазовскій, Мыслиборъ. — Славянская письменность и литургія въ IX—XI вѣкѣ на Западѣ. (Введеніе къ исторіи чешскаго языка). Н. Новгородъ. 1914. 16^о. 28 стр.

Скворцовъ, Н. А. прот. — Архивъ Московской Св. Синода Конторы. Матеріалы по Москвѣ и Московской епархіи за XVIII вѣкъ. Вып. II. М. 1914. 8^о. Ц. 3 р.

Филевскій, П. П. — Конспектъ исторіи челоѣчества, его дѣяній, мыслей и творчества. Въ 2-хъ частяхъ, 1-ая часть — Всемирная хронологія. 2-ая часть — Алфавитъ. Таганрогъ. 1914. 8^о. Ц. 1 р. 75 к.

Александровскій, Г. В. — Чтенія по новѣйшей русской литературѣ. Вып. первый. Содержаніе: 1) Введеніе. 2) Бѣлинскій. 3) Тургеневъ. 4) Гончаровъ. 5) Островскій. 6) Некрасовъ. Кіевъ. 1914. Изд. 9-ое. 8^о. Ц. 1 р.

Архивы Ставропольской губерніи. Доклады Предсѣдателя Ставропольской ученой архивной Коммисіи. Ставрополь. 1914. 8^о. 23 стр.

Бородинъ, А. К. проф. — М. Ю. Лермонтовъ. Спб. 1914. 8^о. 139 стр. съ портр. Ц. 90 к.

Вершинскій, А. Н. — Микулинскій соборъ, какъ памятникъ древне-русскаго зодчества. Тверь. 1914. 8^о. VI табл. рис.

Вѣстникъ Общества Ревнителей Исторіи. Вып. I. Пг. 1914. 4^о. Съ портр.

Журналъ 115 засѣданія Тверской ученой архивной Коммисіи 23 Декабря 1912 года. Тверь. 1914. 8^о. 74 стр.

Закржевскій, А. — Лермонтовъ и современность. Кіевъ. 1914. 8^о. Ц. 1 р.

Мартыновъ, П. — Матеріалы историческое и юридическое района бывшаго приказа Казанскаго дворца. Томъ V. Архивъ Павла Сергѣевича Таушева. Симбирскъ. 1914. 8^о.

Медринъ, В. М. — Исторія Сиогуната въ Японіи. Нихонъ Гайси. Сочиненіе Рай Дэисисей. Въ XXII книгахъ. Перев. съ японскаго. Книга III. Минамото II. Владивостокъ. 1913. 8^о. Ц. 1 р.

Носовъ. — Описаніе города Ставрополя. Труды Ставропольской ученой архивной коммисіи. Ставрополь. 1914. 8^о. 10 стр.

Поливановъ, В. Н. и Красовскій, В. Э. — Матеріалы историческіе и юридическіе, района бывшаго приказа Казанскаго дворца. Томъ III. Собраніе актовъ XVII и начала XVIII в.в. Симбирскъ. 1902. 8^о.

Соколовъ, В. — Тамань въ прошломъ и настоящемъ. Керчь. 1914. 8^о. 63 стр.

Редакторъ-издатель Н. В. Соловьевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

	СТР.
Бумаги А. А. Воейковой. — Н. С.	5
Исторія одной жизни. — Н. Соловьевъ	7
І. Ф. Антингъ. — П. Эттингеръ	51
Замѣчательный планъ Парижа. — Н. Карѣвъ	57
Книжные знаки герцога Омальскаго. — У. Иваскъ	61
Записки кн. И. М. Долгорукова.	64
Библиографія: 1. Переписка Н. В. Станкевича. — Н. Кашинъ; 2. С. Москаленко-Судіенко. Новое о „Демонѣ“ и „Бояринѣ Оршѣ“. — В. Анд—ъ; 3. Матеріалы къ родословію Чернопято- выхъ. — В. Анд—ъ; 4. С. В. Соловьевъ. Очерки изъ исторіи новой французской и провансальской литературы. — В. Анд—ъ; 5. А. С. Лаппо-Данилевскій. Петръ Великій, основатель Акаде- міи Наукъ въ Спб. — В. Анд—ъ; 6. Н. К. Никольскій. Руко- писная книжность древне-русскихъ библіотекъ. — В. Анд—ъ; 7. В. И. Срезневскій и А. Л. Бемъ. Изданія церковной печати времени имп. Елисаветы	79
Новости бельгійской историко-археологической литературы	85
Хроника	87

ОГЛАВЛЕНІЕ РИСУНКОВЪ И ФАКСИМИЛЕ:

А. А. Воейковой. Портретъ	5
Е. А. Протасова. Портретъ	13
Рукопись В. А. Жуковскаго	23
А. А. Воейкова съ дѣтьми. Портретъ	41
Автографъ В. А. Жуковскаго	49
Тоже	50
Силуэтъ работы Антинга	53
Тоже	55
Тоже	57
Планъ Парижа	59
Книжные знаки герцога Омальскаго	61

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

(5-й годъ изданія)

РУССКІЙ БИБЛІОФИЛЪ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ

выходить 8 разъ въ годъ, книжками по 6 печ. листовъ со многими иллюстраціями.

По примѣру первыхъ 4-хъ лѣтъ изданія, наиболѣе обширнымъ отдѣломъ „Русскаго Библіофила“ явится отдѣлъ историко-литературный, въ которомъ будетъ опубликованъ рядъ неизданныхъ писемъ и произведеній виднѣйшихъ русскихъ писателей. Наряду съ этимъ, видное мѣсто займетъ отдѣлъ историческихъ воспоминаній и записокъ, въ которомъ, между прочимъ, будетъ продолжаться печатаніе обширныхъ записокъ кн. **И. М. Долго-рукова**, начатое въ 1913 году.

Вопросы искусства вообще, и въ частности искусства графическаго, вмѣстѣ съ вопросами библіофиліи и коллекціонерства будутъ также достаточно подробно затронуты на страницахъ журнала. Въ библіографическомъ отдѣлѣ, кромѣ рецензій на книги по исторіи, исторіи литературы и искусству и перечней вновь выходящихъ книгъ по этимъ вопросамъ, будутъ помѣщаться описанія частныхъ собраній и библіотекъ общихъ и специальныхъ.

РЕДАКЦИЕЙ ПРИОБРѢТЕНЪ и БУДЕТЪ ОПУБЛИКОВАНЪ въ теченіе 1915 г.

АРХИВЪ А. А. ВОЕЙКОВОЙ,

племянницы В. А. Жуковскаго, извѣстной „Свѣтланы“.

Архивъ состоитъ изъ множества отдѣльныхъ рукописей и десяти семейныхъ альбомовъ и включаетъ въ себѣ рядъ неизданныхъ произведеній Жуковскаго, Языкова, Козлова, Баратынскаго и др. въ автографахъ. Обширная переписка даетъ множество интересныхъ свѣдѣній для біографій многихъ литераторовъ начала XIX вѣка, а изящные альбомы украшены рисунками и портретами нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, которые будутъ воспроизведены на страницахъ „Русскаго Библіофила“.

Подписная цѣна **8 р. 50 к.** въ годъ съ пересылкой (за границу **35 фр.**); безъ доставки **8 руб.**

Редакція: Петроградъ, Литейный, 51. Редакторъ-Изд. Н. В. Соловьевъ.

Пріемъ подписки въ конторѣ журнала: Петроградъ. Рыночная, 10.

Тип. — Сиріусъ — Тел. 583-67.

СТАРЫЕ ГОДЫ

ЕЖЕМЕСЯЧНИКЪ

для любителей
искусства и старины.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ.

Лѣтній выпускъ 1914 г. (июль-сентябрь), посвященный Гатчинѣ, отпечатанъ лишь отчасти и прерванъ печатаніемъ вслѣдствіе отъѣзда авторовъ на войну; онъ будетъ разосланъ дополнительно, вмѣстѣ съ указателемъ за весь годъ.

Въ ближайшихъ выпускахъ предполагено помѣщеніе ряда статей, посвященныхъ описанію памятниковъ старины въ Галиціи и Польшѣ, а также ниже-слѣдующія статьи:

Бар. Н. Н. Врангель: Портреты „Princesse de Ligne“, „Пастели Гатчинскаго дворца“. — В. Н. Гернгроссѣ (Всеволодскій): „Театральный костюмъ XVIII в. и художникъ Боккэ“. — Н. О. Лернеръ: „Путевые наброски Айвазовскаго“, „Пушкинъ-рисовальщикъ и его отношеніе къ изобразительнымъ искусствамъ“, „Пушкинъ и „Распятіе“ Брюллова“. — Э. К. Липгартъ: „Маньяско въ русскихъ собраніяхъ“. — Г. К. Лукомскій: „Бѣлостокскій дворецъ“. — С. Н. Тройницкій: За-мѣтки по фарфору, серебру и др., „Россійскіе орденскіе знаки“. — Бар. А. Фелькерзамъ: „Слоновая кость и ея примѣненіе въ искусствахъ“. — В. А. Шавинскій: „Корнелисъ в. Хаарлемъ“, „Собр. С. И. Пидлоvsкаго“. — „Сергѣй Эрнстъ: „Семенъ Щедринъ“, „Русскіе медалеры“, „Рисунки XIX вѣка въ собраніи Е. Г. Швартца“. — П. Эттингеръ: „Станиславъ Августъ и его Дворъ“.

Цѣна въ годъ съ доставкою и пересылкою 15 руб., безъ доставки — 14 руб., за границу — 50 франковъ.

При подпискѣ черезъ контору редакціи допускается разсрочка: При подпискѣ — 7 руб., 1 апрѣля — 4 руб. и 1 июля — 4 руб.

За перемѣну адреса 50 коп.

Подписка принимается: въ Петроградѣ — въ конторѣ редакціи (Рыночная ул., 10) и въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Мелье, „Новаго Времени“, Клочкова, Лебедева, Соловьева, Карбасникова и Митюрникова; въ Москвѣ — въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, „Новаго Времени“, Шибанова, „Образованіе“, конторѣ Печковской и В. Н. Морозова и въ складахъ изданій Общины Св. Евгеніи Краснаго Креста: въ Петроградѣ — Морская, 38 и въ Москвѣ — Кузнецкій мостъ, 11. Объявленія: стран. 90 руб., $\frac{1}{2}$ стр. — 55 руб., $\frac{1}{3}$ стр. — 40 руб., $\frac{1}{4}$ стр. — 30 руб., $\frac{1}{8}$ стр. — 20 руб.

Комплектовъ журнала за 1907 — 1913 годы не имѣется.

Заявленія о неполученіи номера принимаются въ редакціи въ теченіе 2-хъ недѣль со дня выхода слѣдующаго за недоставленнымъ номера.

Редакціонный Комитетъ: В. А. Верещагинъ, бар. Н. Н. Врангель, І. І. Леманъ, С. К. Маковский, С. Н. Тройницкій и А. А. Трубиновъ.

Редакторъ-Издатель П. П. Вейнеръ.

ТИПОГРАФІЯ и КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО - СИРІУСЪ -

Спб., Рыночная улица, № 10. Тел. 583-67.

ИМѢЮТСЯ НА СКЛАДѢ КНИГИ:

Вережагинъ, В. А. Русская карикатура:

— Т. I. В. Ф. Тиммъ. Ц. 3 р. 50 к.

— Т. II. Отечественная война. Ц. 5 р.

— Т. III. А. О. Орловскій. Ц. 4 р. 50 к.

Его же: Памяти прошлого. Ц. 5 р.

Волконскій, кн. С. М. Выразительное слово. Ц. 1 р. 50 к.

Его же: „Отклики театра“. Ц. 1 р. 50 к.

Врангель, бар. Н. Н. Наслѣдіе Великой Княгини Маріи Николаевны. Ц. 2 р.

Его же: О. А. Кипренскій въ частн. собраніяхъ. Ц. 3 р. 50 к.

Его же: А. Г. Венеціановъ въ частн. собраніяхъ. Ц. 1 р. 75 к.

Его же: Памяти П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго. (Собр. картинъ). Ц. 3 р.

Г. Х. Д. Осенніе листья. Стихотворенія въ прозѣ. Ц. 2 р.

Казнаковъ, С. Н. Пакетовыя табакерки Импер. Фарфороваго Зав. Ц. 6 р.

Лукомскій, Г. К. Старинные театры. Т. I. Ц. 6 р.

Левинсонъ, А. „Мастера Балета“. Ц. 4 р.

Трубниковъ, А. А. Помнишь бывало. Ц. 85 к.

Хвощинскій, В. Тосканскіе художники. Ц. 2 р. 50 к.

Шретеръ, М. В. „Пѣсни Чижика“ кн. II. Ц. 90 к.

Тройницкій, С. Н. Гербовникъ А. Т. Князева. Ц. 10 р.

Его же: Фарфоровыя табакерки Импер. Эрмитажа. Ц. 3 р. 50 к.

Его же: Гербовые девизы Русск., Польск., Финл. и Прибалт. Дворянства. Ц. 1 р. 25 к.

Его же: Гербы Лейбъ-Компаніи оберъ и унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Ц. 7 р.

Никольско-Бахметевскій Хрустальный заводъ (Исторія завода и развитіе стекляннаго дѣла въ Россіи). Ц. 6 р.

Стравинская, И. А. Христіанскій театръ. Ц. 1 р.

Спасенная Россія въ басняхъ Крылова, рис. Е. Нарбута. Ц. 2 р.

В. Лукомскій и С. Тройницкій. Списки лицамъ Выс. пожалов. Дипломами съ Гербами на Дворян. достоин. Всеросс. Имп. и Ц. Польск. Ц. 85 к.

Лукомскій, В. и Тройницкій, С. Указатели къ общему Гербовнику. Ц. 1 р. 40 к.

Арсеньевъ, В. Списки дворянск. родовъ Съдлецкой губ. Ц. 45 к.

„Гербовѣдъ“, журналъ. Комплектъ за 1913 и 1914 г.г. по 10 р.

Лукомскій, В. и Модзалевскій, В. Малороссійскій Гербовникъ. Ц. 6 р.

Өоминъ, А. „Памяти Пушкина“. Ц. 1 р. 50 к. [Раскрашен. 30 р.]

Его же: Къ исторіи вопроса о развитіи въ Россіи общественныхъ идей въ началѣ XIX в. Ц. 3 р.

Книгопродавцамъ обычная скидка.

КНИГИ

изд. **С. А. Козловскаго** для самообученія: Рѣш. и подробн. объясн. 2 — 10-ю спос. всѣхъ арием., алгеб., геомет., триг. и анал. зад. сборниковъ: 1) Верещагина; 2) Малинина и Бур.; 3) Гольденберга; 4) Евтушевскаго ч.ч. I и II; 5) Арбузова и К^о; 6) Шапошникова и Вальцова; 7) Киселева; 8) Сорокина; 9) Рыбкина; 10) Кліоновскаго; 11) Минина; 12) Вулиха; 13) Давидова; 14) Бычкова; 15) Стеблова; 16) Злотчанскаго; 17) Воинова; 18) Горячева и друг. Скидка 20% при Вашей пересылкѣ. Подробное объявленіе съ образц. рѣш. задачъ высылаю бесплатно. Выписывать исключительно по адресу: Бѣлая Церковь, Киевской губ., **С. А. Козловскому**.

ИЗВѢСТІЯ

ОДЕССКАГО БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ НОВОРОССІЙСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

выходятъ двухмѣсячными выпусками по четыре печатныхъ листа каждый.

Содержаніе: доклады членовъ Общества, рецензіи и статьи о книжныхъ новостяхъ (преимущественно изъ области историческихъ, социальныхъ и гуманитарныхъ наукъ); біографическіе матеріалы; бібліографическіе обзоры и указатели; статьи и замѣтки по бібліотечной и старинѣ Новороссійскаго Края, Бессарабіи и Крыма; краткіе протоколы засѣданій Общества; книжныя объявленія.

Цѣна выпуска 35 коп.

Цѣна перваго тома (за 1911 — 1912 г.г.) 3 руб.

„ второго „ (за 1913 г.) 2 „

Книги для рецензій (желательно въ двухъ экземплярахъ) направляются по адресу: Одесса, Преображенская ул., Библіотека Университета, Одесскому Библіографическому Обществу.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ

НОВАЯ КНИГА:

„РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ XVIII ВѢКА“.

ПЛАНЪ РАБОТЫ ПРЕДПРИНЯТОЙ

В. П. СЕМЕННИКОВЫМЪ

Цѣна 40 коп. съ пересылкой (можно марками).

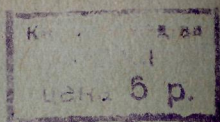
ВЫПИСЫВАТЬ ОТЪ АВТОРА:

Петроградъ, Васильевскій Островъ, 6 линія, домъ № 25.

Продается также въ книжномъ магазинѣ Н. В. Соловьева.

2
104

2-й

БГ ⁰⁰²
P-8945

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1915 ГОДЪ:

съ доставкой въ Россіи 8 р. 50 к.,
безъ доставки 8 р., за границу 35 франковъ.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ ЖУРНАЛА:

Петроградъ. Рыночная, 10.

138
5

ЖС-1632
1915-№1

БГ 002
Р-8948